

A young couple is lying on a grassy field. The woman is on the left, wearing a plaid shirt, looking towards the man. The man is on the right, wearing a white tank top, looking up. A large, textured red heart is in the background.

Голос СЕРДЦА

ЧЬЕ СЕРДЦЕ
ПОДСКАЖЕТ МНЕ
ИСТИННЫЙ ПУТЬ - ЕЕ
ИЛИ МОЮ?

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ

ШЭРИ ДЖ. РАЙАН

[VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books)

— Время смерти... — произнес доктор.

Я никогда не забуду тот момент, когда взглянул на Элли и увидел, что ее когда-то розовые щеки теперь стали бледными, а идеальные губы приобрели синеватый оттенок. Женщина, с которой я познакомился, когда нам было всего лишь по пять лет. Моя жена. Мой лучший друг... и мать нашей только что родившейся дочки.

«Ты обещала мне, что мы будем вместе вечно», — хотел сказать я ей. — «Ты отдала мне себя на всю жизнь», — повторял я вновь и вновь. Но ее жизнь оборвалась сейчас, в двадцать пять лет.

— Вы должны попрощаться с ней, — прошептал доктор.

Как я могу попрощаться с единственным человеком в моей жизни, которому никогда не смогу сказать «прощай»?

Мое тело онемело, а сердце кричит от боли. Такой боли, словно кто-то вырвал его из моей груди. Но самое ужасное...

— Мы собираемся извлечь сердце из ее тела. Она хотела стать донором, — сказал доктор.

Она никогда не говорила мне об этом.

Она никогда не говорила мне, что теперь ее сердце продолжит биться в теле другой женщины. Она никогда мне не говорила, что эта женщина знает меня, и ни разу не позволила мне узнать о ней.

Она никогда не говорила, чье сердце подскажет мне истинный путь — ее или мое?

Но она знала. Она могла рассказать мне об этом...

ГОЛОС СЕРДЦА

Автор: Шэри Дж. Райан

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Сердце #1 (про разных героев)

Номер в серии: 1

Главы: Пролог+21 глава+Эпилог

Переводчики: Нина Н.

Редактор: Дарья Х.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

— Шшш, — шепчу я ей. — Просто доверься мне.

Я приподнимаю Элли, помогая ей перелезть через кованные железные ворота, и прислушиваюсь к глухому шуму по другую сторону темноты.

— Давай!

В прыжке я преодолеваю те же ворота, присоединившись к ней на противоположной стороне. Взяв ее за руку, я веду нас вниз по покрытой мхом тропинке, по которой мы гуляли вверх и вниз уже сотни раз.

— Здесь так темно ночью, — говорит она, затаив дыхание.

— Тебе страшно? — спрашиваю я, щекоча пальцами ее бока.

Она игриво отбивается от меня локтями, заехав мне в живот, а затем насмешливо улыбается.

— Нет, болван. А вдруг здесь есть какие-нибудь животные или еще что-то?

— Я буду защищать тебя, — говорю я ей, крепко обнимая одной рукой за плечи.

— Что бы я без тебя делала? — сетует она. — Мой рыцарь, неотразимый Хантер.

Вместо ответа я просто оставляю быстрый поцелуй на ее макушке и продолжаю спускаться вниз по ступенькам. Как только мы спускаемся со склона, я вытаскиваю фонарик из заднего кармана и освещаю нам путь, ведущий к скамейке и группе широких дубов. Страх, кажется, полностью улетучился, и теперь Элли тихо посмеивается.

— Эл, — говорю я ей, подводя к ближайшему дереву.

— Да? — отвечает она сквозь смех.

Я указываю фонариком на землю и показываю ей острый камень, который нашел.

— Я хочу кое-что сделать, так, банальная вещь, — заявляю я.

— Только не говори, что собираешься вырезать наши имена на дереве, — говорит она так, будто ей понравилась моя идея — глупая и немножечко сентиментальная, но все же. Я кладу фонарь на скамью и легко обхватываю ладонями шею Элли. Сквозь ветки слабый свет луны освещает ее прекрасное лицо. Она улыбается той улыбкой, которая всегда была предназначена только для меня с тех пор, как нам было по пять лет. Вокруг нас стрекочут сверчки, а легкая майская прохлада овеивает наши лица, и я целую ее, девушку, которая всегда была моей.

Когда наши губы разъединяются, я беру ее за руку и вкладываю камень между пальцами. Сжав крепко ее руку, я вдавливаю с силой камень в дерево, запечатлевая наши имена на

мягкой коре, а затем обвожу их в форме сердца.

— Если кто-нибудь в футбольной команде узнает об этом...

— Это наш секрет навсегда, — шепчет она мне на ухо.

— Ты же знаешь, что это не секрет? — я жду ее ответа или намека, чтобы продолжить то, что собираюсь сказать, но в ответ только тишина. — Я так люблю тебя, Элли. Все эти годы я любил тебя как своего лучшего друга, но теперь, готовясь окончить среднюю школу и отправиться в большой плохой мир, я хочу, чтобы ты знала, насколько действительно сильно я люблю тебя. Это та любовь, которая заставляет парня увековечить имя любимой девушки на дереве. Это та любовь, которая, я надеюсь, никогда не закончится.

— Я навсегда твоя, Хантер. И это всегда будет нашим деревом.

26 ДЕКАБРЯ

— *Семь лет спустя* —

— Не могу поверить, что мы наконец-то станем родителями, — говорит Элли, все еще тяжело дыша после последней схватки. Пока я бегая по дому, как потерянный цыпленок, она сжимает подлокотник дивана так сильно, что костяшки ее пальцев побелели.

Маленький чемодан... взял. Сумка для дочки... проверил. Что же еще?

— Кажется, что-то еще. Что я забыл?

— Детское одеяло. То, которое я связала, — кричит она из гостиной. Элли провела последние семь месяцев за вязанием крошечного розового одеяла. Она не знала, как его вязать, но утверждала, что это своего рода ритуал посвящения в материнство. И она связала. Я должен найти его.

— Понял, детка.

Малыш. В ближайшие несколько часов я стану папой. Мы собираемся стать настоящей семьей. Эта мысль и страшит меня, и захватывает одновременно.

— Хорошо, еще одну секунду. Позволь мне прогреть машину сначала.

Наше маленькое чудо должно было появиться на свет только через две недели, но, видимо, она решила, что следующий день после Рождества — это идеальное время, чтобы прийти в этот мир. И я не могу не согласиться с ней. Я не могу уже дождаться, когда встречусь с моей дочкой.

Я выбегаю через парадную дверь, скользя по свежевypавшему снегу прямо к двери автомобиля. Нырять внутрь и включаю зажигание, чтобы прогреть машину. *Давай. Прогревайся. Эту маленькую девочку сегодня уже ничто не остановит.*

Когда возвращаюсь в дом, Элли все еще стоит на том же месте, держась за диван. Ее глаза плотно закрыты, а зубы сжаты. На лбу проступили капли пота, она дышит громко и часто. Я осторожно вытираю ее лоб кончиками пальцев и убираю волосы с лица, стараясь изо всех сил успокоить, ожидая, пока схватка прекратится. Когда схватка утихает, я беру ее за руку, а она хватается свою сумочку с журнального столика. Помогая ей медленно выйти на улицу, я держу ее так, чтобы она, не дай Бог, не поскользнулась на снегу.

— Мы делаем это, Эл. Мы действительно делаем это! — говорю я ей.

Она улыбается и кивает мне, сосредоточившись на дыхании и на том, чтобы устроиться

на сидении до начала следующей схватки.

Усадив Элли внутрь, я закрываю дверь машины, потом на одном дыхании бегу к своему месту и залезаю на водительское сиденье. Закрыв дверь, я резко вдыхаю и вижу маленькую улыбку на лице Элли и слезы в глазах.

— Я люблю тебя, — говорит она, накрыв мою руку своей. — Это будет лучший день в нашей жизни.

— Один из первых лучших дней в нашей жизни. Потому что в будущем нас ждет еще много замечательных дней, — отвечаю я с улыбкой.

Несмотря на то, что, кажется, мы добираемся до больницы целую вечность, менее чем через двадцать минут мы уже подъезжаем к раздвижным стеклянным дверям в отделение неотложной помощи.

— Ты ведь не оставишь меня, правда? — спрашивает Элли. Это первый раз, когда я вижу страх в ее глазах за все время беременности. Она всегда сохраняла спокойствие, в то время как я делал все возможное, чтобы скрыть свое беспокойство.

— Я не хочу, чтобы ты шла через парковку, Эл.

— Я буду в порядке. Просто не оставляй меня.

Не раздумывая, я нажимаю на газ и въезжаю в гараж, к счастью, сразу же нахожу пустое место на первом этаже и довольно близко к входу. Очередная схватка проходит через ее тело, и она начинает стонать от боли.

— Перерыв уже в четыре минуты, — говорю я, глядя на часы.

Когда схватка заканчивается, я пользуюсь моментом, чтобы выскочить из машины и помочь Элли. Я беру ее под руку и иду настолько быстро, насколько она может передвигаться. Оказавшись внутри, нахожу инвалидное кресло и помогаю ей сесть в него. Я стараюсь сохранять спокойствие ради Элли, но... *О, Боже. Я схожу с ума.*

Я проталкиваюсь с ней к столу регистрации, одной рукой удерживая инвалидную коляску, другой крепко обнимаю ее плечи.

— Моя жена рождает, — говорю я регистратору.

— Третий этаж. Вас примут там, — говорит женщина, жизнерадостно улыбаясь нам. — Поздравляю, мама и папа.

Мама и папа. Мы собираемся стать родителями. Мы собираемся стать родителями! Поразительно. Невероятно! Я не могу дождаться, чтобы увидеть ее маленькое личико. Интересно, будет ли она похожа на Элли? Боже, я надеюсь на это. Я хочу, чтобы у нее были белокурые локоны Элли и ее большие карие глаза, и улыбка, которая освещает всю комнату. Я надеюсь, что она унаследует мое чувство юмора и мозги Элли. Я просто знаю, что она будет совершенна во всем.

— Можешь ли ты поверить этому? — спрашивает Элли по пути к лифту. — Целых три года у нас ничего не получалось. Но я была готова ждать нашу маленькую девочку вечно.

— Но мы не должны больше ждать. Нам так чертовски повезло, детка.

Я выкатываю ее на третий этаж, где нас сразу же встречает медсестра. Она бросает один взгляд на Элли и провожает нас в небольшой кабинет.

— Я просто задам вам несколько вопросов, Элеонора. Потом проведем осмотр.

Я стараюсь сохранять спокойствие или, по крайней мере, быть более или менее спокойным, так как я сейчас явно на грани. Какие вопросы у них могли возникнуть именно сейчас? Мы предварительно уже были зарегистрированы. Зачем нужно тратить на это время, ведь я позвонил заранее доктору Элли, чтобы предупредить его о нашем скором приезде.

Медсестра расспрашивает Элли, чтобы подтвердить основную информацию и делает для нее больничный браслет. Потом она наклоняется над столом и одевает его вокруг запястья Элли. Несмотря на то, что она дышит сейчас снова с трудом из-за очередной схватки, Элли все равно выдавливает из себя «спасибо». Моя девочка всегда такая вежливая, независимо от ситуации.

— Я оповещу врача о вашем прибытии. Вы можете следовать за мной.

Женщина ведет нас к выходу, а потом через двойные двери в большую комнату, должно быть, с дюжиной кабинок, разделенных между собой шторами.

— Один из наших дежурных врачей осмотрит вас сейчас и определит, на какой фазе схватки, — она помещает диаграмму Элли на дверь. — Там лежит рубашка для вас, чтобы вы могли переодеться, и нам нужен также анализ мочи, — говорит она, указывая на контейнер на столе.

Разве не видно, что она уже рожает? Конечно же, видно. Достаточно просто посмотреть на нее. Я стараюсь держать себя в руках, но хочу, чтобы кто-то избавил ее от этой боли. Я не могу смотреть, как она страдает.

Как будто прочитав мои мысли, Элли говорит:

— Не волнуйся, Хант, все будет в порядке.

Я хотел бы сказать, что ее смех успокаивает меня, но я знаю, что она старается ради меня. Что я говорю? Это я должен успокаивать ее сейчас. Я уже провалился в роли мужа и отца. Я веду себя так с того момента, когда она, сдав анализы крови, узнала о беременности. Мы столько всего сделали, чтобы Бог подарил нам ребенка, и теперь я не могу позволить себе подвести моих девочек. Я не должен подвести их ни в коем случае.

Элли пытается переодеться, а я просто стою здесь, уставившись на нее. Я заставляю себя выйти из оцепенения и беру ее за руку, помогая ей выступить из штанов. Хватаю длинную рубашку с кровати и надеваю ее Элли через голову.

— Ты выглядишь такой красивой прямо сейчас, — говорю я ей, и это действительно так. Она сияет. Она счастлива, несмотря на боль. Она была рождена для этой роли, и прямо сейчас я вижу это. *Я счастливейший мужчина на земле.*

— Садись, — шепчет Элли. — Я собираюсь воспользоваться ванной. Не волнуйся. Просто расслабься.

Она уходит с улыбкой. Она улыбается. Я тоже должен улыбаться. Так почему я чувствую, будто эта комната вращается вокруг меня? Мне не следует практиковать дыхательные упражнения без нее, но я должен сделать это, или хотя бы попытаться. Она рожает, а проблемы с дыханием у меня. Я должен дышать глубже, потому что прямо сейчас не могу нормально сделать глубокий вдох. Элли возвращается через несколько минут и укладывается на кровать, затем натягивает простынь до груди.

— Схватки становятся вся более частыми, — говорит она. — Я не думала, что это произойдет так быстро.

На занятиях, которые мы посещали, нам сказали, что у первородящих будущих мам, как правило, роды длятся дольше. Поэтому, когда мы придем в больницу, то должны быть готовы к тому, что придется сидеть и ждать нашего часа. Они рассказали нам про правило пять-один-один. Интервал между схватками менее пяти минут, а длина самой схватки одна минута, и длится все это более часа. По крайней мере, я думаю, что это правило значит именно это, но сейчас из моей головы исчезли все наставления. Боже, я надеюсь, что мы не будем ждать слишком долго. Должно быть, они будут думать, что я ужасный муж и будущий

отец.

— Что происходит в твоей голове? — спрашивает Элли, увидев выражение паники на моем лице.

Я сосредотачиваю все внимание на ее бледном лице.

— Ничего, детка. Я просто взволнован. Беспокоюсь.

Она протягивает ко мне руку.

— Я тоже.

Приходит врач, чтобы проверить Элли, а в итоге причиняет ей еще больше боли, осматривая ее. Часть меня хочет также сделать больно ему за то, что он причиняет ей боль, но опять же, я ничего не говорю, так как знаю, что слишком близко к сердцу воспринимаю все происходящее.

— Ну, открытие уже почти девять сантиметров. Я чувствую головку ребенка, и мы должны немедленно отправить вас в родительный блок.

— Э-э, мне нужно поговорить с *моим* врачом. Это важно, — говорит Элли, в ее голосе вдруг звучит паника.

— Элл, он скоро придет. Не волнуйся, хорошо? — говорю я, пытаюсь успокоить ее. Она смотрит на меня с пустым выражением, так как даже слышать об этом ничего не хочет, или, может быть, у нее снова начались схватки. Я не уверен.

— Хорошо, — говорит она с неуверенностью во взгляде.

— Вы можете сделать ей эпидуральную анестезию? Или еще что-нибудь от боли? — спрашиваю я у врача.

— Мистер Коул, у нас нет времени на анестезию, — отвечает он.

Это означает только то, что Элли придется и дальше мучиться от боли. Я сделал это с ней. Я должен был привезти ее сюда раньше. Я причинил ей боль.

— Мне жаль, детка. Мне так жаль, — говорю я ей с сожалением, пока кто-то снимает тормоза у кровати, на которой она лежит.

— Все нормально. Я буду в порядке, но мне нужен мой врач, — она стонет.

Я держу ее за руку, пока мы бежим по коридору в другую комнату, где две медсестры помогают ей переместиться на большую кровать. Они подключают ее к связке проводов и капельнице. Разве так и должно быть? Все выглядит так серьезно.

— Артериальное давление низкое, — говорит одна из медсестер. — Нам нужно повернуть ее на бок.

Глаза Элли сосредоточены на мне, игнорируя всю суету вокруг. Наши пальцы все еще переплетены вместе, и она крепко сжимает мою руку.

— Я не могу почувствовать сердцебиение ребенка, — продолжает говорить медсестра.

Что?

— Что вы имеете в виду? Вы, что, не можете почувствовать сердцебиение у ребенка? Она в порядке? Что происходит? — я выпаливаю все эти вопросы сразу, чувствуя, как кровь отхлынула от моего лица... от всего моего тела.

— Мистер Коул, пожалуйста, не волнуйтесь, — спокойно говорит медсестра. — Элеонора, когда в последний раз вы чувствовали шевеление плода?

— Э-э, ну, пару часов назад, я думаю. Я не чувствовала ничего особо во время схваток.

Все медсестры в комнате обмениваются взглядами, затем одна выбегает за дверь. *Боже, помоги нам.* Что происходит сейчас? Я падаю на колени и беру руку Элли, поднеся ее к своим губам. Она дарит мне небольшую улыбку и говорит:

— Помнишь, тренер сказал, что такое иногда случается, Хантер. Мне все же нужно, чтобы ты нашел доктора Мура. Это действительно важно. У него есть мой план родов, и он нужен мне.

Я волнуюсь. Я так сильно волнуюсь сейчас, и, хотя ненавижу игнорировать желания Элли, я не оставляю ее одну, чтобы пойти искать этого врача, где бы он, черт возьми, не находился сейчас. Здесь хорошие дежурные врачи, которые могут помочь нашему ребенку появиться на свет, и если доктор Мур не появится здесь вовремя, они справятся прекрасно и без него.

— Хантер, я волнуюсь. Мне страшно, — всхлипывает она. — Что-то не так.

— Наш ребенок в порядке. С ней все будет хорошо, — говорю я, сжимая руку Элли.

Именно так и должно быть. Где этот чертов доктор? И почему никто не говорит нам, что происходит?

Дежурный врач, наконец, вбегает в палату с портативным ультразвуковым аппаратом.

— Мы просто хотим убедиться, что ребенок находится в правильном положении, — объясняет спокойно врач. Это все, что им нужно узнать? Не похоже, что это так. Он всего лишь хочет нас успокоить? Если да, то это не сработает. — Хорошо, у нас есть сердцебиение, но слабее, чем хотелось бы. Мне не нравится делать кесарево сечение еще нерожавшим девушкам, миссис Коул, но, в данной ситуации, это самый безопасный выход, нам нужно поскорее извлечь ребенка.

— Кесарево? — спрашивает Элли сквозь слезы. — Но я не хотела делать его.

Медсестра протягивает ручку Элли, чтобы она подписала несколько бумаг. Это занимает менее десяти секунд. Они уже выкатывают ее из палаты обратно в зал. Кто-то бросает мне медицинский халат и маску, а затем просит надеть их и следовать за медиками вплоть до операционной. Это безопасно? С Элли все будет хорошо? Кажется, она так боится... но я знаю, что это нормальная практика. Так сказал и наш тренер.

Я изо всех сил пытаюсь натянуть халат на свою футболку, пока бегу по коридору в другой зал, там вижу много врачей. Меня трясет и лихорадит, я в оцепенении захожу в операционную. Медсестра ведет меня к табуретке, расположенной у изголовья Элли.

— Просто расслабьтесь, — говорит медсестра, улыбаясь и поглаживая мою руку. — Она сейчас нуждается в вас.

Я ужасно хочу, чтобы все прекратили говорить мне расслабиться. Как, черт возьми, я могу расслабиться? Моя жена на операционном столе, а моя еще нерожденная дочь в беде. Кто расслабился бы в этой ситуации?

Я стараюсь дышать, игнорируя нервозность, но ничего не выходит. Я расчесываю пальцами мягкие волосы Элли, убирая их с лица.

— Ты в порядке? — спрашиваю я. Глупый вопрос. Конечно, она не в порядке, но сейчас я не знаю, что еще сказать.

— Насколько это возможно, — тихо говорит она. Я знаю, что она в ужасе.

— У нас уже нет времени на спинальную анестезию, — кричит врач. Это доктор Элли, слава Богу. Я не знаю, когда он попал сюда, но он здесь. — Мистер Коул, вам нужно покинуть операционную прямо сейчас.

— Что? Почему? — спрашиваю я, чувствуя себя совершенно беспомощным. Медсестра вставляет другую трубку в капельницу Элли. — Что это? — спрашиваю я.

— Мы должны ввести вашей жене общий наркоз для кесарева сечения. У нас нет времени делать ей спинальную анестезию, чтобы не подвергнуть ребенка опасности, так что

мне нужно, чтобы вы попросились и ожидали в соседней комнате. Как только родится ребенок, мы дадим вам знать, что происходит.

Я не могу быть здесь во время рождения моей дочери? Я не могу быть рядом с Элли?

— Мистер Коул, мы должны сделать это прямо сейчас, — ее врач кричит, вытаскивая меня из панического тумана, что окутал меня.

Элли уже в полубессознательном состоянии, когда я наклоняюсь и прижимаюсь губами к ее губам, чувствуя слезы, которые наполняют мои глаза.

— Я люблю тебя, Элл. Когда ты проснешься, мы будем уже семьей.

Мы. Верно?

Она слабо поднимает руку и кладет ее мне на лицо.

— Давай назовем ее Оливия, — шепчет она.

— Ты же говорила, что не хочешь давать ей имя, пока не увидишь ее, — напоминаю ей. Но ее глаза уже закрыты, а меня выпроваживают из операционной. — Я люблю тебя, Элли, — кричу я.

Я не должен плакать. Я должен быть сильным. Я не плачу. Я не плакал с детства. Почему это все кажется таким неправильным? Я не должен оставлять ее прямо сейчас. Это моя работа — находиться рядом с ней.

Теперь я один в маленькой комнате с кулером и телевизором. Присаживаюсь на стул, так как чувствую, что мои колени могут подвести меня. Я могу упасть в обморок, даже не видя ни капли крови. Удерживая голову в руках, я отсчитываю секунды, удивляясь тому, как долго они тянутся.

Сухость в горле мешает дышать, поэтому я наклоняюсь к кулеру, захватывая бумажный диффузор и заполняя его водой. Мы не так все планировали.

Мне кажется, что проходит целый час, прежде чем врач выходит через дверь, но это не доктор Элли.

— Мистер Коул, — говорит он. Я встаю вопреки своей физической слабости. — Ваша дочь само совершенство. Пуповина была обернута вокруг ее шеи два раза, но сейчас она находится в специальном отделении, где получает достаточно кислорода, поэтому скоро все будет замечательно. Медсестра встретит вас в блоке неонатального ухода, чтобы вы могли немного побыть с вашей дочерью, — с гордой улыбкой доктор тянется к моей руке. — Поздравляю, сынок. Она красавица.

— Как Элли? — спрашиваю я, дышать стало немного легче. — Она скоро придет в себя?

— Элеонор сейчас под... — доктор прекращает говорить, так как у него неожиданно пищит пейджер. После долгой паузы он смотрит на меня с широко открытыми глазами. — Мне нужно кое с кем поговорить сейчас.

Он выбегает из комнаты, а я остаюсь стоять, глядя на дверь. Его взгляд, это связано с Элли? Она в порядке? Я толкаю дверь и оказываюсь в пустом коридоре, вращаясь вокруг, ища медсестер... или кого-либо, кто может помочь мне понять, что происходит. Не найдя никого, я иду обратно в зал ожидания.

Медсестра, наконец, входит в комнату ожидания и садится рядом со мной, положив руку мне на спину.

— Хотите ли вы увидеть свою дочь? — спрашивает она с нежной улыбкой.

— Элли в порядке? — спрашиваю я.

— С ней сейчас врачи, — говорит она с оттенком беспокойства.

— Что это значит? Что-то случилось? — я спрашиваю более твердо на этот раз, пытаюсь

не паниковать.

— Когда они освободятся, то обязательно все вам расскажут, — говорит медсестра, пытаясь казаться обнадеживающей. — На данный момент вы должны сосредоточиться на вашей дочери.

— Оливия, ее зовут Оливия.

Мы идем, кажется, целый километр до конца этого зала, пока не заходим в комнату, окруженную окнами. Медсестра подводит меня к маленькой кровати с пластиковыми бортами. И я вижу ее... Оливия. Она идеальна. Я смотрю на свои пальцы, считая их и ее пальцы. Десять и десять. Ее нос — у нее идеальный маленький нос Элли. Она неописуемо красива.

— Хотите поддержать ее? — спрашивает медсестра.

Элли первой должна взять ее на руки.

— Я не вправе... — начинаю я.

— Она хотела, чтобы вы взяли на руки вашу дочь, — говорит медсестра с улыбкой, — тем более, она будет долго отходить от общего наркоза. Она не хотела бы, чтобы Олив так долго ждала, — медсестра подходит к кувету, осторожно поднимает мою маленькую девочку, держа ее плотно завернутой в розовое одеяло. — Нам нужно было вставить трубки в ее носик на некоторое время, пока уровень кислорода в ее легких не достигнет той отметки, которую мы хотим увидеть. Так что будьте осторожны, чтобы не сместить их.

Медсестра подтягивает поближе деревянное кресло-качалку и берет меня за руку, направляя к нему. Стоя как бревно от вида этого крошечного маленького человечка, я прижимаю Олив к груди, чувствуя ее тепло. Она успокаивает меня. Олив открывает глаза и смотрит на меня потерянным и одновременно любопытным взглядом. Я мгновенно таю. Я влюбился. Эта маленькая девочка моя. Она принадлежит мне, навсегда. Как мы можем создавать нечто столь совершенное?

— Я твой папа, — говорю слабым голосом сквозь слезы. — И я обычно не плачу так много, но ты просто так прекрасна.

Медсестра возвращается с бутылочкой и протягивает ее мне.

— Хотите покормить ее? — спрашивает она.

— О, нет. Элли будет кормить ее.

Это было первое, что она хотела сделать. Она знала, что ее план родов может измениться, но сразу дала понять, что хочет придерживаться грудного вскармливания, полностью избегая бутылочки, если это вообще возможно.

Медсестра тянет стул и садится рядом со мной.

— Тогда покормим ее попозже, — говорит она.

— Вы знаете что-нибудь? — я спрашиваю медсестру, глядя на выражение ее стареющего лица. Потому что это выражение говорит мне, что она что-то знает, или что она что-то видела. Что-нибудь. В ее глазах я вижу симпатию, но не то счастье, когда ты показываешь отцу в первый раз его дочь.

— Я... я не могу. Я думаю, что врач поговорит с вами в ближайшее время.

Мое сердце болит. Они что-то скрывают от меня. До сих пор мне не дают абсолютно никакой информации, и я чувствую, как воздух буквально выбит из меня.

— Не могли бы вы взять ее на мгновение? — прошу я медсестру. Я не хочу, чтобы кто-нибудь прикасался к моей дочери. Я хочу держать ее сам, но сейчас я не могу дышать.

Медсестра берет Оливию. Моя Олив. Она берет ее у меня и мягко кладет обратно в

кроватьку. В это же время я наклоняюсь вперед, стараясь изо всех сил вдохнуть немного глубже.

— Когда мне скажут, что происходит? Хоть что-нибудь? — спрашиваю я с оттенком враждебности. Я пытаюсь контролировать свой гнев. Я в детском отделении, так что знаю, что не могу потерять самообладание. Но я на грани. Если никто сейчас же мне не скажет, что происходит, я точно на хрен потеряю контроль.

Медсестра смотрит на меня снова, и на этот раз даже не пытается ответить мне. Вот черт. Черт! Элли! Нет! Я встаю и наклоняюсь, быстро целуя в голову Олив.

— Я вернусь, малышка.

Бегу обратно к операционной, прежде чем кто-нибудь сможет остановить меня. Когда подхожу к двери, я толкаю ее, очень хорошо зная, что не должен идти туда, и теперь я несколько удивлен, что никто не останавливает меня.

Когда дверь открывается, я немедленно впадаю в шок при виде огромного количества крови моей жены. Почему никто не занимается ей? Почему никто не остановит кровь? Я осматриваю комнату, глядя на их лица, пока не нахожу нашего врача. Он смотрит на часы. Что он делает? Нет... нет... Элли! Я бегу к ней, хватаю за руку и, падая на колени, притягиваю ее к груди.

— Нет, Элли, детка. Элли! — кричу я.

Продолжая кричать, я зову ее по имени снова и снова. Почему меня никто не останавливает? Это очень удивляет, но в глубине души я знаю ответ на этот вопрос. *Я знаю, почему никто не останавливает меня. Это не имеет значения, не так ли?*

— Время смерти...

— Не говори так. Не смей, черт возьми, говорить об этом! — кричу я.

— 11:12, — тихо говорит врач.

— Нет, она не умерла! Вы не можете просто отнять ее у меня. Она не умерла. Верните ее. Сделайте что-нибудь. Что-нибудь!

Как это могло произойти? Она здорова. Ее беременность протекала идеально. Не было утренней тошноты, никаких проблем с давлением, ничего. Так что же это?

Мои крики стихают, и в операционной наступает мертвая тишина. Перед глазами все плывет, несколько рук поднимают меня на ноги.

Когда меня отпускают, чья-то рука опускается на мое плечо, но я не могу отвести взгляда от Элли. Ее глаза закрыты. Ее некогда розовые щеки стали бледными, а губы приобрели синеватый оттенок.

— Пожалуйста, Элли. Ты не можешь оставить меня. Мы наконец-то обрели настоящую семью, Элли, — плачу я.

— Мы сделали все, что могли, — слова доктора долетают до моего уха и кружатся в мозгу, не находя логического объяснения. — Она умерла от разрыва аневризмы. (*Примеч.: аневризма — очаг патологического расширения одного или нескольких кровеносных сосудов в некоторых органах, в т.ч. головном мозге*).

— Разве это не в мозге? — спрашиваю я растерянно, глядя на пропитанную кровью голубую простыню, закрывающую нижнюю половину ее тела.

— К сожалению, напряжение от схваток привело к разрыву аневризмы. Это произошло очень быстро. Она не почувствовала никакой боли, но, тем не менее, ее мозг больше не функционирует.

— Как же мы могли не знать о том, что она...

— Боюсь, некоторые люди не узнают об этом, пока не становится слишком поздно, — говорит дежурный врач, но не доктор Элли.

Слишком поздно. Моя семья разбита. Любовь моей жизни, другая половина моего сердца, умерла.

— Сынок, сейчас неподходящее время, чтобы обсуждать это, но время идет. Чтобы она не потеряла много кислорода, мы временно подключили Элеонору к искусственной вентиляции легких, потому что она решила пожертвовать свои рабочие органы, если они подойдут. Я хотел бы сообщить вам об этом, прежде чем начинать процедуру. Хирург находится уже на пути сюда, мы должны действовать немедленно.

Так много информации обрушивается на мой мозг, этого хотела Элли? Но это не то, что я хочу. А что я? Как насчет Олив? Нам нужна была она вся целиком и полностью, и как бы эгоистично это ни звучало, я не хочу отдавать даже какую-то часть Элли кому-то другому. Я хочу ее целиком. Я хочу, чтобы она была со мной. Живая. Я не могу сделать это без нее.

— Я дам вам время.

— Так что, она еще жива? Я имею в виду, что ее сердце все еще бьется? — спрашиваю я, сбитый с толку. — Может, она слышит меня? Вы уверены, что она на самом деле умерла? Разве вы не сделали общий наркоз? Может быть, она просто не проснулась еще?

— Это произошло, как мы ни старались ее спасти, сынок. Я уверен. Мы сделали несколько тестов, чтобы подтвердить то, что мы сразу же предположили. Ее сердце все еще бьется, но боюсь, что остальная часть ее ушла.

Все уходят из операционной, оставив меня наедине с моей Элли. Моя девочка — женщина, которую мне подарила судьба. Я становлюсь на колени около ее постели, не в силах понять, как это все могло случиться с нами.

Пять часов назад мы смеялись над нашей любимой телепередачей. Она составляла длинный список детских имен и озвучивала самые смешные из тех, что нашла в словаре. Пять часов назад наша жизнь была прекрасна.

Я всегда старался не думать о том, что Бог не хотел, чтобы у нас был ребенок. Мы перепробовали все, в том числе все курсы лечения бесплодия. Ничего не помогало, но мы продолжали пытаться. Может быть, мы должны были принять подсказку. Но мы этого не сделали. Мы нуждались в Олив. Мы нуждались в ней, как нам нужен был воздух, чтобы дышать, и теперь я знаю, что Олив действительно была воздухом для Элли.

— Элли, детка, я никогда даже в мыслях не мог представить себе, что мне придется попрощаться с тобой сегодня. Как я могу сказать «прощай»? Я не хочу. Я прошу тебя остаться, но это уже не имеет никакого значения, не так ли? Боже. Жизнь жестока... так чертовски жестока. Этого не должно было случиться.

Я прикасаюсь губами к ее прохладной щеке. Она ушла. Я чувствую это. Ее душа ушла. Моя прекрасная Элли ушла. Я наблюдаю за ней мгновение, глупо думая... надеясь... что она сейчас просто откроет глаза.

— Открой глаза, — шепчу я ей на ухо. — Пожалуйста. Я не смогу жить дальше без тебя.

Я чувствую, будто мое сердце просто вырвали из груди. Все внутри так сильно болит, и это не та боль, которая когда-нибудь исчезнет.

— Элли, я собираюсь вырастить нашу маленькую девочку, как ты хотела вырастить ее. Она будет знать все о тебе, каждую деталь, вплоть до сердцевидной веснушки под правым глазом. Я не буду препятствовать. Мы будем помнить о тебе всегда. Я буду. Пожалуйста, Элл, просто знай, как сильно мы тебя любили. Я любил тебя с того дня, когда мы

встретились, и буду любить тебя до того дня, когда умру. Ты моя жена, мой лучший друг. Моя навсегда. Так же, как я был твоим всегда.

Я действительно был только ее всегда. Мы встретились первый раз в школе, когда нам было по пять лет. Мы были лучшими друзьями до средней школы, а затем начали встречаться до старшего курса колледжа, пока не поженились. Никогда не было никого вокруг... для нас обоих. Мы спланировали нашу жизнь, и это должно было быть началом... не концом. Я встаю и оставляю еще один поцелуй на ее лбу. Действительно ли я прощался с ней прямо сейчас? Это не реально. Это сон. Разбудите меня кто-нибудь.

Но нет. Это реально. День, который должен был стать самым лучшим в жизни, превратился в ад.

Я касаюсь ее волос в последний раз, потому что это то, что я никогда не смогу сделать снова. Не думаю, что когда-нибудь смогу понять, что я потерял сегодня. Как это прекрасное существо, которое было неотъемлемой частью моего прошлого, не будет частью моего будущего? Я прикасаюсь к ее губам, векам, ушам, щекам и шее. Я не узнаю ее. Это не моя Элли, та теплая, красивая женщина, с которой я проводил каждый день.

Этого не может быть. Это неправда. Пожалуйста, кто-нибудь, скажите мне, что это неправда. Все внутри меня кричит от панической тревоги. Мой разум не понимает, что делать. Он не умеет прощаться с любовью всей моей жизни. Я не должен говорить «прощай». Я не могу.

— Элли, — говорю я тихо, как будто мой спокойный, успокаивающий голос вернет ее мне. — Ты не понимаешь, детка. Я не могу этого сделать. Я не могу жить без тебя.

Мои слова звучат умоляюще. Никто не слышит, нет ответа. Проигнорированы Богом, Элли, и нет никого и ничего, что могло бы меня утешить и поддержать. Это несправедливо.

Это несправедливо.

— Элли, ты мне нужна. Мы нуждаемся в тебе. Пожалуйста, вернись.

Я хожу кругами по гостинной, отчаянно пытаюсь разыскать неоновый синий рюкзак. Как может что-то столь яркое просто исчезнуть? Боже, она опоздает на свой *первый* день. Учебный год еще не начался, а я уже облажался.

— Олив? — зову я. — Ты видела свой рюкзак?

Я хватаю и поднимаю диванные подушки одну за другой, зная, что рюкзака точно не может быть здесь, но я все равно бегаю от одного места к другому в его поисках. Я чертовски волнуюсь. Вот, что это такое. Я, определенно, волнуюсь, потому что не готов отправить ее в школу. Она слишком мала. Она не готова. Она не захочет отпустить меня. Я должен был оставить ее на домашнем обучении, возможно, так было бы лучше, но тогда мне нужно было бы бросить работу с ЭйДжеем, а он убил бы меня, если бы я это сделал. Не говоря уже о том, что мы с Оливией остались бы без средств к существованию.

— Папа, что ты делаешь? — спрашивает Олив своим кристальным голоском. Я оборачиваюсь, уронив подушку вниз. — Ты потерял что-нибудь?

Она подходит ко мне с рюкзаком, закинутым на плечо. В ее руке пакет с обедом, а на прекрасном личике улыбка, которая говорит мне, что она совсем не переживает, что расстанется со мной, пусть даже и ненадолго. Это я не хочу отпускать ее, а не наоборот. Она была моим спасательным кругом эти последние пять лет... мой способ удержать частичку Элли рядом с собой. На минуту боль проходит через мое сердце, когда я смотрю как бы сквозь нее, представляя себе, каким был бы этот момент, если бы Элли была здесь. Плакала бы она? Возможно, но она также бы радовалась за Олив. Элли помогла бы мне быть более храбрым в этот день, когда мы отправляем нашу маленькую девочку впервые в школу. По крайней мере, я знаю, что она одобрила бы яркий синий рюкзак. Это был и ее любимый цвет.

— Нет, я ничего не потерял. Я просто убирался.

— Нее-е-т, — тянет она с широкой улыбкой. — Ты искал мой рюкзак, — клянусь, эта маленькая девочка умна не по годам. — Не волнуйся, папа. Все будет хорошо сегодня. И у тебя тоже. Я сделала тебе обед и завтрак. И подключила твой телефон к зарядке, потому что батарейка на нем уже почти села.

Я встаю на колени, поднимаю свои руки вверх и жду, пока она прибежит ко мне, что она и делает.

— Ты сделала мне обед и завтрак? — спрашиваю я, когда обнимаю ее маленькое

тельце.

— Ага. Я сделала тебе кашу на завтрак и хлеб с майонезом на обед. Теперь тебе не придется готовить обед сегодня, — крошечный вздох срывается с ее губ, а глаза смотрят на меня с такой серьезностью, на какую только может быть способен пятилетний ребенок. — Ты мне сказал вчера, что тебе грустно, потому что у тебя никого нет, кто помог бы приготовить обед в то время, пока я в школе, а я не хочу, чтобы тебе было грустно.

Мою грудь сдавливает еще сильнее.

— Ты самая заботливая маленькая девочка в мире, Олив. Спасибо тебе за обед.

Влажными губками она с силой прижимается к моей щеке, а ручками крепко сжимает мою спину.

— Мы пропустим наш автобус, — говорит она.

Я смотрю на часы. У нас есть пять минут, чтобы добраться до автобусной остановки, так что я поднимаю ее на руки и иду к двери. Я не хочу отпускать ее. Я держал ее на руках в течение пяти лет. Едва вспоминаю о том, что она, вероятно, единственный на свете пятилетний ребенок, способный разложить большой ковер с закрытыми глазами. Я каждый день брал ее с собой на работу, и мне это действительно нравилось. Сегодня будет первый за пять лет рабочий день без нее.

Когда мы подходим к проезжей части, подъезжает ЭйДжей. Он опускает окно и высовывает из машины голову.

— Моя большая девочка, наконец-то, пойдет в школу сегодня? — кричит он.

— Дядя ЭйДжей! — вопит она, высвобождаясь из моих рук, чтобы подбежать к его грузовику. — Я иду в школу!

ЭйДжей ставит грузовик на парковку, выпрыгивает из него и приглашающее разводит руки. Достаточно одной секунды, чтобы Олив уже оказалась на его плечах.

— Это будет самый лучший день, малышка, — он щекочет ее, в то время как Олив висит вниз головой, уже задыхаясь от смеха.

— Мы сейчас опоздаем на автобус, — говорю я ему.

— Ну, мистер Серьезные штаны попросил меня спустить тебя вниз, — говорит ЭйДжей наигранно грустным голосом. — Ты не можешь опоздать на автобус в первый день, Олли-Лолли.

Насмеявшись вдоволь, Олив бежит обратно ко мне, проскальзывая рукой в мою ладонь.

— Пошли, папа, — тянет меня она.

— Вернусь минут через двадцать, — говорю я ЭйДжею.

— Я поеду сразу на участок. Просто подъезжай туда, когда освободишься, — говорит он. Я быстро киваю и продолжаю идти в сторону автобусной остановки.

— Эй, Хант.

Я оглядываюсь на ЭйДжея.

— Да?

— Она будет лучшей ученицей, братан. Не волнуйся.

ЭйДжей всегда был болтливым, но, как правило, его речь наполнена шутками, сарказмом или вещами, которые я не хочу слышать, что часто отталкивает меня от него. Но когда он говорит что-то от всего сердца, это очень много значит.

— Спасибо, — отвечаю я, оборачиваясь обратно к Олив.

— Я так рада, — говорит Олив по мере приближения к автобусной остановке.

— Я буду скучать по тебе сегодня, — говорю я ей, приближаясь к группе с

полудюжиной мам и, должно быть, десятью малышами. *Что делать, если водитель автобуса не увидит, зашла ли она в автобус?*

— Это просто школа, — шепчет она мне на ухо.

Я смеюсь напротив ее щеки и опускаю ее вниз. Она быстро спрыгивает, бросив свой рюкзак на землю, чтобы присоединиться к другим детям, играющим на газоне. Она не знает ни одного из них, но ее это не волнует. Олив может подружиться с любым ребенком, так же, как это умела делать Элли в свое время. Я мог бы научиться одной или двум способностям у моей дочери.

— Привет, — говорит одна из мам, подходя ко мне с протянутой рукой. — Ты новичок в этом районе?

Я прочищаю горло, чувствуя, будто смолистое вещество застряло между языком и миндалинами. *Держи себя в руках, Хантер.*

— О, ах, да, Олив и я только несколько недель назад переехали сюда, — мне удалось встать и пожать ее теплую и удивительно сильную руку.

— О, так это вы новые соседи в желтом доме? — говорит она, указывая в направлении, откуда мы пришли. Я не смотрю туда, куда она показывает, потому что мое внимание привлекает то, как ветер обдувает ее длинные каштановые волосы.

— Да, мэм, все верно.

Мэм? В самом деле? Боже, ее волосы, словно шелк.

Она тихо посмеивается.

— Я — Шарлотта Дрейк. Добро пожаловать!

Наступает неловкая пауза, потому что я не могу сообразить, как мне представиться, а она продолжает:

— Ну, я уверена, что ты и твоя жена будете счастливы здесь. Это замечательный район для семейных пар, как вы заметили.

Она подчеркивает свое наблюдение, оглядываясь назад на всех детей.

Моя жена... моя жена, которая должна быть сегодня здесь с нами, но ее нет. И точно так же, как это, я вспоминаю, что в этот день все идет не так. Я ощущаю боль при одной только мысли, что всего этого могло и не быть в моей жизни. Я не знаю, как много важных событий в жизни Олив будут украдены из-за отсутствия Элли... нас, как семьи, но, сколько бы я не думал и не вспоминал об этом, каждое новое событие мы переживаем очень тяжело потому, что мы не об этом мечтали. Элли гордилась бы Олив сегодня... если бы увидела, каким удивительным ребенком она растет.

Слова Шарлотты невинны, но они бьют сильнее той боли, которую я чувствую уже давно. Не то чтобы меня раньше об этом не спрашивали, но сегодня я не готов вспоминать о том, что наша мечта о семье была разрушена пять лет назад. Я так надеялся, что новый район поможет начать нам с чистого листа, вроде нового старта — жизнь без жалости, утешений и предложений о помощи. Хотя понятно, я хочу, чтобы все поняли, что я могу справляться с этим один. По крайней мере, я делаю все, что могу, и даже больше, но есть вещи, в которых я до сих пор не силен.

— На самом деле, мы живем с Оливией вдвоем, — говорю я, давая ей пищу для размышлений — информацию, которая рано или поздно станет всем известна, ибо, так или иначе, мы не сможем скрывать это здесь. Мой ответ заставляет ее ослабить хватку и освободить свою руку из моей ладони.

— О, — протягивает она, ее пленительные, словно озера, голубые глаза прищуриваются

так, будто она хочет наказать себя за то, что раскрыла тайну моей неполноценной семьи. — Развод. Это ужасно. Я только что сама прошла через такое. По крайней мере, этот мудак оставил мне дом, — она выпускает громкий вздох и закрывает лицо руками. — Извини, я позволила себе сказать лишнее, — женщина закрывает на некоторое время глаза и опускает руки вдоль тела. — Во всяком случае, это было долгое лето, и я понимаю, что единственная в этом районе среди пятидесяти других счастливых семей. Ты знаешь, мы должны здесь открыть клуб для разведенных. Да? А это идея. Нужно подумать об этом.

Ее хаотичная речь звучит так же смешно, как и предположение, что я разведен. Я, на самом деле, пытался убедить себя в течение последних пяти лет, что прохожу через ужасный развод. Я даже пытался заставить себя поверить, что ненавижу Элли, и это был единственный вариант. Но эта идея с треском провалилась, потому что никогда и нигде я не смог бы ненавидеть ее.

— На самом деле, я не разведен, — говорю я. — У нас с женой был замечательный брак.

Шарлотта выглядит ошеломленной лишь секунду, прежде чем ее красивые глаза начинают округляться. Смысл моих слов постепенно доходит до нее.

— Боже мой, — шепчет она. Положив руку мне на плечо, она делает резкий вдох и спрашивает: — Ваша жена, она?..

Не стоит ходить вокруг да около.

И все-таки я быстро киваю, сжимая губы в тонкую прямую линию, и надеюсь, что она не попросит никаких дальнейших подробностей. Я не уверен, нормально ли это или нет, но даже если прошло целых пять лет, это не имеет значения, сколько раз этот вопрос был задан. Все внутри меня до сих пор болит так же, как и в ту ночь, когда меня попросили попрощаться с Элли. После этого, я думаю, можно с уверенностью сказать, что эта боль никогда не уйдет, но я надеюсь, что когда-нибудь она все-таки утихнет, хотя и не уверен, хочу ли этого. Элли ушла из жизни, когда мы должны были прожить ее вместе. Я живу, а она нет. Я должен чувствовать эту боль ради нее.

— Ее больше нет с нами, — говорю я, глядя мимо Шарлотты, засмотревшись на прекрасную улыбку Олив, как она держит невидимый микрофон у губ и поет новую песню Тейлор Свифт, которую всегда заставляла меня ставить на повтор для нее.

Когда возвращаю свое внимание к Шарлотте, оставляя момент отчаяния позади, я вижу, что она прижимает руки к груди.

— Этой малышке повезло с тобой, — говорит она. — Ты хороший человек. Я надеюсь, ты знаешь это.

Я хороший человек, потому что забочусь о своей дочери? Она оборачивается и зовет свою дочь, а потом и Олив тоже. Ее дочь выглядит немного старше, чем Олив, но, наверно, между ними разница не больше года. Обе девочки подбегают к нам, и Шарлотта приседает перед ними.

— Лана, сегодня у Олив первый день в школе. Ты сядешь с ней рядом в автобусе?

— Мам, — говорит Лана раздраженно. — Мы уже и так подружились, — Лана хихикает и хватается за руку Олив. — Олив такая смешная.

— Да, мы уже друзья, и вы знаете, что? — щебечет Олив с восторгом. — Мы живем прямо через дорогу друг от друга. Разве это не здорово, папа?

Я смотрю на Шарлотту, задаваясь вопросом, почему она не сказала, что живет через дорогу от «новых соседей». Я думаю, может быть, это потому, что мы были отшельниками,

когда переехали. Автомобиль всегда был в гараже, перед домом мы много не гуляли.

— Это здорово, девочки. Я так рада, — говорит Шарлотта.

Подъезжает желтое чудовище, чтобы украсть мою дочь, и теперь я понимаю, что должен согласиться с тем, чтобы отпустить ее.

— Автобус едет, — говорю я. В нижней части моего живота образуется комок, когда автобус останавливается. Я должен позволить Олив подняться на эту штуковину, за рулем которой сидит незнакомый человек, и позволить ей уйти в одиночку Бог знает куда. *Я не могу этого сделать.* Я хватаю Олив на руки и прижимаю к себе, пробегаясь пальцами по ее белокурым локонам. Требуется найти в себе все мужество, чтобы сказать ей:

— Хорошего дня, моя малышка, буду ждать тебя здесь, когда ты вернешься. Хорошо? — я оставляю поцелуй на ее щеке и прижимаю к себе немного крепче.

Она целует меня в ответ и натягивает рюкзак на плечи.

— Не забудь съесть свой завтрак, — это последнее, что она говорит перед тем, как подняться в автобус. Горло сжимается, а сердце учащенно бьется, но я должен контролировать себя, если не ради Олив, то хотя бы потому, что нахожусь в окружении шести улыбающихся женщин. Почему все они смотрят на меня так? И почему я чувствую себя, как маленькая девочка, которая случайно отпустила свой воздушный шар и он улетел безвозвратно в небо?

Я смотрю через окна автобуса, как Олив шлепается на второе сиденье. Она такая маленькая, что видно только макушку ее головки в окне. Я не могу видеть ее лица, поэтому не знаю, боится она или, наоборот, выглядит счастливой. Она должна быть счастлива. *Должна быть.* Когда закрывается дверь автобуса, она медленно поднимает руку вверх над головой и машет — это медленный, неуверенный жест. *Черт... хватит.* Я задолбался. Я оборачиваюсь, избегая прощаний, а также глазющих на меня лиц всех мам, и, наверно, думающих, что я ненормальный, и бегу вниз по склону к дому.

Когда я возвращаюсь домой, то сразу же запираю ее на замки и прислоняюсь к двери. Мне нужно что-то разрушить. Я беру всю стопку почты на кофейном столике и бросаю ее об стену. Этого мало. Рядом стоят проклятые подстаканники, которые мама вручила мне в качестве подарка на новоселье — я швыряю каждый из них в стену по очереди, чувствуя лишь легкое облегчение. Это просто школа, она всего лишь поехала в школу, но отпустить ее очень тяжело для меня. Это как чертов ад, и я не должен переживать это в одиночку, иначе сойду с ума. Самое удивительное, если бы я увидел кого-нибудь, кто вел бы себя точно так же, как я сейчас, я бы подумал, что этот человек явно неадекватен. Но сам я не готов понять это, во всяком случае, не сегодня.

Стук в дверь вырывает меня из этого состояния. Состояния, похожего на те, которые накрывают меня довольно часто. Я вскакиваю, разволновавшись, что это может быть Олив... или еще кто-нибудь — даже если это не имеет никакого смысла. Она в автобусе. В школе. В нормальной реальности жизни.

Открыв дверь, я нахожу Шарлотту на моем пороге. Ее руки засунуты в карманы джинсов, а выражение на лице говорит мне, что она не особо уверена в себе, стоя на моем крыльце, то же самое чувствую и я прямо сейчас.

— Ты в порядке? — спрашивает она искренне. Есть тип искренности, когда тебя понимают, а есть такой, с каким она сейчас со мной говорит — как с ребенком. Не давая мне ответить, она продолжает: — Мы все через это прошли. Ты просто единственный родитель, кто отводил сегодня своего ребенка в школу в первый раз. Остальные из нас

прошли через эту боль в прошлом году. Шестеро мамочек вообще стояли в слезах на обочине у остановки, когда автобус увез их деток в первый раз в школу, — она делает паузу, чтобы перевести дыхание, а затем издает мягкий смех. — По крайней мере, Олив пошла охотно. Ты не поверишь, что мне пришлось сделать в прошлом году, чтобы отправить Лану в школу. Я тащила ее к автобусу, пока она вырывалась и громко кричала на всю улицу. Это было похоже на фильм ужасов. Ты бы подумал, что я готова была бросить ее прямо на проезжую часть.

— Ужас, — подмечаю я, соболезнуя ей.

— Да, знаю, представляешь? После того, как она все-таки оказалась в автобусе, она встала на сиденье и прижалась руками к окну, громко плача. Я чувствовала себя худшей матерью во всем мире в течение всех шести часов, пока ее не было дома. Как ты, наверное, заметил, в этом году все прошло намного легче.

Я смотрю на нее на протяжении долгого времени, не зная, что сказать, так как я уже использовал мое замечание в виде слова «ужас». Что тут еще можно сказать? *Я рад, что сегодня все прошло лучше?* Это, наверно, звучит так, будто меня в принципе не волнуют проблемы других, или мне стоит казаться более заинтересованным и быть благодарным за попытку заставить меня чувствовать себя лучше? Каждый день я говорю себе, что мне пора уже прекращать образ жизни отшельника и вести себя как нормальный человек, но внутри у меня тьма и холод. Моего тепла хватает только для Оливии. Из меня постоянно льется горечь, и она гонит всех прочь.

— Ну, если ты захочешь поговорить, я... — она указывает через дорогу на свой дом. — Я живу через улицу.

С глубоким вздохом Шарлотта разворачивается на своих каблуках.

— Я правильно причесал ее? — слова соскальзывают с моего языка, прежде чем я понимаю, что прошу о помощи. Какого черта я делаю? Я не прошу о помощи, не ищу поддержки или сочувствия. Я закрываю двери перед лицами людей и вешаю трубки, обрывая звонки, заполненные вопросами, на которые я не хочу отвечать. Я закрытый человек и не беспокоюсь о том, кто и что думает о моей жизни или обо мне.

С искренним смехом Шарлотта поворачивается ко мне.

— У нее прекрасные длинные волосы и очаровательный ободок. Ты отлично справился с ее волосами.

— Я вырос с братом. Имея дочь, я иногда чувствую, что живу в чужой стране, где никто не говорит по-английски.

Это именно то, что я чувствовал с того дня, как Олив исполнилось два, и она схватила свою первую куклу из коллекции «Принцессы Диснея» с прилавка.

С озорным блеском в глазах Шарлотта возвращается к моей двери.

— У тебя есть кофе? — спрашивает она.

Что за вопрос? Разве есть хоть один родитель, который не пьет кофе, чтобы проснуться в столь ранний час?

— Как бы я смог выжить без него? — смеюсь я.

— У тебя есть больше, чем на одну чашку?

Она напрашивается сама? Это то, что делают родители, когда их дети уходят в школу на весь день? Тусят и пьют кофе, пока делятся секретами о том, как не испортить жизнь своих детей?

— Хочешь — верь, а хочешь не верь, но у меня их четыре. И все они были в одной коробке, так что особого выбора у меня не было, — отвечаю я, слегка, ухмыляясь. Из моего

рта так просто льется остроумие, что я чувствую себя немного непривычно, словно с губ срываются иностранные слова, но когда стоишь перед кем-то, кто понимает твои переживания, дух товарищества очень кстати. На самом деле, я с удивлением понимаю, что чувствую себя в какой-то степени хорошо.

— У тебя хватит кофе, чтобы наполнить больше одной чашки? — Шарлотта искоса поглядывает на меня, как будто ждет, что я скажу «нет».

— Хочешь зайти на чашечку кофе? — наконец, предлагаю я. Не то чтобы я был загнан в угол, но я могу сделать кофе. Я могу побыть нормальным человеком сегодня, хотя бы несколько минут. Плюс ко всему, отвлекает то, что она невероятно великолепна. Полагаю, отвлечение, выглядящее, как она, совсем не лишнее.

— Ох, черт возьми, огромное спасибо! — говорит она, как будто это было неожиданным приглашением. — Я выбежала из дома сегодня утром, не выпив кофе, поэтому мой мозг все еще дремлет. Если бы ты не пригласил меня, то я все равно бы попросила немного кофейных зерен. У меня даже нет кофемолки, но я была в таком отчаянии, что попыталась бы стучаться даже в ад за этими зернами, только бы получить свою дозу.

Ее шутка вызывает у меня смех — мой настоящий смех, не тот, который слышит ЭйДжей, когда я пытаюсь заставить его прекратить рассказывать плохую шутку, прежде чем он наговорит кучу дерьма.

Я приглашаю Шарлотту в дом и провожаю через гостиную на кухню. Интересно, что она думает о диванных подушках, подставках и разбросанной почте на полу после моего недавнего выступления в образе Тасманского дьявола.

— Keurig (*Примеч.: капсульная кофемашина популярного бренда*), — говорит она, глядя на кофеварку. — Мне нравится твой выбор, — я отодвигаю стул из-за стола и предлагаю ей присесть. — Вы обжились довольно хорошо для тех, кто переехал сюда совсем недавно.

— Не люблю чувствовать себя переселенцем, — говорю я, вытаскивая пару кружек из шкафа.

— Понимаю, — бормочет она в ответ, глядя на свои ногти и проверяя каждый из них, как будто используя этот жест, чтобы отвлечься от чего-то. Меня заинтересовало ее внезапное изменение в настроении, я, наверное, сказал что-то не то.

Я беру сахар и сливки и ставлю их перед ней.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Я прошу прощения за грубость, — отвечает она, не сбиваясь с ритма. — Я не должна была быть такой навязчивой, заставив пригласить меня в дом, зная тебя всего лишь двадцать минут. Я действительно просто хотела попросить немного кофе, но... это странно. Спрашивать, есть ли у тебя кофе больше, чем для одной чашки. Учитывая обстоятельства, это было не смешно. Прости. Я не знаю точно, есть ли кто-нибудь еще другой на нашей улице, ну, пары с детьми, к кому можно постучаться и не попасть в неловкую ситуацию. Все мамы с автобусной остановки живут на других улицах, — она выпускает громкий стон. — Привет, я Шарлотта и мне нравится бродить и делать из себя дурочку при первом же знакомстве с хорошим человеком.

Ее нервный смех на самом деле успокаивает меня.

— Я пригласил тебя, так что все в порядке, — отвечаю я, усмехаясь. Я улыбаюсь, осознавая, что почти забыл, что отправил своего ребенка на войну.

Когда чашки наполнены, Шарлотта тянется за салфеткой к середине стола и вытирает просыпавшийся сахар. Я ловлю себя на том, что, наблюдая за ее руками, вспоминаю, как

выглядели руки Элли, когда она протирала обеденный стол. Наши столы всегда были очень чистыми. Все и всегда было очень чисто. Элли называла себя чистоплотной маньячкой. Я думаю, что она просто была заиклена на этом, но она предпочитала называть себя именно так.

Звонкий стук двух кружек друг об друга вытягивает меня из моих мыслей об Элли, заставляя сфокусировать свое внимание на незнакомке, сидящей передо мной. Если бы мы были в старом доме, я, наверное, вырвал бы глаза Шарлотте за то, что другая женщина касается своими руками тех мест, которых касались руки Элли. Это как раз и было одной из многих причин, из-за которых я продал наш дом. Фактически, я жил с Элли в ее гробу. Если не считать того, что я все еще жив.

Шарлотта протягивает мне одну из кружек, когда я сажусь напротив нее. Это так странно. Я ее не знаю вообще, а она сидит за моим кухонным столом.

— Я не могу даже представить себе, что ты пережил, — говорит она.

Я ненавижу сочувствие. Действительно ненавижу. Когда в твоей жизни слишком много какой-то одной вещи, она, так или иначе, становится наименее желательной.

— Это было тяжелое время, — говорю я, проводя пальцами по своим волосам.

— Одна из моих самых близких подруг потеряла мужа, — говорит она, поставив свою кружку. — Я видела, что ей потребовались целые годы, чтобы собрать осколки своей жизни. Никто и ничто не смогло облегчить ее жизнь тогда, но каждый из нас мог попытаться хотя бы быть рядом, когда она нуждалась в нас.

Я знаю, что не облегчал эту сторону моей жизни ни для Эйджея, ни для родителей. На самом деле, я был еще той занозой в заднице. Они все пытались собрать кусочки меня и сложить их обратно вместе таким образом, как они думали, я теперь должен был жить, но Шарлотта права, никто и ничто не сможет помочь человеку, потерявшему половину своего сердца.

— Это ужасно, — все, что я могу ответить.

Ее взгляд смещается с меня на пустое место рядом со мной, на фоторамку, которую я поставил на столе. Элли. Улыбаясь, Шарлотта проводит пальцем вниз по рамке.

— Она прекрасна. Олив выглядит точно так же, как она, — Шарлотта убирает руку от рамки и с сочувствием прикасается к моей руке. От ощущения ее прикосновения все у меня внутри застывает. Тяжелое дыхание застревает в горле, и я опускаю глаза на наши руки. — Она ушла недавно?

Я киваю головой, чувствуя некоторую злость внутри себя. Почему она заставляет меня отвечать на все эти вопросы? Большинство людей, которых я не знаю, будут на цыпочках обходить эту тему. Обычно они просто бросают сочувствующий взгляд, но не Шарлотта. Она умудряется приоткрыть эту запертую дверь, которую я изо всех сил старался держать закрытой.

— Она умерла пять лет, восемь месяцев и двадцать семь дней назад, рожая Олив.

Мне было интересно, когда Шарлотта сломается, и предполагаю, что этот момент наступил. Она по-прежнему смотрит на меня широко раскрытыми глазами, но теперь они наполняются слезами. Я не хочу, чтобы кто-то плакал из-за меня или передо мной. Я не хочу, чтобы кто-то говорил со мной, смотрел на меня или был рядом со мной. Я хочу чувствовать, что тоже умер, потому что мне так намного проще жить. Я не могу этого вынести, поэтому отдергиваю свою руку подальше от нее и встаю. Обдумывая вариант спасения из этой ситуации, я напоминаю себе, что не могу сбежать из своего дома. Поэтому

просто убираю со стола сливки и сахар прочь, делая все возможное, чтобы как-нибудь намекнуть, что наше кофепитие подошло к концу, иначе я могу испортить все.

Время остановилось, только тишина и до сих пор слезы в ее глазах, поэтому я выхожу из комнаты. Я оставляю ее там плачущей, потому что... потому что я не знаю, как перестать вести себя как мудака по отношению к любому, кто посмеет ступить в мою жизнь.

Я нарезаю круги по гостиной, пытаюсь выровнять дыхание, ожидая пока мое сердце откажется от матча по боксу с моими ребрами. Но оно никогда не уступает. Сердце всегда побеждает над всем остальным. Что бы я ни хотел почувствовать — именно за ним всегда последнее слово.

Я падаю на диван, выпуская весь воздух из легких. Боль снова обострилась и ощущается так же, как это было пять лет назад. Это как осколок в ране. Если рана закрывается вокруг того, что вызывает боль, то боль навсегда останется. Я почти свыкся с этим.

— Я даже не знаю твоего имени, — говорит Шарлотта, выходя из кухни и потирая запястья.

— Хантер, — бормочу я тихо.

— Я прошу прощения за то, что была такой навязчивой и не в меру любопытной, но ты выглядишь так, будто тебе нужен друг. Мы соседи, поэтому я подумала... — я мог бы быть отличным лотом для благотворительности или жалости, чтобы заставить ее почувствовать себя лучше.

— Спасибо, — говорю я грубовато. — Я, как правило, веду нормальный образ жизни. Просто бывают дни, как сегодня, — когда что-то впервые происходит в жизни Олив. И тогда многое приходит в голову, гораздо проще перенести все это, когда у тебя уже был похожий опыт в жизни. Я обычно не веду себя так.

— Я ходила на терапию с моей подругой после того, как ее муж умер, это был единственный способ, чтобы заставить ее двигаться дальше. Врач всегда говорил ей, что боль никогда не уйдет, но, в конце концов, после черной полосы наступает белая. Он также сказал ей, что трудные дни в жизни будут всегда, они будут тяжелыми, независимо от того, сколько времени пройдет. Скорбь, как шрам, — ты можешь прикрыть его, как захочешь, но он всегда будет там.

Она говорит то, о чем я всегда думал. Каждый говорил, что со временем боль уменьшится, в конечном итоге мне станет легче, я буду двигаться дальше и забуду о ней. Но на самом деле, боль напоминает о себе, и я не хочу ее забыть, так что я просто терплю боль и ношу ее, как тяжелый мешок на спине. Иногда я ношу его с гордостью, а иногда позволяю ему накрыть меня, например, как сейчас.

Шарлотта громко выдыхает и оглядывает комнату, сосредоточив внимание на том беспорядке, в котором валяются мои подушки от дивана.

— Кем ты работаешь, Хантер? — спрашивает она нерешительно, садясь в кресло напротив меня.

И я открылся. Пришло время. Неужели она только что стала моим терапевтом? Потому что, да, я готов к этому.

— Я плотник. Мы с братом руководим компанией.

Как, черт возьми, мне заставить эту женщину уйти? Мне было нужно время, чтобы подготовить Олив к школе, прежде чем я с головой окунусь в работу, а вместо этого у меня есть Шарлотта, которая вытягивает каждую деталь моей жизни. Больше, чем я хочу поделиться за один день.

— Ты, случаем, не из «Гарольд и сыновья»? — спрашивает она, поправляя подушку позади себя, укладывая ее удобнее. *Я не хочу, чтобы ты устраивалась поудобнее в кресле, за которое мы боролись с Элли целых две расточительные недели. Я ненавижу его, и я выиграл в споре. После того, как она умерла, я купил его. Теперь это мое любимое кресло.*

— Да, мы из «Гарольд и сыновья».

Есть только три деревообрабатывающих компании здесь, в Сейдж. И только одна из них является семейной.

— Да ладно? — визжит она. — Мои родители работали с вами, ребята, несколько месяцев назад, чтобы отполировать их древесину.

Я думаю минуту, вспоминая несколько рабочих участков твердых пород дерева, с которыми мы работали. Только один из двух был в старой части города.

— В Олсенс? — спрашиваю я.

— Да, — усмехается она. — Это они. Как тесен мир.

— Твои родители — замечательные люди. Они были очень добры, — мой голос становится монотонным. Зачем кому-то сидеть здесь и продолжать разговаривать со мной? Я сам пригласил ее, но это было до того, как я узнал, что она самка богомола, или, в данном случае, «охотящийся» богомол. — Чем ты занимаешься?

Почему я спрашиваю? *Меня не волнует, чем ты занимаешься.* Но я должен. Поэтому я спрашиваю. Я должен приложить усилия, чтобы поговорить с красивой женщиной, особенно когда пригласил ее в свой дом. Мои мысли должны быть непристойными в данный момент, и я надеюсь на то, что она мыслит так же. Вместо этого я смотрю на фото Элли, которое висит на стене позади Шарлотты.

— Я инженер-программист, — отвечает она. Этот ответ заставляет меня отвлечься от фотографии Элли и перевести взгляд на лицо Шарлотты, но я вовремя осознаю, что это было бы невероятно грубо с моей стороны — выглядеть таким шокированным — так что я делаю все возможное, чтобы сдержать свою реакцию. Внешне она не похожа на инженера-программиста, и все-таки... Я просто не уверен, что видел когда-либо женщину ее типа, увлеченную такой напряженной профессией. *Ничего себе, я реально женофоб.*

— Очень круто. Ты работаешь на дому?

Она одета хорошо для восьми утра, но точно не в корпоративной одежде. Джинсы, кеды и белая футболка с длинным рукавом были бы неприемлемы в любой компании «белых воротничков» из всех, что я когда-либо видел. Но, я полагаю, времена изменились. Этот дресс-код был одной из причин, по которой я принял решение взяться за строительство вместо финансов, когда закончил школу. Застрять в костюме, работая по десять часов в день, и приходить домой с головной болью — это никогда не привлекало меня. Хотя теперь, когда мне скоро стукнет тридцатник, мое тело, ноющее от работы в костюме, чувствовалось бы очень даже привлекательно.

— Да. Я управляю собственной компанией, — говорит она немного с гордостью. — Когда-нибудь слышал о TheLWord.com?

Сайт знакомств. О, черт. Внутренне я усмехаюсь при его упоминании. Эти вещи считаются воплощением любви. Знакомство незнакомых людей только потому, что их интересы совпадают, не является для меня нормальной формой общения, но, эй, кому-то это подходит. Безусловно, это не мое дело. Конечно, Эйджей полностью не согласился бы, так как TheLWord.com — то место, где он встретил Алексу, женщину-диктатора его мечты.

— Конечно, слышал. Это твоя компания?

— Мне нравится помогать людям влюбляться. Что еще могу сказать? — она выглядит застенчивой или сдержанной, честно говоря, это немного шокирует, учитывая ее недавнюю напористость. — Какая ирония, что в итоге я развелась, да?

Верно. Думаю, это как быть врачом с неизлечимой болезнью.

— Мы живем и учимся. Держу пари, твой развод поможет расти компании таким образом, чтобы помочь другим избежать пути, которым прошла ты.

Возможно, это и не так. На самом деле, я надеюсь, что это не так, мы в любом случае приходим к логическому завершению любых отношений — без разницы, каким будем этот конец. Это не лишено смысла, если кто-то захотел остаться один прямо сейчас. Я имею в виду, я просто позволил Олив уйти из поля моего зрения первый раз в жизни за последние пять лет, и вот я здесь с женщиной, которую встретил час назад. Я обычно не веду себя так. На самом деле, я избегал людей и мыслей о приобретении новых друзей именно по этой причине. Шарлотта смотрит на часы и ее глаза округляются.

— О, ничего себе, целый час прошел так быстро, — она смотрит на меня. — Ты ведь будешь в порядке до трех?

Я такой жалкий? Да. Да, я такой.

— Все будет хорошо. Я должен быть на работе в течение часа, и Олив была достаточно любезна, чтобы оставить мне тарелку с кашей на завтрак, который я должен обязательно съесть.

Воздух снова начинает просачиваться в мои легкие, когда я чувствую, что эта встреча подходит к концу.

— Что ж, мне было интересно поговорить о переполненной чаше талисманов, но я предполагала, что ты либо голодаешь, либо ищешь горшок с золотом, — с хитрой усмешкой она вспыхивает, быстро подмигнув мне, и уходит. — Ну, Хантер, было очень приятно, наконец, встретиться с моим новым соседом. Если тебе нужен кто-то, чтобы поговорить, мой дверной звонок находится всего в тридцати метрах от тебя.

— И тебе того же. Родители-одиночки держатся рядом, не так ли?

Я только что это сказал? *Это был я.* Она смотрит на меня тем же взглядом, которым бы я тоже смотрел, если бы мне кто-то сказал нечто подобное.

— Верно. Мы пройдем через это, — тихо говорит она. — Спасибо за кофе.

Мы. Нет такого понятия, как «мы». Только Олив и я. Я встаю и провожаю Шарлотту к входной двери, открыв ее и отойдя в сторону, когда она проходит мимо.

— Я рада, что мы встретились, — говорит она.

Я не отвечаю. Ничего хорошего не выйдет из моего рта, чтобы я ни сделал. Это никогда не было моим намерением — закрыться от всего мира после ухода Элли из жизни, но я воспринимаю это как неофициальное обязательство. Если Элли не смогла двигаться дальше, то почему я должен? Я знаю, что это иррационально, как и большинство обычных решений, которые я принимаю, но это имеет смысл в моей голове. Я надеюсь.

Я смотрю, как Шарлотта идет по моей дорожке и пересекает улицу, но теперь я закрываю глаза, чтобы не пялиться на ее зад, потому что... почему я хочу пялиться на ее задницу? «Потому что у нее классная задница, вот, вероятно, поэтому». Я реально стараюсь держать глаза закрытыми, но явно не обладаю такой силой воли, как думал раньше. Никто бы не смог устоять на моем месте. Поэтому я отказываюсь от этой идеи и даю себе несколько последних минут посмотреть на нее, прежде чем она исчезает внутри своего дома. Я мудака-мудаком, чей день сегодня стал немного лучше, несмотря на все мои усилия

избежать того, что могло бы быть талисманом в моей жизни — той, у кого нет кофемолки.

Пять минут. Пять. Еще пять долгих минут и потом я выйду. Этот день длится вечность. Я смотрю вниз на гвозди, которые, как предполагается, забиваю, но я не в состоянии сосредоточиться, так как постоянно оборачиваюсь на часы. Четыре минуты и тридцать секунд. Что делать, если водитель автобуса по какой-то причине приедет туда раньше? Олив не знает, что делать. Она будет стоять там в одиночестве и плакать, думая, что я забыл о ней после того, как ее так долго не было. О, Боже. Я не могу больше. Мне нужно идти.

— Чувак, что ты делаешь? Еще только два! — кричит ЭйДжей из соседней комнаты.

— Автобус может приехать раньше.

— На час? Разве школа не заканчивается в три? Потому что, если это так, то я уверен, что практически невозможно, чтобы автобус добрался до автобусной остановки до того, как Олив выйдет из школы. В этом есть смысл, не так ли? Точно.

— Там может быть пробка, — я стараюсь рассуждать, хотя рассуждения с ЭйДжеем — это все равно, что рассуждения с упрямым пятилетним ребенком. Олив и ЭйДжей идут голова в голову довольно часто, и никогда нет победителя. Никогда.

— Мы в двух кварталах, так что... — добавляет ЭйДжей. Потом, взглянув на меня, останавливается на полуслове. Я мечусь по недоделанной гостиной, сжимая пальцами волосы и пытаюсь понять смысл моих нелепых переживаний. Но нет никакого объяснения моему иррациональному поведению. Я просто не могу находиться так далеко от Олив. — Извини, Хант. Ты прав, — говорит ЭйДжей, опуская свою дрель и отключая ее от питания. — Давай, пойдем и заберем нашего маленького сорванца?

— Серьезно? — я бью его кулаком в плечо. — Я же просил тебя перестать так называть ее, к тому же она уже выросла. Вдруг она расскажет про это кому-нибудь в школе.

Он фыркает и растирает руку в том месте, куда я ударил.

— Ну, я же сказал это тебе, а не ей.

— Просто заканчивай с этим, хорошо? — огрызаюсь я, в ответ на что он закатывает глаза. Если мне когда-нибудь придется описать его кому-то, я мог бы сразу сказать, что это маленький ребенок, которого всегда вызывали на ковер к директору школы за очередной глупый поступок, например, за снятие брюк с учителя или плевание бумагой кому-нибудь в волосы. Прошло уже столько лет, а ЭйДжей так и не изменился. Его мозг не развивался вместе с двадцативосьмилетним телом.

— Почему ты так поздно пришел сегодня утром? — спрашивает ЭйДжей. — Трахался

со старой леди, которая принесла тебе пирог на прошлой неделе? О, она снова приготовила для тебя пирог и на этой неделе?

Он заходится в приступе смеха, и когда немного успокаиваться, я говорю:

— На самом деле, ко мне зашла соседка. Она зашла за кофе.

ЭйДжей останавливается передо мной, не давая пройти.

— В твоём доме была какая-то красotka?

Я толкаю его в сторону и продолжаю идти вперед.

— Моя соседка. Не красotka, — хотя именно так я мысленно называл ее всего несколько часов назад.

— Она замужем?

Почему это всегда первый вопрос, который он задает, когда я упоминаю женский пол? Почему это его всегда так интересует?

— Нет, не замужем.

— И она хотела выпить кофе?

— Да, просто кофе. Она не зажимала меня у стены и не домогалась, — такие мысли, конечно, посещали меня, но я избегал этого все время, хотя... но ЭйДжей не должен знать об этом.

— Но, держу пари, ты думаешь, что это было бы чертовски милым, да? Как она выглядит? Сексуальная? Большие сиськи? Хорошая задница? Мне нужны подробности, братан.

Боже, заткнись. Я закрываю глаза и делаю с большим трудом вдох, игнорируя при этом все его вопросы.

— Ты бы по-любому ответил, что нет, ни одним из этих критериев она не обладает, — продолжает он, несмотря на отсутствие ответа с моей стороны. Я могу видеть периферийным зрением, как он пытается сдержать свою дерьмовую усмешку, и теперь я точно уверен, что рассказывать ему про кофе с Шарлоттой было большой ошибкой. Хотя не меньшей ошибкой было и то, что я взял его с собой встретить Олив на автобусной остановке, где, безусловно, будет и Шарлотта.

— Братан, — ЭйДжей сжимает рукой мое плечо, останавливая меня. — Что с тобой случилось сегодня? Раньше ты более или менее справлялся со всем, что на тебя наваливалось, но сегодня я в первый раз увидел вот это жалкое выражение на твоём лице.

— Сегодня просто трудный день. Это было тяжело, — говорю я, удерживая взгляд на Шарлотте.

— Ты же знаешь, что она не может не ходить в школу, не так ли? — спрашивает он.

— Да, я знаю, ЭйДжей. Но просто мне еще через столько придется пройти. Сначала школа... затем, я точно знаю, она захочет получить водительские права. Она будет встречаться. Она будет гулять по паркам в ночное время с каким-то чуваком, который захочет запечатлеть ее имя на дереве.

Я стараюсь идти дальше, но его рука все еще удерживает мое плечо.

— Хант, как зовут ту женщину? Скажи хоть это, что ли.

— Привет! — кричит Шарлотта. Еще сорок пять минут до автобуса. Здорово, что я не единственный сумасшедший родитель здесь. Я поворачиваюсь, чтобы ответить ЭйДжею, но он уже слишком занят тем, что быстрыми шагами направляется к Шарлотте.

— Не думаю, что мы встречались прежде, — говорит ЭйДжей. — Я ЭйДжей, брат Ханта, — он указывает на меня, а я закрываю лицо рукой. Как мы с ним могли быть сделаны

из одного теста? — Вы, случайно, не соседка Хантера? Та, которая заходила к нему на кофе сегодня утром?

Подглядывая сквозь пальцы, я вижу, как Шарлотта кладет закладку между страницами книги, которую читала, и встает лицом к ЭйДжею.

— Нет, — усмехается она. — Мы, определенно, не встречались. Я соседка твоего брата, и да, мы пили с ним кофе сегодня утром. А в чем проблема? — Шарлотта поднимает руку, чтобы поприветствовать его, но ЭйДжей считает необходимым сначала развернуться ко мне и, прикрыв рукой рот, прокричать громким шепот:

— Можешь не отвечать на мои вопросы. Я уже вижу ответы на них.

Я обычно люблю, когда он так делает, но не сейчас. Если продолжу смотреть на него еще секунду, то могу познакомить его с моим кулаком, так что вместо этого я смотрю на Шарлотту, заметив, что она абсолютно не смущена этой ужасной встречей.

— Я уже встречала нечто подобное и не раз, — говорит она, наклоняясь в сторону, чтобы разглядеть меня позади ЭйДжея. — Это не ново для меня.

Ее улыбка насмешливая и очаровательная. Очаровательная? Я и не знал, что это слово включено в мой словарный запас, кроме как по отношению к Олив.

— Мы пришли рано, потому что Хантер надеялся, что ты тоже придешь пораньше.

Ты, должно быть, шутишь. Я его убью сейчас.

— ЭйДжей, может быть, ты уже сядешь и замолчишь. Или еще лучше, вернешься на участок и продолжишь работать, — предлагаю я.

— Но я хотел бы узнать о твоей новой соседке побольше.

Она быстро подмигивает мне и садится на скамейку рядом с ЭйДжеем.

— Что бы ты хотел узнать? — спрашивает Шарлотта.

— Ну, я уже знаю, что ты одинока. А теперь я узнал, что ты одинокая мама. Я бы никогда не догадался, если честно. Ты живешь через дорогу от Хантера, так что мне интересно, когда вы двое уже перейдете к главному делу и сходите поужинать куда-нибудь, теперь, когда этап с кофепитием пройден? Я могу присмотреть за детьми.

Желая просто провалиться сквозь землю, я закрываю глаза, ожидая ответ Шарлотты.

К счастью, мне не приходится долго ждать, потому что она встает и идет ко мне с бесстрастным выражением на лице.

— Твой брат... — начинает она.

Мне нравится, как разворачивается ситуация. Я так думаю.

— Он псих, но довольно забавный. Почему ты пришла так рано?

— Эй! — кричит ЭйДжей. — Мы остановились на середине очень серьезного разговора.

Шарлотта оборачивается и смотрит на него. Я не могу видеть ее выражение лица, но она тут же поворачивается ко мне.

— Ты в порядке? Удалось пережить шесть часов невыносимого ожидания?

— Все нормально. Я просто не хотел пропустить автобус. Я знаю, что, наверное, ненормальный, но, очевидно, не я один, если ты тоже уже сидишь здесь.

Уголки ее губ приподнимаются.

— Да, в течение прошлого года я постоянно приходила на автобусную остановку на час раньше и читала, тратя на это мой ежедневный поздний обеденный перерыв. По крайней мере, я знаю, что никогда не опоздаю.

— Это круто. Хантер, тебе не придется стоять здесь в одиночку каждый день, — снова влезает ЭйДжей с хитрой ухмылкой, и я все еще хочу его ударить.

— Тебе действительно стоит вернуться к работе, чтобы закончить все к шести.

ЭйДжей не любит работать после пяти, поэтому я использую единственное оружие, которое может помочь мне избавиться от него сейчас. Он смотрит на часы и косит одним глазом, решая, что лучше выбрать: продолжить издеваться надо мной или уйти с работы вовремя.

— Алекса убьет тебя, если ты вернешься поздно вечером.

Именно это и произойдет. У них юбилей. И когда я говорю «убьет», я имею в виду, что она превратит его жизнь в ад на неопределенный период времени.

— Черт, — говорит он. — Отлично. Ты выиграл на этот раз, братан.

Выиграл. Что именно я выиграл?

— Было очень приятно познакомиться с тобой, Шарлотта, — ЭйДжей снимает невидимую шляпу и идет обратно на участок.

Шарлотта не отвечает. Вместо этого она немедленно переводит свое внимание на меня.

— Тебе нужно вернуться на работу после того, как ты ее заберешь? — спрашивает Шарлотта.

— Да, Олив уже не привыкать к стройке. Она была со мной на каждой работе в течение последних пяти лет.

— Какая счастливая маленькая девочка, — говорит она, скользнув руками в карманы джинсов и отклоняясь на каблуках назад. Шарлотта смотрит на солнце и щурится от ярких лучей, мягко вздыхая. — Парень, ты, кажется, единственный папа, кто с таким трепетом относится к своему ребенку.

— Разве у меня есть выбор? — это не тот вариант, который бы я выбрал. Никогда. Наблюдение за Олив, растущей без матери или какого-либо женского влияния, сделало мою родительскую обязанность еще более трудной. Что я знаю о воспитании маленькой девочки или девочки-подростка? Ничего.

— Позволь мне забрать Олив к себе домой, пока ты не закончишь работать. Она может поиграть с Ланой немного. Отличное завершение первого дня в школе для них обеих.

Я думаю об этом долю секунды, но потом понимаю, что не видел мою маленькую девочку шесть часов, и нет никакого способа удержать меня подальше от нее остальную часть дня и ночи.

— Я ценю твое предложение, но...

— О чем я говорю? — восклицает она, приложив руку к щеке. — Ты же не видел ее драгоценное маленькое личико несколько часов.

— Да, именно, — смеюсь я неловко. Я всегда выгляжу так неловко среди женщин? Не могу даже вспомнить, потому что я проводил все свое время только с Элли. Мы решили пожениться, когда были детьми.

Оставшиеся минуты с Шарлоттой проходят в разговорах о погоде и ужасных семенах трав, которыми засеяны наши газоны. Неловкость между нами спадает, с каждой проведенной вместе секундой я чувствую себя расслабленно, но в мои вены понемногу просачивается чувство вины — вины за то, что я наслаждаюсь компанией другой женщины. И чувство вины за разговор с красивой женщиной, которая заставляет меня чувствовать, что я как-то изменил моей покойной жене, растет. *Это нормально — двигаться дальше.* Нет ничего плохого в моих действиях. Я твердил себе это в течение многих лет, и после дюжины страшных первых свиданий я до сих пор думаю, что это неправильно.

Я отвлекаюсь на автобус, который медленно едет по дороге. Мысль о том, что я увижу

Олив, наполняет меня облегчением. Это единственное во всем мире, что заставляет меня чувствовать себя живым. Моя дочь, словно одеяло, которым я укрываюсь как ребенок, и кровать, под которой обычно прячутся во время грозы. Она тот спокойный голос, который всегда говорит мне, что все будет в порядке. Главным образом, она голос, который я жаждал слышать в течение последних пяти лет, голос, который, я знаю, никогда не услышу снова. Она — Элли. Все в ней — это Элли. Это как если бы Элли создала своего клона без моей помощи. И я не хочу ничего другого. Она одна заставляет меня жить.

По мере того, как останавливаются колеса автобуса, мое сердце замирает. Открываются двери, и я наблюдаю, как дети один за другим выпрыгивают из него, пока не замечаю светлый пружинистый хвостик, который жду весь день.

— Папа! — вопит она и мчится ко мне на сверхсветовой скорости. От выражения гордости на ее лице все внутри меня тает. Она оборачивает руки вокруг моих ног, сжимая меня так сильно, как я хотел бы прижать ее. Объятие Олив говорит, что она соскучилась по мне сегодня так же, как и я скучал, и я поднимаю ее, крепко удерживая в своих руках, и целую теплую щечку. Я чувствую, как бьется ее крошечное сердце, бьется, когда небольшая дрожь бежит по ее горлу:

— Я так сильно скучала по тебе сегодня. Я так волновалась о тебе, потому что ты остался один на весь день.

Мой мир останавливается. Мой разум перестает функционировать, а сердце... мое сердце болит. Что я сделал с ней?

— Почему ты беспокоилась? Ты никогда не должна беспокоиться обо мне.

Слова вылетают, но я чувствую, будто они застревают у меня в горле, когда я пытаюсь убедить ее в чем-то другом, к чему она не привыкла.

Отстраняясь, она берет мое лицо в свои ручки и смотрит мне прямо в глаза, так же, как делала всегда Элли, когда хотела доказать свою точку зрения.

— Потому что тебе не нравится быть одному. Ты нуждаешься во мне.

Ее слова произнесены с такой мудростью, которую не может познать пятилетний ребенок. Эти слова определяют родителя, который не имеет права заботиться о маленьком ребенке, когда он явно не всегда может позаботиться о себе.

— Олив, — я выдыхаю. — Ты должна слушать меня, — ее губы сложены вместе с намеком на недовольство. — Тебе никогда не нужно беспокоиться обо мне. Я никогда не любил быть в одиночестве, потому что я люблю быть с тобой. И да, ты на миллион процентов права: я буду всегда, всегда нуждаться в тебе, и я надеюсь, что ты всегда будешь нуждаться во мне. Кроме того, я не был одинок сегодня, со мной целый день был дядя ЭйДжей на работе.

— О, папа. Ты так хорошо всегда скрываешь правду, — отвечает Олив. Ей точно пять? Кажется, что нет. Вместо того, чтобы продолжить бороться с этим воином, убеждая ее в обратном, я притягиваю ее к себе, а она обнимает меня за шею и кладет голову мне на плечо. — Веришь ты этому или нет, но я была послана тебе именно по этой причине.

Когда я много раз прокручиваю в голове, что ее рассуждения превосходят ее возраст, я начинаю сомневаться, откуда она узнает эти фразочки, или, вернее, кто их ей прочитал.

— Олив, — вздыхаю я. — Кто читал тебе твои детские книги?

— Тетушка Алекса, — хихикает она. Прошло несколько лет с тех пор, как я открыл детскую книгу Олив. Раньше я читал ей каждую ночь, те части, которые выбрала в свое время Элли еще до рождения Олив. Писатель никогда не имел недостатка в словах, как и

учитель английского, меня даже не удивило, сколько писем она писала Олив, чтобы подготовить ее к жизни. Были ночи, когда я сидел в комнате Олив после того, как она засыпала, и снова читал отмеченные Элли места под сиянием луны, представляя себе звук ее голоса, как будто она произносит слова в мое ухо. На некоторых страницах остались пятна от слез... слезы счастья, которые она чувствовала, когда мечтала о жизни, которую сама создавала. Я проводил пальцем по мягким, сморщенным пятнам на бумаге, желая стереть слезы с лица Элли, а не со страницы в детской книге.

Дошло до того, что я не мог больше читать ее. Мне причиняли боль эти слова, которые ушли после смерти Элли, так и не произнесенные вслух. Я хотел написать слова для нее, рассказать в деталях, как выглядит Олив, звук ее крика, словно успокаивающая колыбельная с небес. Я хотел описать невероятный цвет ее глаз, какие они синие, но с зеленью, желтого и пурпурного оттенков, смешанных как всплеск акварели. Я должен был написать о том времени, когда Олив смотрела на небо и говорила «Ма». Я знаю, что это было не более, чем лепет ребенка, но для меня это был знак, соединяющий нашу семью.

Слова, кажется, плавают в голове, как ветер, который дрейфует вне досягаемости и заставляет меня забыть, как связать их в одно предложение. Я не писатель. Я читатель писателя, единственного писателя, чьи слова я когда-либо хотел читать настолько сильно, что они требовались мне, словно воздух.

Олив выскальзывает из моих рук, когда мы подходим к нашей подъездной дорожке.

— Я заберу почту! — кричит она, забегая вперед. Она открывает дверь почтового ящика и тянется на цыпочках, чтобы достать содержимое. Когда она достает почту, то быстро просматривает ее, пролистывая так, как она любит делать это каждый день. Я не уверен, что понимаю, чем ее так завораживает просмотр почты, учитывая количество законопроектов, которые я получаю, но по какой-то причине она любит проверять ее. Могу предположить, что это может измениться в один прекрасный день, когда у нее появятся финансовые обязательства.

— Папа, здесь письмо от этой леди.

Элли. Ее сердце. Я бегу к Олив и беру письмо из ее рук. Переворачивая его, надеюсь увидеть обратный адрес, но в очередной раз испытываю разочарование, когда вижу, что его нет.

Олив стоит передо мной, глядя вверх и ожидая услышать о том, что написано в письме. Перед тем, как открыть его, я смотрю вниз в ее умоляющие глаза. Она понимает, что я чувствую? Тоскует ли она по сердцу своей мамы?

— Дома, — говорю я ей, указывая на входную дверь. — У нас есть всего несколько минут, потому что я должен вернуться на работу к дяде ЭйДжею.

— Нет, пока ты не прочитаешь это, папа, — говорит она и идет впереди меня к двери.

Мы садимся на диван. Олив снимает свой рюкзак и свитер, поднимает ногу и кладет ее на меня в ожидании. Мы не получали писем в течение нескольких месяцев, и я начал задаваться вопросом, вдруг что-то случилось в жизни этой женщины. Но до тех пор, пока ее сердце бьется и она пишет мне письма, то все должно быть в порядке. Я медленно открываю конверт.

Всякий раз, когда я получаю одно из этих писем, в желудке появляется тяжесть, а мою грудь стягивает. Мне становится трудно глотать и вообще думать разумно. Это не просто письмо от незнакомца. Это письмо от человека, который заботится о единственной части, оставшейся от Элли.

Когда я был ребенком, я помню, мама говорила мне, что когда человек умирает, то погибает только его тело, а его душа остается неизменной навсегда. Если душа остается позади, не имеет смысла следовать за сердцем, которое создало эту душу? Я знаю, что это глупый способ размышления, но это имеет смысл для меня. Я знаю, что тело, в которое я влюбился, ушло, похоронено глубоко под землей этого мира. Но сердце, за которым я наблюдал, продолжает жить. Сердце, которое было создано для большой любви, и если оно продолжает жить, возможно, самая малейшая часть души все еще осталась жива. По крайней мере, так мне кажется из этих писем, которые я продолжаю получать.

Мои руки дрожат, пока я раскрываю машинописное письмо.

— Папа! — Олив вырывает меня из раздумий. — Что там?

Я хотел бы, чтобы письмо было написано от руки, хоть один намек, чтобы понять, какая она.

Уважаемый мистер Коул.

Сегодня я стояла на вершине горы и дышала сладким летним воздухом. Закрыв глаза, я чувствовала тепло ее сердца — оно чувствовалось таким полным, как будто занимало все свободное пространство внутри моей груди. Когда я присела и протянула руки к выступу, ее сердце заколотилось еще сильнее и ускорилося, словно напоминая мне о ее присутствии. Это сердце такое живое. Я жива.

Когда я легла вдоль каменистого рифленого края скалы, я положила руки на сердце и смотрела в небо, чувствуя яркость лучей, согревающих меня, как будто небо укрыло меня одеялом, и ее сердце успокоилось под моим прикосновением. Я почувствовала ее. Я почувствовала, что ее жизнь живет внутри меня, и я благодарна ей. Я жива благодаря ей, так же, как ее сердце живет благодаря мне. Связь была настолько сильна сегодня, и я знала, что мне нужно отправить вам это письмо. Я надеюсь, что оно успокоит вас немного, успокоит эту боль внутри, которая следует за вами, как темная тень.

Берегите себя.

Ее сердце.

Вместо того, чтобы наслаждаться красивыми словами этой незнакомки, которая могла бы быть самым знакомым человеком в моем одиноком мире, я могу сосредоточиться только на горе и вопросе о том, где эта гора. Мне нужно найти ее, в надежде, наконец, встретиться с этой женщиной. Несмотря на то, что я не должен быть настолько глуп, чтобы думать, что она просто сидит около какой-то горы и ждет меня.

— Может быть, она была на той горе, где мы были в прошлом году с дедулей, — говорит Оливия.

Гора. Какая гора? Я не знаю даже, живет ли эта женщина в этом штате или в этой стране. Я не знаю, откуда она знает, кто я, и я, конечно, не знаю, кто она. Я всегда думал, что процесс донорства и сам получатель должны оставаться анонимными. Я связывался с больницей несколько раз, умоляя дать какую-нибудь информацию, но каждый раз меня отправляли прочь. Я узнал, что эта конкретная помощь не была полностью анонимной, но получатель попросил сохранить ее личные данные в тайне. Я перепроверил все законы, и там не было никаких запретов. Каждый раз, когда я пытался попасть куда-нибудь, я

оставался с носом.

— Мы должны найти эту гору, — в этом городе и в его окрестностях нет никакой горы. Олив забирает письмо из моей руки и переворачивает его. — Смотри, папа.

В течение короткой секунды, необходимой для меня, чтобы взять письмо обратно и перевернуть его, я молюсь о том, чтобы найти там какие-нибудь координаты.

Но нет.

Вместо этого я нахожу рисунок.

— Это был любимый рисунок мамочки, — шепчет Олив. — Она их тоже любит.

Письмо выскальзывает из моей безвольной руки, и я наблюдаю, как оно, словно перышко, планирует к земле.

НОЯБРЬ

— *Два месяца спустя* —

— Твой бутерброд в холодильнике, а каша на кухонном столе, — говорит Олив, подтягивая свой рюкзак.

Я становлюсь на колени и притягиваю ее к себе.

— Тебе не нужно больше готовить мне, Олли.

— Ты можешь приготовить еду мне, — говорит ЭйДжей с дивана. — Ты же знаешь, дядя ЭйДжей всегда голоден, — он наглаживает свой живот рукой.

— Дядя, ты и так съедаешь все наши продукты! Ты так скоро превратишься в поросенка, — говорит Олив, смеясь.

— Ну, если бы твоя ужасная тетя перестала мучать меня нескончаемой диетой и здоровым питанием, я бы не был каждый раз настолько голодным, когда прихожу сюда.

Олив смотрит на него вопросительно. Иногда кажется, что ей далеко не пять лет, но ей пять, и она понятия не имеет, что такое диета, не говоря уже о здоровой пище.

— Ну, — говорит Олив, поворачиваясь ко мне. — Если ты не хочешь, чтобы я готовила для тебя, может быть, мисс Шарлотта снова сможет приготовить для тебя обед, я думаю... — крошечная улыбка появляется на ее губах, — я думаю, что ей не сложно. Правда, папа?

— Олив, я уже говорил тебе... — она затыкает уши пальцами и напевает громко какую-то мелодию, игнорируя то, что я пытаюсь сказать.

— Красотка, Олли-Лолли, — говорит ЭйДжей, указывая на Олив и подмигивая.

— Давай собираться, а то мы опоздаем, — говорю я ей, бросая взгляд на ЭйДжея, тот, который показывает, как он меня достал.

Как только мы переступаем порог дома, Шарлотта и Лана тоже выходят. Олив, как всегда, освобождается из моей хватки и бежит к ним вниз по дорожке, останавливаясь на мгновение, чтобы посмотреть в обе стороны на пересечении улицы. Через несколько секунд Олив и Лана уже берутся за руки и бегут по улице впереди нас.

— Я смотрю, она уже чувствует себя лучше, — говорит Шарлотта. — Помог суп?

— Думаю, да, — смеюсь я. — Спасибо.

— Это было меньшее, что я могла сделать после того, как Лана была достаточно любезна, чтобы поделиться своими микробами с Олив, — Шарлотта складывает руки на

груди и дрожит из-за сильного ветра. — Кажется, осень уже наступила. Ох.

Я смотрю на нее. Ее румяные щеки выделяются на бледной коже, а глаза выглядят немного опухшими. На секунду мне становится интересно, вдруг она плакала, но потом она чихает.

— О, нет. Ты заболела?

— Я в порядке, — возражает она, сопя немного, — мамы не болеют.

— Тебе следовало надеть пальто, — говорю я ей. Она носит футболку с длинным рукавом, и я предполагаю, что холодный воздух просачивается сквозь тонкие волокна рубашки. Я могу быть холодным человеком, но я все еще джентльмен. Я снимаю свою куртку с капюшоном и передаю ей. — Надень.

— Все хорошо, спасибо, — говорит она, отталкивая мою руку.

— Надень, — говорю я твердо. — Я не сделаю самый лучший куриный суп, так что...

Она смотрит на меня, наморщив лоб и поджав губы.

— Спасибо, — произносит она неохотно, но уступает. Проскальзывая в мою куртку, она продевает рукава и тянет свои руки до конца. Куртка достигает ее колен, делая очевидной разницу в наших размерах.

Она хлопает носом на протяжении всего пути, и я замечаю еще более яркий румянец на ее щеках, когда мы доходим до скамейки на автобусной остановке.

— У тебя жар? — спрашиваю я, более пристально взглянув на ее лицо.

Она качает головой.

— Я уверена, что все нормально.

— Нет, не нормально, — говорит Лана, сидя на газоне, — она всю ночь кашляла и чихала. Я заразила ее.

Не раздумывая, я кладу руку на лоб Шарлотты, мгновенно поняв, насколько холодная моя кожа по сравнению с ее жаром. Я, может быть, холодный, но она горит. Она отклоняется от моего прикосновения с наивным взглядом, как будто я вызвал у нее шок, прикоснувшись к ней. На самом деле, это шок для меня, что я коснулся ее. Я проделал хорошую работу, скрывая свои чувства.

— О, — говорит она, наконец, согласившись с тем, что реально заболевает, — хорошо, что я работаю на дому.

С искаженным кашлем смехом она протягивает руки внутри рукавов моей куртки и складывает их на груди. Мне нравится, как она выглядит, укутавшись в мою куртку.

— Мне нужно сделать пару поручений этим утром, и поход в магазин одно из них. Что мне взять для тебя? — спрашиваю я. — У тебя есть что-нибудь жаропонижающее?

— Я уверена, что-нибудь найдется, но если ты не возражаешь, могу ли я попросить тебя купить ибупрофен, — говорит она.

Лана бежит к нам и дергает меня за рукав рубашки, потянув вниз. Она складывает руки вокруг моего уха и шепчет:

— Мама перевернула вверх дном всю аптечку сегодня утром, сказав, что там нет ничего, кроме детских лекарств, — я отодвигаюсь, пытаюсь сохранить невозмутимое лицо, но она тянет меня снова вниз, сохраняя свою секретную позицию. — Тогда она сказала: «Черт возьми, почему нет никого, кто бы мог позаботиться и обо мне?». Она сказала плохое слово. Два плохих слова, на самом деле, — я хочу рассмеяться над признанием Ланы, но отлично понимаю, что чувствовала Шарлотта. Мы проводим каждую секунду нашей жизни, заботясь о ком-то, но нет никого, кто бы позаботился о нас, когда нам это нужно.

Поворачиваясь к лицу малышки, складываю уже свои руки вокруг ее уха:

— Я поговорю с твоей мамой об этих плохих словах, — Лана отодвигается и закрывает рот руками, громко хихикая перед тем, как побежать обратно к Олив.

— Что это было? — спрашивает Шарлотта.

Я прочищаю горло, проскальзывая руками в задние карманы.

— Очевидно, кому-то нужно помыть рот с мылом, — говорю я своим лучшим наигранно строгим тоном.

Шарлотта сморщивает личико в любопытстве.

— Что она сказала?

— Не беспокойся об этом, — смеюсь я. Другие мамы подходят к остановке и громкая болтовня, которая росла на полпути вниз по улице, прекращается почти сразу, как только они появляются в пределах слышимости. Мамочки все очень дружелюбны, но я не могу избавиться от ощущения, как будто они замолкают, потому, что не знают, что сказать. Я так полагаю, что встречи и общение с овдовевшим холостым отцом здесь не является нормой.

— Как Олив чувствует себя сегодня? — спрашивает одна из них.

— Намного лучше, спасибо, — отвечаю я.

— Куриный суп — это всегда лекарство от всех болезней, — подхватывает еще одна с циничной ухмылкой на ярко накрашенных губах. Я знаю, что Шарлотта не общается ни с одной из этих женщин, а это значит, кто-то, вероятно, видел, как она переходила улицу с кастрюлькой супа вчера.

К счастью, автобус прерывает всякую болтовню, которую могут еще завязать эти женщины, и Олив подбегает взять свой рюкзак из моей руки.

— Не забудь съесть свой бутерброд с майонезом сегодня, папа. Ты заболеешь, если не будешь кушать.

Вместо того чтобы спорить с моей маленькой Элли, я поднимаю ее и целую в носик.

— Хорошего дня в школе. Увидимся, когда вернешься домой.

— Принеси мне домой жасмин сегодня, — шепчет Олив мне на ухо. — Мой последний умер, — она освобождается из моих рук и бежит к открытой двери автобуса, — до свидания, папа!

После того, как автобус отъезжает, другие мамы начинают толпиться, но я отхожу как раз вовремя, чтобы не продолжать выслушивать вопросы о супе. Шарлотте, однако, не так повезло. Она находится в эпицентре разговора, и я решаю не оглядываться назад, чтобы не встретиться с ней взглядом, так как, скорее всего, она хочет сказать мне, что ненавидит меня прямо в эту секунду.

Она тоже чувствует себя неловко среди других матерей, так как мы — одинокие родители, другими словами, чужаки среди них, которым не посчастливилось иметь нормальную семью.

Я запрыгиваю в грузовик сразу, как только возвращаюсь к дому, чтобы пораньше заскочить в сады, избежав ежедневной толпы пожилых посетителей. По опыту знаю, что, если приеду в течение пяти минут после открытия, то у меня будет минут тридцать, чтобы побыть наедине без взглядов и шепотов за спиной.

Где-то в двадцати пяти километрах между Сейдж и садами в Гленн-блур я ловлю себя на мысли о Шарлотте. Впервые после смерти Элли моя голова разрывается между трауром и исцелением. Траур и воспоминания — это все, что осталось у меня от Элли, так что, если я отпущу траур, то Элли действительно уйдет. То есть выходит, что я предаю ее, поэтому

исцеление явно не вариант для меня, как и раньше в принципе, но в последнее время я размышляю над тем, возможно ли оплакивать ушедшего любимого человека, но продолжать жить дальше. Может быть, я наконец-то нашел то самое место в своей жизни для нас обоих.

В другой жизни, той жизни, где не было бы Элли, Шарлотта могла бы быть женщиной, с которой я мог бы общаться, проводить вместе время, может быть, даже преследуя нечто большее, чем дружба. Не то чтобы есть что-то плохое в дружбе, которая как раз пустила ростки между мной и Шарлоттой за последние пару месяцев, но я ясно дал понять... может быть, даже немного слишком ясно... что все, что у нас может быть — это только дружба. Она не просила большего, и даже намек не было с ее стороны на какие-либо отношения, но проблема в том, что в последнее время я сам думал об этом больше одного раза, хоть и не хотел в этом признаваться самому себе. Есть что-то в ней такое, из-за чего я с нетерпением жду, когда она выйдет из своего дома утром. Жду ее первого смеха, который срывается с ее губ каждый день. Находясь рядом с ней, я обретаю чувство умиротворения и спокойствия, которых мне так не хватает в моей жизни.

Поворачивая к садам, вижу только два припаркованных автомобиля. Один принадлежит сторожу, а второй... видимо, кто-то из посетителей меня уже опередил.

Я выхожу из грузовика и спускаюсь вниз по узкой гравийной дорожке. Запах лилий и жасмина наполняет воздух вокруг, притягивая меня к тому дереву, окруженному мхом. Нашему дереву. *Моему дереву.*

У нас были такие планы. Ужасные планы, которые никто в двадцатилетнем возрасте не должен обсуждать. Я даже не могу вспомнить, почему мы заговорили об этом тогда.

Давай нас похоронят вместе под этим деревом в саду. Так мы всегда можем быть в одном месте, которое оба любим.

Я смеялся над ней в тот день и сказал ей, чтобы она никогда даже не думала о смерти снова. Это был единственный раз, когда мы говорили об этом, но, по крайней мере, тот ужасный разговор упростил мне задачу, вставшую при выборе места для захоронения моей двадцатипятилетней жены. Ее родители были категорически против этой идеи. Они были недовольны тем, что только я имел право решения в этом вопросе. Я понимал их желание похоронить ее на кладбище, где лежали разлагающиеся тела их родственников, но должен был выполнить желание Элл, независимо от того, насколько сильно ее родители возненавидели бы меня.

Единственное, что я не планировал, так это то, что владелец садов откажет мне, так как захоронение тел на этой территории запрещено — это против их правил. Они разрешили мне захоронить только урну с ее прахом. Я должен был превратить тело Элли в пыль. Пыль всегда была досадной частицей, которую я привык выбрасывать в мусорное ведро, но теперь останки моей жены не более, чем пыль, и это — самая красивая и драгоценная пыль в мире.

Когда процедура кремации была завершена, меня вызвали в офис, чтобы забрать урну. Моя жена была передана мне в гребаной вазе. Я поставил ее в маленькую коробку на пассажирское сиденье, а затем закрепил Олив в ее автокресле. Это был первый и единственный раз, когда вся наша семья была вместе. *Я сумасшедший.*

Я становлюсь на колени около дерева, на котором словно клише выгравированы наши имена, окруженные сердцем со словом «навсегда» под ним. Кто знал, что навсегда закончится в двадцать пять лет? Я кладу руку на грудь у сердца и закрываю глаза, позволяя словам срываться с моих губ:

— Я скучаю по тебе, детка. Безумно скучаю.

Я втягиваю густой воздух в себя, но кажется, будто мои легкие отказываются работать в полной мере, пока я здесь. Даже если бы я мог свободно дышать, узел в моем горле не дает мне произносить те слова, которые я храню для таких моментов. Но легкий бриз, обдувающий мою кожу, словно пуховое одеяло окутывает меня, положив невидимую теплую руку на мою спину.

— Олив учится читать. Ты можешь в это поверить? Она хочет быть писателем, как ее мама. Она хочет быть такой, как ты, Элл. Я сделал все возможное, чтобы сохранить тебя в ее сознании. Хочу, чтобы она знала тебя, как и я. Я желаю, чтобы она всегда помнила о тебе, но я делаю все, что могу. Я знаю, что говорю это каждый раз, когда приезжаю сюда, но мне просто нужно, чтобы ты знала, как сильно я стараюсь, — открываю глаза и убираю руку от нашего вырезанного сердца. — Я надеюсь, что ты не будешь против, но мне нужно украсть синий жасмин для Олив. Она хочет его.

Я наклоняюсь и вытаскиваю ножницы из кармана. Если бы Элли не придерживалась строгих правил касаясь срезания цветов, я бы просто выдернул его из земли, но это было бы неправильно по отношению к ней. Я срезал цветок и убрал ножницы обратно.

— Я люблю тебя, детка. Увидимся в следующую пятницу.

Я встаю и поворачиваюсь лицом к пруду, окруженному кустами жасмина. Это было место, которое обожала Элли из-за цветов вокруг, и жасмина в частности. Они, конечно, не выросли здесь естественным путем, но я думаю, что здесь они растут благодаря местному садовнику. Хотя температура воздуха уже падает, я все же полагаю, что они еще будут здесь несколько месяцев. Когда я выбираю себе несколько веточек, мой взгляд ловит что-то розовое на другой стороне пруда.

Это женщина на коленях, она собирает цветы и складывает их в коробку. Я понимаю, что не имею никакого права говорить ей что-либо, тем более, что я и сам сорвал здесь жасмин, но не хочу, чтобы эти цветы забирали отсюда. Что она делает с ними? Я никогда не видел ее здесь раньше, так что, думаю, она не новый садовник. Не так одета, во всяком случае.

Я встаю и направляюсь на другую сторону пруда.

— Это частный сад, — говорю ей. Я знаю, что не владелец этого сада, но у меня есть договоренность с хозяином, позволяющая мне выбрать пару веточек синего жасмина, когда я здесь.

Она вскидывает голову и вздрагивает, испуганная моим присутствием. Я не хотел подкрадываться к ней и раньше никогда не стал бы подходить к кому-то таким образом... но эти цветы, они должны отцвести самостоятельно.

Ее нефритовые глаза встречаются с моими, она выглядит совершенно растерянной, как будто я обвинил ее в чудовищном преступлении.

— Это ваши цветы? — спрашивает она медовым голосом.

Я смотрю на свою руку с жасмином.

— Нет, — отвечаю подавленно, — я... я получил разрешение от владельца сада.

— И я тоже, — говорит она. — Я помогаю садовнику иногда, так как управляю цветочным магазином в центре города. Магазин, в котором я работаю, поставяет семена весной и забирает то, что осталось в конце сезона. Так как в этом году будут ранние заморозки, я начала сбор семян раньше, чем обычно.

— Я не знал, — говорю я ей, ощущая себя, как собака с поджатым хвостом. Она и есть та причина, по которой эти цветы продолжают расти здесь.

— Все нормально. Я уверена, что это выглядит немного странно, ну, сам сбор цветов в центре красивого сада, — говорит она, закрывая коробку. Перемещая ее под руку, она встает и убирает каштановые волосы цвета кофе за плечи. Сделав пару шагов в моем направлении, она слегка наклоняет голову в сторону и смотрит на меня пытливым взглядом: — Вы часто приходите сюда?

— Каждую пятницу, — я указываю рукой через плечо на мое дерево, — я пришел навестить свою жену.

Женщина прижимает руку к груди, сжимая розовый материал рубашки свободного покроя. Ее глаза разрывают контакт с моими, когда она опускает взгляд:

— Я невероятно сожалею о вашей потере.

— Спасибо, — прежде чем я могу ответить ей благодарностью, она проносится мимо меня. Я поворачиваюсь и с удивлением наблюдаю, как она бежит вверх по мшистому склону. В то время, пока я пытаюсь понять, что такого сказал, что заставило женщину сбежать, она спотыкается и коробка выпадает из ее рук. Цветки высыпаются из коробки, а упавшая женщина выглядит расстроенной. Она расстроилась, потому что не смогла убежать от меня? Я медленно приближаюсь к ней, даже с осторожностью, так как не хочу напугать ее снова, как сделал это уже пару минут назад.

Я поднимаю коробку и начинаю собирать цветы, осторожно складывая их внутрь, чтобы не задеть листочки.

— Вы в порядке? — спрашиваю я. Она смотрит на меня со слезой, бегущей по покрасневшей щеке. — Вы тоже кого-то потеряли, да? — не знаю, почему предположил это, но она плачет, и я чувствую, что я еще тот придурок, который расстроил бедного человека.

Она слегка кивает головой, опять же, глядя мне прямо в глаза.

— Я сожалею, — говорит она с дрожью в голосе.

— Думаю, мы обменялись ненужными извинениями, — говорю я, чувствуя, как тень улыбки касается моего рта. Я даже не помню, улыбался ли когда-нибудь в этом саду с тех самых пор, как Элли последний раз была здесь со мной.

— Да, я потеряла кое-кого, — говорит она.

— Жизнь бывает отстойной иногда, — это все, что могу сказать ей. — Я повторяю себе это в течение последних пяти лет.

— Иногда, но и замечательных дней может быть много, — утверждает она. — Извините за эту драматическую сцену, — тихий смех слетает с ее губ, когда она проводит тыльной стороной ладони по своей щеке, убирая одинокую слезу. — Я не знаю, что сделать, чтобы облегчить мою боль, и определенно не знаю, что сказать кому-то, чтобы облегчить их боль. Поэтому, логично, что единственное, что я могу сделать — это убежать, — она встает и берет коробку из моих рук.

— Слова не всегда нужны, — говорю я ей.

— Слова почти всегда нужны, — парирует она.

— Это то, что они говорят?

— Кто? — спрашивает она в недоумении.

— Они. Знаете, те, кто придумывает все сумасшедшие поговорки, которые не имеют никакого смысла.

— Эти высказывания сродни искусству. Вы должны позволить словам материализоваться, не стоит думать поверхностно. Вот тогда слова будут иметь смысл.

— Вы, должно быть, философ, — говорю я.

— Просто флорист, — напоминает она мне.

— Это был самый запутанный разговор о словах, который, вероятно, у меня когда-либо был.

Все это потому, что я хотел обвинить бедную женщину в краже цветов из сада. Я действительно знаю, как держать себя во главе каждого моего глупого поступка, который я совершаю.

— Я надеюсь, что нет, — говорит она с усмешкой. — Мне нужно идти. Необходимо открывать магазин.

— Где находится ваш магазин? — спрашиваю я, чтобы в следующий раз заехать и купить жасмин.

— Было очень приятно встретиться с вами, — говорит она, избегая моего вопроса.

— И мне тоже, — произношу я в ответ.

Я позволяю ей уйти, прежде чем последовать за ней вверх по ступенькам, и поворачиваюсь в конце к дереву, чтобы сказать в последний раз на этой неделе: «Я люблю тебя, Элли». Когда я запрыгиваю в свой грузовик, то вижу задние фары темно-синего автомобиля, выезжающего на проезжую часть. И все.

Мои мысли находятся в полном хаосе, когда я подъезжаю к продуктовому магазину, чтобы закупить еды на неделю, а также набор для выздоровления Шарлотты. Я, может, и не женат уже давно, но полагаю, что знаю, что заставляет женщин чувствовать себя лучше. Или я хотел бы думать так.

Она приложила гораздо больше усилий, чтобы помочь мне, чем я, чтобы помочь ей. Поэтому это возможность для меня отблагодарить ее и, возможно, доказать, что я не настолько засранец, каким иногда кажусь.

После того как заносу продукты, я сразу же выскакиваю из дома. Перебежав через улицу, стучусь в дверь Шарлотты и слышу голос, похожий на карканье вороны, разрешающий войти. Так что я сразу же открываю дверь и обнаруживаю ее, свернувшуюся калачиком на диване под одеялом.

— Дай угадаю, работать из дома не совсем удачный выбор на сегодня? — говорю я, закрыв за собой дверь.

— Не совсем, — хрипит она.

Присев на край дивана, я вытаскиваю пакет с продуктами к себе на колени.

— Я принес тебе кое-что, — вытягиваю коробку с одноразовыми салфетками и ставлю ее на журнальный столик около нас. Далее идет: «Адвил» (*Примеч.: медицинский препарат, действующее вещество — ибупрофен*) и «Панадол», коробка конфет, и, наконец, все девчачьи журналы, которые смог найти на стеллажах.

Когда ее взгляд опускается на журналы, она приподнимается на диване.

— Ничего себе, — говорит она. — Да ты самый желанный холостяк.

Я не знаю почему, но ее слова заставляют меня телепортироваться с края дивана к краю кофейного столика. Ирония этой ситуации заключается в том, что она, наверняка, не думала

так пару часов назад, что говорит мне о том, что, возможно, меня кто-то сглазил.

Шарлотта кладет руку мне на колено.

— Эй, — ее брови сходятся вместе с выражением разочарования. — Ты в порядке?

— Я не знаю, — говорю я ей честно.

— Это было странно, то, что я сказала? — она прикрывает один глаз, как будто готовится к удару по голове.

— Я... я так облажался, Шарлотта.

И это правда. Ничего, кроме правды здесь и прямо сейчас... нет смысла в том, чтобы говорить неправду, так как она начинает изучать, насколько я облажался.

— Отлично понимаю, — она смеется сквозь очередной приступ кашля. Мне нравится в Шарлотте, что она не ходит на цыпочках вокруг кого-нибудь. — У меня нет фильтров, но я не жалею, что сказала это. Это правда.

Я смотрю на свои руки, подыскивая какой-нибудь не мудацкий ответ, но на ум ничего не приходит, потому что знаю, что мне не следует говорить ей что-то грубое, хотя я тоже считаю ее самой желанной холостячкой.

— Как сад? — спрашивает она, любезно меняя тему. Ради меня.

— Это было прекрасно, — я вздыхаю. — Хочешь, я сделаю тебе чай или еще что-нибудь?

— Нет, спасибо... — отвечает она, а затем чихает.

Я встаю и беру пустой пакет, чтобы отнести на кухню и выбросить в мусорное ведро.

— Если хочешь, я встречу Лану с автобуса сегодня, я могу.

— Хорошо.

Круто. Я только что испортил единственную дружбу, которую сумел сохранить на срок более двух недель.

— О, твоя куртка висит на двери шкафа, — добавляет она.

— Спасибо.

Я хватаю ее и чувствую вибрацию своего телефона в заднем кармане. Вытащив его, я вижу, что это школа Олив.

— Алло? — отвечаю я, сразу услышав, как школьная медсестра что-то объясняет мне, но я не могу понять. Или, может быть, я не хочу понимать. — Что вы имеете в виду? Она в порядке?

Паника гонит меня из дома Шарлотты без прощаний или объяснений. Паника ведет меня в школу Оливии на предельной скорости. Эта паника заставляет меня перескочить школьные двери, проходя мимо скорой помощи и моля Бога спасти меня от еще большей душевной боли.

Было время в моей жизни, когда я задавался вопросом, почему мне так повезло. У меня было двое родителей, которые избежали извечных возможностей развода, хорошие оценки были ничем иным, как данностью, деньги никогда не были проблемой в моей жизни, благодаря папе и его успешному бизнесу, а в плане девочек — у меня никогда не было с ними проблем, так как я всегда был один. Я иногда садился на край кровати и спрашивал Бога: «Почему я?»

Я не ждал, что мне достанется все так легко на моем жизненном пути, или что удача будет длиться вечно, но всегда благодарил Бога, опасаясь, что в один прекрасный день удача уйдет от меня. Может быть, часть меня всегда знала, что это когда-нибудь произойдет.

До того момента, пока не увидел Элли мертвой, лежащей на больничной койке, я не понимал, что она была моей удачей — все мои успехи объединились в одном существе. Те, другие составные моей жизни: счастливые родители, деньги, интеллект — это не было везением. Я думал, что достаточно высоко ценил то, что у меня было, но как выяснилось — не ценил *по-настоящему* то, что имел. Я ценил неправильные части жизни. Теперь я ценю время — время, которое я провел с Элли, то время, когда мне посчастливилось быть отцом и воспитать Олив. То время, когда провожаю Олив в школу и встречаю после. Время — это то, за что я благодарен, потому что без времени ничто не имеет значения.

Я проношусь через главные двери сразу к кабинету медсестры, мой взгляд мечется по комнате, пока не нахожу школьную медсестру, директора школы и секретаря, нависшими над Олив.

— Что случилось? — рывкаю я. Они уже сказали мне по телефону, но мне нужно услышать это снова. Мне нужно знать каждую деталь.

Медики прибывают следом за мной, и я вынужден отступить, чтобы они могли позаботиться о ней. Один из них поднимает ее веки, проверяя ее зрачки фонариком, а другой ощупывал ее конечности. Я пристально смотрю на них, пока медсестра подробно рассказывает об этой «неудачной аварии» на детской площадке.

— Она поднялась на вершину игрового комплекса и встала на рукоход, чтобы дотянуться «до неба». К тому времени, когда ее учитель увидел это, было уже слишком поздно... нога Олив соскользнула в одно из отверстий, и она свалилась на бок. Падение произошло с высоты около двух с половиной метров — девочка упала прямо на голову.

Это было одно из моих самых основных требований во время открытых дверей. Я

спросил их, насколько внимательно они следят за детьми на детской площадке. Они объяснили, насколько велико соотношение времени учитель-ученик, и что за каждым ребенком будет тщательный контроль. Разве они не знают, что это занимает всего одну секунду?

— Похоже на сотрясение третьей степени, — говорит один из медиков как ни в чем не бывало, без намека на эмоции в голосе. Мимо меня пробегает еще один из медиков с носилками, они устанавливают бандаж вокруг ее шеи, который почти закрывает ее лицо. Я даже не могу прикоснуться к ней, потому что они окружили ее, держа меня подальше. Я могу разглядеть сквозь просветы между их фигур только ее испачканные розовые лосины.

И снова, во второй раз в жизни, мое сердце чувствует острую физическую боль. Это выбивает весь воздух из меня, и мне снова становится тяжело дышать. Тот, кто сказал, черт возьми, *что тебя не убивает, делает тебя сильнее...* может поцеловать меня в задницу.

— Олив! — бесполезно кричу я. — Олив, милая, проснись!

Теплая рука сжимает мое плечо, а чья-то грудь прислоняется к моей спине, но я не оборачиваюсь. Мне все равно, кто стоит за мной, кто пытается оказать мне симпатию или поддержку. Моя маленькая девочка лежит передо мной без сознания из-за падения с чертовой двухметровой высоты.

— С ней все будет хорошо? Мне нужно знать. Как она?

Никто не отвечает мне, поэтому я хватаю одного из санитаров за плечо, того, кто не осматривает Оливию. Я дергаю его, пока он не оборачивается.

— С ней все будет хорошо?

— Я не врач, — говорит он. — Я не могу дать вам точный ответ.

Рука, которая лежала на моем плече, опускается на бицепс, а вторая рука оказывается на другом. Они сжимают меня сильнее, но я до сих пор не оборачиваюсь. Я не могу оторвать глаз от Олив. Санитар, с которым я только что разговаривал, отходит в сторону, и я вижу, что на Оливии нет обуви. Она выглядит брошенной; она не выглядит, как моя дочь.

Ее укладывают на каталку за две минуты, но мне кажется, что прошел целый час — час нетерпеливого ожидания, когда она моргнет или скажет «папа».

— Сэр, вы можете поехать вместе с нами.

Руки вокруг моих плеч опускаются, и голос эхом отдается в моих ушах:

— Я встречу вас там, — говорит она.

Когда скорая проносится мимо, ветер от их скорости толкает меня. Я бегу, не чувствуя ударов подошвы ботинок о землю, не слышу паники в голосах каждого, не обращаю внимания на десятки детей, стоящих в зале со страхом в глазах. Я знаю — все это есть, но чувствую себя запертым внутри тоннеля, и только тьма на другом конце.

Я залезаю в заднюю часть машины скорой помощи, по-прежнему вынужден сидеть достаточно далеко от Олив, так что даже не могу прикоснуться к ней. Может быть, если бы она знала, что я здесь, она проснулась бы.

— Олив, — зову я мягко. — Ты меня слышишь?

Медик, с которым я сижу рядом, смотрит на меня и слегка качает головой, как будто говоря мне не беспокоиться. Почему мне не следует беспокоиться?

— Она жива, так ведь? — рычу я сердито.

— Да, конечно, — говорит он. — Я просто боюсь, что она может не слышать вас.

— Вы не знаете этого, — шиплю я сквозь зубы. — Ты не врач, помнишь?

— Успокойтесь, сэр, — говорит он, оставаясь спокойным. *Совсем непохоже на меня.*

— Не принимать это близко к сердцу? Расслабиться? — кричу я. — Моя жена умерла во время родов этой маленькой девочки. Она — весь мой гребаный мир. Я хотел оставить ее на домашнем обучении, потому что знал, что так она была бы всегда в безопасности. А вы говорите мне не беспокоиться?

— В этом нет логики, — говорит он, отворачиваясь от меня. Дерзкий, наглый недодоктор.

Мне хочется ударить его. Я хочу вмазать ему по этой гребаной челюсти прямо сейчас, но знаю, что они выгонят меня из этого клаустрофобного автомобиля, поэтому я закрываю рот и сжимаю челюсть.

Мы приезжаем в больницу. Эта больница — ужасное место смерти, в которое я обещал себе никогда не возвращаться, но я снова здесь. Оно уже украло у меня Элли, и теперь угрожает забрать мою сладкую, маленькую Оливию.

Когда я иду по белому длинному коридору, в моей затуманенной голове появляется картинка, воспоминание: Олив в автокресле, ей тогда было два дня от роду, а я пытаюсь научиться обращаться с этой штуковиной, уверенный, что точно уж с креслом я должен справиться. Она была пристегнута ремнями и смотрела на меня в ожидании, пока я держал кресло руками. Я помню, как думал, *что теперь только ты и я*. В тот момент я задавался вопросом, как собираюсь сделать это — стать единственным родителем для этой маленькой девочки и дать ей все, в чем она нуждается? Тогда я удивлялся, как дожил до такого и почему? Разве я планировал уйти из больницы без Элли? Нет, этого не было в моих планах.

Вид медиков, завозящих Олив в приемное отделение, сразу же вырывает меня из моих мыслей. Ко мне подходит медсестра, пока я наблюдаю, как Олив перекладывают с каталки на кровать.

— Сэр, вы очень бледны, — говорит она, затем берет стул и поднимает его подлокотники. — Присаживайтесь, — я так и делаю, потому что не думаю, что мои ноги достаточно сильны, чтобы выдержать еще большую нагрузку на сердце. — Доктор будет здесь с минуты на минуту, — женщина кладет руку мне на плечо, и я поднимаю на нее взгляд.

Знакомое лицо смотрит на меня, но я молчу, ничего не спрашивая, чтобы убедиться, хотя вижу в ее глазах тот же вопрос. Да, действительно, она выглядит знакомой. Да, она та, кто передал мне Олив тогда, когда малышка только родилась, а моя жена умерла. Предполагаю, что только я ее узнал. Уверен, эта больница видит сотни людей каждый день.

— Спасибо, — говорю я.

— Мистер Коул, — вздыхает она, — прошло много времени... — ее нижняя губа дрожит, а глаза наполняются слезами. — Мы окажем вашей маленькой девочке самую лучшую возможную помощь. Обещаю.

— Вы помните меня? — спрашиваю я хриплым голосом, шок стягивает удавкой мое горло.

— Я никогда не забывала о вас. Никогда не смогу забыть вас. Вы и Олив стали тяжелым бременем в моей памяти в течение многих лет. Я часто думаю о вас, интересно, как выживаете... — она переводит свой взгляд с меня на Олив. — Малышка выглядит точно так же, как ее мама. Она красивая, — медсестра сжимает рукой мое плечо и говорит, — я вернусь.

Как и было обещано, появляется доктор, выбегая из-за угла, направляется к постели больной Олив. Он представляется, а затем проверяет Олив с головы до пят, проверяя ее

зрочки и шею в первую очередь. Он поворачивается ко мне и говорит:

— Мы должны сейчас же отправить ее на КТ (*Примеч.: КТ — компьютерная томография*), — он поднимает трубку, чтобы дать кому-то распоряжение, и кладет ее, как только заканчивает разговор. Менее чем за две минуты каталку Олив уже вывозят из приемной, направляясь вниз по коридору. Когда мы входим в новое отделение, меня просят остаться в комнате ожидания, потому что я не могу войти с ней помещение, где проводится КТ. И снова я вынужден сидеть в зале ожидания, с ужасом ожидая услышать результаты единственного живого человечка, которого люблю.

— Могу ли я предложить вам чай или кофе? — спрашивает медсестра, та самая, которая помнит меня. Та же медсестра, которая смогла сказать одним лишь взглядом, что Элли больше нет с нами. Сейчас у нее другой взгляд, возможно, она стала более опытной и научилась скрывать свои эмоции.

Я качаю головой, пряча лицо в ладонях.

— Меня зовут Кэролайн, — говорит тихо медсестра и садится рядом со мной. — Вы отлично справляетесь с Олив.

Я поднимаю на нее глаза в немом вопросе. Как кто-то может сидеть здесь и говорить мне, что я отлично справляюсь? Моя дочь лежит без сознания на больничной койке. Я имею в виду умение, по которому можно оценить мою способность ухаживать за ребенком, не говоря уже о том, разве я мог бы сделать для нее меньше?

— Позвольте с вами не согласиться, — отвечаю я, надеясь, что это прозвучало менее цинично, чем я чувствую на самом деле.

— О, дорогой, ее одежда по размеру, волосы заколоты двумя заколками, точно по обеим сторонам от пробора. У нее одинаковые носочки. Чистые зубки. Ее животик полон. Это только несколько вещей, которые я заметила в течение первых минут, когда ее привезли сюда. Я знаю, что это не так много, но могу сразу сказать — она очень хорошо ухоженный ребенок, — Кэролайн берет мою левую руку с колен и указывает на мой безымянный палец. — И вы ухаживали за ней сами, не так ли?

Она знает об Элли, а это значит, что она спрашивает, продолжил ли я двигаться дальше.

— Да, — отвечаю я, глядя на свой пустой палец. Я боролся с решением снять мое кольцо. В конце концов, я сделал это в прошлом году и положил его в коробочку с кольцом Элли.

— С Олив все будет хорошо, — говорит мне Кэролайн.

Я помню, как спросил Кэролайн, будет ли с Элли все хорошо, и она не ответила мне тогда. Но вот сейчас здесь она говорит мне то, что я хочу услышать.

— Будет? — мне нужна надежда. *Пожалуйста, дайте мне хотя бы одну унцию надежды, чтобы я смог выдержать это.*

— Хантер! — слышу я голос за дверью. — Хантер, — Шарлотта вбегает в комнату и обвивает меня руками за шею, как будто *мы всегда делаем так* — обнимаемся, когда кто-то из нас нуждается в этом.

Я все еще смотрю на Кэролайн и вижу маленькую загадочную улыбку, расцветающую на ее губах. По мере того как морщинки на ее щеках разглаживаются, счастливый блеск озаряет ее лицо. Она кладет руку мне на спину и встает.

— Я дам вам пару минут, пока проверю Оливию.

— Спасибо, — говорю я ей, поворачиваясь к Шарлотте. Уверен, выражение моего лица явно озадаченное. И я спрашиваю: — Как ты узнала, что я здесь?

— Когда ты выбежал из моего дома, причем так быстро после телефонного звонка, даже не попрощавшись, я поняла, что могло что-то случиться с Олив в школе, звонили ведь оттуда. Я была с тобой в школе, но... Во всяком случае, я слышала все, что случилось, и последовала за тобой в больницу, потому что подумала, что могу понадобиться тебе. И я не хочу, чтобы ты был здесь один. Я бы пришла раньше, но никак не могла найти тебя, — говорит Шарлотта, затаив дыхание. Это были ее руки, которые обнимали меня в школе. Это Шарлотта — та, кто всегда бывает рядом со мной в последнее время. И все же мне становится страшно, когда она говорит мне, что я желанный холостяк. Что, черт возьми, не так со мной? — На ресепшене больницы не были полностью уверены, где ты, и я набирала твой телефон десятки раз. Когда я бежала по коридорам, я думала, что охранники не пустят меня, но вместо этого они помогли мне найти тебя. Как она? Она в порядке? Ты в порядке? Тебе что-нибудь нужно? Я так волновалась за нее.

Голос Шарлотты почти выходит из-под контроля. Беспокойство в ее голосе такое искреннее и полное настоящего сострадания к Олив и из-за меня. Это то, чего я не чувствовал уже длительное время из-за того, что оттолкнул всех от себя — всех, включая своих собственных родителей. Я не мог допустить присутствия сострадания в моей жизни, потому что оно бы сделало все еще хуже. ЭйДжей был единственным, кого я не оттолкнул, потому что он не был сочувствующим. Он мудака, такой же, как и я, просто в другом смысле, поэтому я могу терпеть его большую часть времени.

— Спасибо, что пришла, — говорю я ей честно. — Сейчас ей делают КТ, но она все еще без сознания.

Руки Шарлотты все еще обнимают меня, когда она всхлипывает мне в ухо. Сочувствие, словно нож, который, как правило, ранит мою грудь, когда кто-то пытается *заставить меня чувствовать себя лучше*, в этот раз больше похоже на безболезненный притупленный укол, и у меня больше нет сил, чтобы снова выстроить свою защитную стену. Вместо этого я закрываю глаза и пытаюсь игнорировать все вокруг, кроме ощущения рук Шарлотты вокруг моей шеи, и впервые сейчас я не вынуждаю себя представлять Элли на месте Шарлотты. Впервые я чувствую спокойствие, о котором никогда не мечтал. И я не могу это контролировать, не буду отталкивать ее. Я позволяю этому быть, потому что так отчаянно нуждаюсь в утешении. Я чувствую себя обезвоженным от засухи любви, и теперь понимаю, чего хочу. Я думаю, что мне нужна Шарлотта, чтобы утолить мою жажду близости.

Покорившись своему желанию, обвиваю руки вокруг тонкой талии Шарлотты и притягиваю ее к себе на колени, пряча голову на ее плече.

— Почему? — стону я.

— Она не позволит ничему случиться с ней, — шепчет Шарлотта мне в ухо.

— Кто? — спрашиваю я, зная, что хочу услышать, но понимаю, что никто не может думать так же, как и я.

— Как зовут твою жену? Ты не говорил мне.

Ты и не спрашивала.

— Элеонора. Элли.

— Элеонора Коул, — повторяет она ее имя шепотом на одном дыхании, в котором имя Элли звучит как, будто это не более, чем призрак. После резкого вдоха и дрожащего выдоха Шарлотта тихо произносит: — Элли — это твой с Олив ангел. Она не позволит случиться чему-нибудь плохому с любым из вас. Я уверена в этом.

Мои руки напрягаются вокруг нее, пока ее запах пропитывает мои чувства. Запах,

который я отказывался вдохнуть в страхе полюбить его, просачивается через загерметизированные трещины моего холодного сердца. Битва, в которой я боролся, чтобы удержать эмоциональную дистанцию между мной и Шарлоттой, проиграна. *Цветы*. Она пахнет ванилью клематиса. (*Примеч. Клематис или Ломонос, — род растений семейства лютиковых*). Я вдыхаю его настолько глубоко, насколько позволяют мои легкие, удивленный тем, какой глубокий вдох я могу сделать. В течение многих лет мои легкие казались сдавленными, словно я был не в состоянии втянуть в себя достаточное количество кислорода, но прямо сейчас я могу дышать свободно.

Кратковременное облегчение в моей груди быстро испаряется, как только доктор заходит в комнату. Он не говорит ни слова и даже не смотрит на меня с какой-то присущей врачам долей заинтересованности. Вероятно, он пытается подобрать подходящие слова, которые проникнут через горло прямо к сердцу и вырвут его из моей груди. Снова. Шарлотта сползает с моих колен на стул, как будто чувствует, что мне требуется пространство, в котором я так отчаянно нуждаюсь.

— Шарлотта Дрейк, — говорит доктор, не удостоив меня вниманием, которого я жду прямо сейчас. — Как необычно видеть вас снова здесь. Прошло несколько лет, не так ли?

— Как Оливия? — Шарлотта возвращает разговор туда, с чего он и должен был начаться.

Врач мгновенно переводит свое внимание с Шарлотты ко мне:

— У нее сотрясение головного мозга средней тяжести, она очнулась прямо во время КТ, — говорит он с мягким смешком. — Она довольно вспыльчива, да? — чувство освобождения от боли, страха и всех других плохих эмоций срывает меня с места к доктору, я держусь из последних сил, чтобы не наброситься на него с распростертыми объятьями.

— Она... с ней все будет хорошо? — заикаюсь я.

— С ней будет все замечательно, мистер Коул, — он смотрит вниз на карту и обратно на меня. — Однако я хочу оставить ее здесь на ночь для более тщательного наблюдения. Мы все еще ждем результаты пары анализов, но я уверен, что все обернется хорошо.

— Я остаюсь с ней, — говорю я ему голосом, не требующим возражений.

— И это совершенно правильно, — врач поворачивается к двери. — Мы переведем ее в палату через несколько минут, и вы можете пойти к ней. Было приятно видеть вас снова, Шарлотта.

Он кивает и исчезает из моего поля зрения.

Когда дверь закрывается, я поворачиваюсь обратно в Шарлотте, которая, кажется, набирает кому-то сообщение на своем телефоне:

— Просто прошу Розы... одну из мам с автобусной остановки, встретить Лану с автобуса.

— Ты не должна оставаться, — говорю я. Я привык к одиночеству, встречаясь один на один со своими страхами и болью, полагаясь только на себя, чтобы двигаться вперед от одного момента к другому.

— Я знаю, что не должна, — она все еще держит свой телефон, глядя на экран в течение нескольких секунд, прежде чем положить его обратно на колени. — Лану заберут, так что я вся твоя, если хочешь, но я могу и уйти. Все зависит от того, нужна ли я тебе прямо сейчас.

Я не понимаю. Я не понимаю, что происходит.

— Почему? Почему ты постоянно хочешь быть рядом со мной? Я не знаю, как улыбаться, не говоря уже о том, чтобы рассказать какую-нибудь шутку, достойную смеха. Я

отталкиваю тебя. Я не очень хороший друг, и, откровенно говоря, я веду себя как мудак по отношению к тебе. Так почему же, Шарлотта?

Этой незаслуженной доброте должно быть логическое объяснение.

Она приподнимает подбородок и прищуривает глаза, когда легкая улыбка появляется на ее губах.

— Это может показаться немного дерзким, но я отлично разбираюсь в людях. Мне нравится думать, что у меня есть способность заглянуть человеку в глаза и точно сказать, что находится внутри них. Весь твой внешний вид — это маска, так что никто не знает, кто ты на самом деле или то, что ты чувствуешь.

Мне хочется рассмеяться, не потому, что это смешно, а потому, что хочу рассказать ей, что она видит только то, что хочет видеть. Нет никакой разницы между холодом на моем лице и льдом, в который превратилось мое сердце.

— Внутри меня живет безнадежная, потерянная душа, которая ничего больше не чувствует. Это то, что находится внутри меня. Так что, это то, что ты можешь увидеть, но ты все еще не ответила на мой вопрос, почему ты хотела бы дружить с кем-то вроде меня?

Я не уверен, что хочу услышать ее ответ. Не уверен, что знаю, как взломать дверь в мой одинокий мир, чтобы освободить место для кого-то, кто позаботится обо мне.

— Я знаю, — говорит она. — Я не хочу исправлять или менять тебя, — продолжает Шарлотта, глядя в сторону, а потом опуская глаза на свои красные кеды. — Так что не думай об этом, — она разрывает зрительный контакт, будто что-то шевелится внутри нее или потому, что ей неловко говорить то, что она хочет сказать. — Ты невероятно сильный человек, который берет сорняки и превращает их, в буквальном смысле, в красивые цветы, — она смеется и снова смотрит на меня, ее щеки немного краснеют. — Послушай, Хантер, у меня нет четкого ответа, но есть притяжение, которое чувствую к тебе, и я просто следую своей интуиции. Как уже сказала, я не хочу менять тебя каждый раз, когда вижу. Я желаю тебе воспользоваться возможностью снова жить. Знаю, что не могу быть помощником в этом деле, но это не значит, что я не хочу быть рядом с тобой, когда это произойдет. Потому что, хочешь ты этого или нет, но исцеление наступит.

Она продолжает говорить с ухмылкой:

— Мы все-таки соседи, нам никуда не деться друг от друга. Поэтому мы могли бы получить выгоду из этого — каждый свою.

Обычно я чувствую гнев, когда кто-то говорит мне, что эта боль не будет длиться вечно. Я думаю, что мог бы жить в удовольствии с болью, которая никогда не будет увядать. Я держусь за нее, как за спасательный круг, но когда Олив станет старше и поймет, какой я на самом деле, думаю, что мне, возможно, придется что-то сделать с этой болью, хотя бы ради нее.

— Хорошо, — говорю я ей. — Это справедливо.

Наверное. Я не уверен, на что я только что согласился.

Возвращается медсестра Кэролайн и кивает мне головой, приглашая следовать за ней. Я прохожу мимо Шарлотты, которая смотрит на меня и ждет моего решения, следует ли ей идти за мной или нет, и я хочу, чтобы она осталась. Человек, которым я был — кем я мог бы все еще быть — сказал бы ей «до свидания» и «спасибо». Однако я устал быть тем человеком. Я протягиваю ей руку, закрываю глаза и делаю глубокий вздох. *Это — правильный поступок. Для меня.*

Шарлотта громко сглатывает, берет меня за руку и встает, чтобы присоединиться ко

мне. Ее рука теплая, мягкая, маленькая — идеальная, и я переплетаю наши пальцы и сжимаю немного крепче, сражаясь с колющей болью, которая проходит через мои нервы. Вообще-то, если задуматься, возможно, это не боль. Возможно, это снова спокойствие. Как человек может быть настолько потерян, чтобы спутать одно с другим — чувство боли и комфорта?

Когда мы проходим по коридору, Шарлотта свободной рукой обхватывает мою руку и прижимается ко мне. Чем ближе мы подходим к палате Олив, тем меньше боли в моей груди. Я хотел освободить свою руку, когда мы войдем к Олив, но не делаю этого.

— Папа! Шарлотта! — визжит Олив. Она сразу же делает то, что я она будет делать: опускает свой взгляд на наши переплетенные пальцы рук и улыбается улыбкой, озаряющей все ее лицо. *Так же, как у Элли.*

Наши руки разъединяются, когда я бегу к Олив, становясь на колени, чтобы быть как можно ближе к ее маленькому личику.

— Ты так сильно напугала меня, Олив. Я так волновался за тебя.

Я обнимаю и крепко прижимаю ее к себе, пока она не начинает стонать и извиваться в моих руках.

— Я в порядке, — говорит она с той же уверенностью, как всегда. Она всегда *в порядке*.

— Что ты делала на вершине игрового домика? — спрашиваю я, глядя в ее извиняющиеся глаза.

Она даже не моргает, когда слышит мой вопрос, ее взгляд заставляет меня сомневаться в том, помнит ли она, что произошло или просто не хочет рассказывать мне. После долгой минуты мягкий вздох слетает с ее губ, и она отвечает:

— Кое-кто спросил меня, где моя мама сейчас, и верхняя часть домика была ближе всего к тому месту, где я могла бы добраться до нее.

Как только я собираюсь быть в порядке, ее объяснение опустошает меня.

Когда Олив спрашивала меня, где небо, я всегда говорил, что небо в облаках, потому что сейчас, когда ей пять, так проще для ее понимания. Когда я впервые сказал ей об этом, она ответила смущенно, что не может коснуться облаков. Поэтому она не может коснуться Элли. Я сказал ей, что если она заберется достаточно высоко и закроет глаза, то сможет почувствовать облака, а также и Элли. Это моя ошибка.

— Ты же говорил мне, если я заберусь высоко...

— Я знаю, что я говорил тебе, дорогая, но я был неправ. Я...

Шарлотта подходит к нам и тоже опускается на колени рядом со мной.

— Олив, — говорит она, ее голос успокаивающий и теплый. — Если ты закроешь глазки, независимо от того, где ты стоишь, ты сможешь почувствовать свою маму на небесах. Тебе не нужно подниматься высоко вверх, чтобы почувствовать ее... — Шарлотта делает паузу, так как ее дыхание сбилось, что доказывает, насколько тяжело ей было произнести это. Она делает глубокий вздох и улыбка возвращается к ее губам, когда она продолжает: — Потому что твоя мама прямо здесь, — Шарлотта кладет руку на грудь Олив, над ее сердцем. — Закрой глаза, дорогая.

Олив закрывает глаза, но слегка приоткрывает один, чтобы скептически посмотреть на нас обоих.

— Что теперь? — хихикает она.

— Ты должна держать глазки закрытыми и представить себе, как выглядит твоя мама, как ее кожа касается твоей и как звучит ее голос.

Слова Шарлотты из сладких и успокаивающих превращаются в серьезные и правдоподобные, сочетание, которое заставляет Олив расслабиться и закрыть оба глаза.

Я наблюдаю, как Шарлотта продолжает говорить об Элли, как если бы она знала ее, и вижу, как улыбка вырисовывается на губах Олив. Связь между ними сейчас настолько сильна, что я не могу принять ее. Я не видел никогда Олив такой спокойной и умиротворенной.

— Мне кажется, я могу чувствовать ее, — говорит Олив шепотом. — Голос мамы звучит как красивая песня, а ее кожа чувствуется, как лепесточки цветка. Она похожа на меня, но взрослее, — улыбка Олив становится шире, а щеки розовеют. — Она действительно любит меня, правда?

— Больше, чем ты могла когда-либо представить себе, — говорю я ей, чувствуя, как в горле набухает знакомый узел.

— Она тебя тоже любит, папа.

ДЕКАБРЬ

— *Месяц спустя* —

— Пожалуйста, можно я пойду поиграю с Ланой на улице? — умоляет Олив. Я держал ее дома в течение последних нескольких недель, не желая спускать с нее глаз ни на секунду после того, как она напугала меня.

— Хантер, — орет ЭйДжей из гостиной. — Пусть малышка выйдет и поиграет, — иногда жить с ЭйДжеем все равно, что жить с надоедливой женой — он постоянно ноет и пристает ко мне. Это у него получается, как у лучшей из них. Самое забавное в том, что он не живет со мной, он просто проводит большую часть времени здесь, нежели в собственном доме с Алексой, и я не уверен, что могу винить его за это. Но сегодня Алекса здесь — она приходит с ЭйДжеем каждое воскресное утро на «семейный завтрак».

— Завтрак будет готов через пару минут, — кричу я им обоим.

— Бабуля и дедуля уже приехали! — кричит Олив из-за входной двери. *Что она там делает?* Я высовываю голову из-за угла, не обращая внимания на взбитые яйца, капающие с венчика в моей руке.

— Олив, зайди в дом! Почему ты надела теплые штаны и ботинки?

— Я хочу пойти поиграть в листьях с Ланой, — визжит она.

— Ладно, во-первых, тебе не нужны зимние штаны и ботинки, чтобы играть в листьях, во-вторых, ты наверх надела летнее платье. А в-третьих, только что приехали твои бабушка и дедушка.

— Ты отстал от жизни, — говорит мне Алекса, когда видит Оливию в гостиной. — Олив, ты выглядишь сказочно в этом наряде. Иди сюда, давай сделаем тебе прическу.

Я возвращаюсь к яйцам и вафлям — мой воскресный утренний ритуал. Кофе уже наготове, и у меня все под контролем.

— Приходите на завтрак, всем хватит! — слышу голос мамы, выкрикивающей на проезжей части. Не знаю, кого она приглашает, но предполагаю, что это Шарлотта. — Нет, не глупите! Приходите. Я принесла кофейный торт и кексы! — наступает тишина, но только на несколько секунд. — Хорошо. Конечно, дорогая, я спрошу у него.

Распахивается дверь и раздается голос папы в стиле Коржика (*Примеч. Коржик — персонаж из «Улицы Сезам»*):

— Где моя маленькая принцесса?

Визг Олив заставляет меня смеяться. Она живет этими «воскресными утрами» со всей семьей. Что-то есть в доме, наполненным близкими, что заставляет Олив чувствовать себя на вершине мира, и это является причиной, по которой я продолжаю организовывать эти завтраки каждую неделю, независимо от того, сколько хлопот мне это доставляет. Я не могу дать Олив нормальную семью, но могу дать ей семью, полную любви.

— Конфетка, во что ты одета? — мама спрашивает Олив. *Я знал, что она спросит.*

— Я увидела это в Vogue, — отвечает она. Я закрываю глаза и качаю головой. *Алекс имеет такое поразительное влияние на нее...*

— Очень забавно, — говорит мама. — Хантер, дорогой, — голос мамы становится громче, по мере ее приближения к кухне. Подойдя ближе, она обнимает меня за плечи и, становясь на носочки, притягивает меня к себе, чтобы поцеловать в щеку. — Привет, дорогой. Я принесла кое-что на завтрак.

— Привет, мам.

— Хантер, еще я пригласила Шарлотту. Она как раз приехала из магазина, так что я подумала, было бы неплохо расширить круг гостей, но она не хочет навязываться. Ты же не будешь возражать, если она присоединится к нам? — я улыбаюсь только потому, что я уже приглашал Шарлотту несколько дней назад, но она отказалась из-за неловкости. Я официально не представил ее остальной части моей семьи, но благодаря ЭйДжею мама знает все о ней.

— Было бы хорошо, — говорю я ей.

— Вы двое, — она прочищает горло. Я смотрю на нее, чувствуя, как жар приливает к щекам. Мама и я никогда не говорили об отношениях или вопросах относительно женщин. Элли выросла в нашей жизни, и все встало на свои места в нужное время, поэтому в таком «разговоре» никогда не было необходимости. Глядя теперь на ее приподнятые брови, я хочу попросить не спрашивать меня ни о чем.

Вместо этого я говорю:

— А что мы?

Она хлопает рукой по моей спине:

— О, Хантер, ты знаешь, что я имею в виду.

— Мы друзья, — я напоминаю ей это в пятнадцатый раз за прошедший месяц. Мы друзья — друзья, которые смотрят друг на друга совсем не по-дружески. Друзья, которые обнимаются гораздо чаще, чем друзья должны обниматься, когда прощаются поздно ночью после вечернего просмотра телевизора, лежа на диване. Друзья, которые не осмеливаются сделать шаг вперед, так как боятся потерять единственного друга. Я запал на своего друга... и не знаю, что мне с этим делать.

— Хантер, я знаю, что ты думаешь по поводу того, что я сую свой нос в твою личную жизнь. И я действительно пыталась воздержаться от этого изо всех сил за последние пару лет, — это верно, вместо этого она подсела на уши ЭйДжею, зная, что он не сможет держать эти гребаные идеи при себе. Она даже пыталась добраться и до Олив. Они оба сдали маму, но она не знает об этом. — Я просто думаю, что эта женщина хорошая, и к тому же у нее есть маленькая девочка, почти как Олив.

— Ты никогда не встречалась с ней, — напоминаю я маме.

— Но я бы с удовольствием.

— Тогда иди и пригласи ее, — смеюсь я. — Это определенно осчастливит Оливию.

— Ты меня звал? — спрашивает Олив, появляясь на кухне с четырьмя хвостиками по центру головы ото лба до затылка, формируя идеальный ирокез.

— Серьезно, Алекса? — кричу я.

— Всегда пожалуйста! — кричит в ответ она. Мама закатывает глаза, думая об Алексе то же самое, что и я.

— Я скоро вернусь. Пойду, передам твое приглашение Шарлотте, — говорит мама.

Как правило, я был бы обеспокоен тем, чтобы отправить маму через улицу, дабы поговорить с кем-либо из моих друзей, но я предупредил Шарлотту о ней. Надеюсь, не будет никаких сюрпризов.

Я заканчиваю готовить вафли и беру бумажные тарелки и салфетки, когда слышу смех мамы и Шарлотты, входящих в дом.

— Лана, я слышала, что вы с Олив лучшие друзья. Правда? — спрашивает мама.

— Самые-самые лучшие друзья во всем мире, — говорит Лана.

— Ну, она заняла тебе место за столом в столовой. Почему бы тебе не пойти к ней, пока я поболтаю с твоей мамой? — не услышав ответа Ланы, я вижу, как она летит через гостиную, а затем слышу визг Олив. Невероятно, сколько шума могут создать две маленькие девочки.

Одну за другой я заносу наполненные тарелки в столовую. Шарлотта быстро находит меня на кухне, чтобы помочь с тарелками.

— Я рад, что ты пришла, — говорю я ей.

— Как я могла сказать «нет» твоей маме? — говорит она тихо с кривой ухмылкой.

— Не знаю. Я полагал, что так же, как сказала «нет» мне, — игриво толкаю ее в плечо, когда она проносится мимо меня с кувшином апельсинового сока и двумя кружками кофе.

Я мою сковороду, когда возвращается Шарлотта. Она обнимает меня со спины и прижимается щекой к моему плечу. Это чувствуется так хорошо.

— Твоя семья — это действительно здорово. Мои родители всегда путешествуют, поэтому я не чувствовала такого гостеприимства уже очень давно, — говорит она.

Все, что я узнал о Шарлотте за несколько прошедших месяцев, было процессом медленного разрушения барьера, который она очень старалась удержать на месте. Несмотря на то, что Шарлотта обычно болтает без фильтра, ее прошлое — совсем другая история, та, которая, кажется, похоронена в месте, о котором знает только она. Думаю, что в этом мы с ней похожи.

— Надеюсь, я не помешала, — говорит мама, входя с пустым кувшином из-под апельсинового сока. Выражение лица у нее почти зловещее, как будто она планирует мое будущее с Шарлоттой прямо в эту самую секунду. Я уверен, что у нее на уме только хорошее, но не знаю, как донести до нее, что будущее — это вряд ли определение того, что происходит сегодня, и я отказываюсь рассматривать или даже думать об этом. Если я не буду думать о завтрашнем дне, то не окажусь в конечном итоге с разбитым сердцем в другом пустом мире, который будет полон только «вчера».

— Неа, мы уже выходили, чтобы присоединиться к вам, — говорю я ей, отстраняясь от Шарлотты и забирая кувшин из рук мамы. — Идите, я наполню кувшин и приду к вам.

Мама любезно приобнимает Шарлотту за плечо и уводит ее обратно в столовую.

Когда я слышу оживленную болтовню, момент удовлетворения наполняет меня изнутри, неся с собой чувство чего-то правильного, незнакомого и чего-то такого, что, я думаю, мне отчасти нравится. Тепло разливается у меня в груди, и я взволнован от того, что все это

ощущаю. С той секунды, как Шарлотта сегодня вошла в дом, я не думал об Элли или о том факте, что воскресный утренний бранч был традицией для нашей семьи в течение многих лет, пока не пришла она.

Обеды с родителями Элли теперь стали принудительными, они планируют их так, чтобы увидеть Олив один раз в месяц. Эти люди смотрят на меня, как на убийцу их дочери — ведь это я посадил то разрушительное семя в ее матку, которое забрало все, что они любили. Иногда они смотрят на Олив точно также, и я очень хочу наглубить и заставить их чувствовать себя хоть на секунду так же, как они заставляют чувствовать меня. Хотя, как бы я не ненавидел жить с мыслью о потере моей жены, наверняка я не знаю, каково это — потерять дочь. И я не буду судить их за это поведение по отношению ко мне, но не понимаю, как они могут так относиться к Олив, их внучке и единственной частичке, которую оставила после себя Элли.

— Хантер, — зовет меня мама. — Еда остывает.

Я кладу тряпку и вытираю руки о штаны. То, что я вижу в столовой, можно назвать счастьем. Тем не менее, я быстро сталкиваюсь с реальностью — я слишком закрытый, чтобы воплотить мечты в жизнь. По мере того, как все лица поочередно поворачиваются в мою сторону, улыбки исчезают, и мое сердце немного сжимается. Я заставляю всех вокруг себя чувствовать то, что чувствую я — мое страдание, мое отвращение к себе и жалость. В полной тишине с невозмутимым лицом я занимаю свое место между Шарлоттой и Олив.

— Я сказал что-то не то? — спрашиваю я, отлично зная, что вообще ничего не говорил. — Вы все улыбались в тот момент, когда я входил.

Мне нужно услышать правду. Я настолько плох? Шарлотта тоже это чувствует? Или Олив?

— Ты не самый счастливый человек, — первой заявляет Алекса. — Иногда трудно быть счастливым возле тебя, я думаю, все мы чувствуем себя виноватыми потому, что ты не можешь быть счастлив рядом с нами.

Мама и папа кивают головами в знак согласия, вероятно, они благодарны Алексе за ее смелость сказать это... то, что они тоже чувствовали, но не решались сказать вслух. Олив, прикрывая рот ладошкой, давится от смеха, к счастью, это доказывает то, что она не понимает, о чем говорит Алекса. И Шарлотта, она смотрит на меня так, как я не хотел бы, чтобы она смотрела. Как будто она только что пришла к выводу, что я что-то пытаюсь скрыть от нее.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь избавиться от боли в груди, но странно, воздух только мешает, мне кажется я сейчас задохнусь. Я могу уйти прямо сейчас или закатить сцену, могу игнорировать все, что сказала Алекса или могу сказать ей правду. Приняв решение, которое удивляет даже меня, я заявляю:

— Ты права.

Она права.

— Я прошу прощения за то, как заставил вас чувствовать себя в течение последних пяти лет.

Сколько раз мне нужно сказать это им прежде, чем это потеряет свой смысл?

В группах поддержки, что я посещал, я видел людей, которые исцелялись быстрее, чем другие. Некоторые вдовы начали ходить на свидания всего через несколько месяцев после смерти своих супругов, в то время как другие даже мысли не допускали в своей голове о том, чтобы найти нового партнера. Я был в составе последней группы в течение длительного

времени, но для меня туман уже достаточно рассеялся, чтобы я мог видеть немного дальше вперед. И я вижу длинный жизненный путь и не уверен, что хочу остаться в одиночестве, в состоянии постоянного страдания. Опять же, я не уверен, что когда-либо принимал решение быть несчастным. Я просто не был в состоянии выяснить, как им не быть. Иногда я чувствую, что стучу по оконному стеклу, пытаюсь привлечь внимание всех, кого люблю, но они не слышат меня. Я знаю, что у нас часто заходит этот разговор, и я действительно желаю, чтобы они не поднимали его сегодня здесь, при Шарлотте.

— Ты знаешь, сколько раз ты говорил это? — спрашивает папа. — Количество раз, принесенных тобой извинений, делает их все менее значащими, сын.

Это. Я не хотел, чтобы Шарлотта стала частью этого, и, судя по ней, она думает точно также.

— Моя лучшая подруга потеряла мужа, — предлагает Шарлотта ветвь мира. — Верьте или нет, но Хантер делает гораздо большие успехи, чем она сделала за пять лет после его смерти.

— О, дорогая, мне так жаль, — протягивает мама. — Я не могу себе представить, что, должно быть, она пережила, бедняжка.

Да, ты можешь! Эй? Вы все прекрасно видите, как через это прохожу я.

— Вы можете, миссис Коул, — Шарлотта протяжно выдыхает, пока раскладывает салфетку на коленях. — Это очень похоже на то, что испытал Хантер. Тем не менее, у моей подруги нет детей, что облегчило бы ее выбор в жизни — падать все ниже и ниже, включая наркотики, алкоголь и другие вещи, которые не подходят для обсуждения за этим столом, — Шарлотта обхватывает ладонью чашку с кофе, сжимая ее так, как будто хочет избавиться от внутреннего напряжения. — Я знаю, что встретила Хантера относительно недавно, но думаю, что он большой молодец в этом плане.

Я чувствую себя странно, так как обо мне говорят так, будто меня здесь нет, но в то же время я польщен, что Шарлотта так отстаивает меня в кругу моей семьи. Для того, что она только что сделала, требуется огромная смелость.

Мама немного опешила. Ее глаза широко распахиваются, а брови приподнимаются примерно на сантиметр выше. Однако папа умело скрывает маленькую кривую усмешку на плотно сжатых губах. Ему нравится уверенность Шарлотты. Он говорил мне много раз в течение жизни, что считает уверенных в себе женщин красивыми и сексуальными.

Мы все молчим, ожидая, пока кто-нибудь что-то скажет, но я не уверен, что слова необходимы.

— Ладно, — я, наконец, прерываю молчание. — Да, я был несчастным человеком, к несчастью для всех вокруг. Я понимаю, что в моей жизни ничего не менялось последние пять лет, и, возможно, я должен был победить свою боль еще четыре года назад, но *она* была частью моей жизни в течение двадцати лет. Время еще не исцелило меня, так что я должен делать? Вы хотите, чтобы я притворялся, что у меня все хорошо? — я выдавливаю дурацкую ухмылку. — Ну как вам? Так больше нравится?

— Хантер, — огорченно говорит мама.

— А еще лучше, — продолжаю я, — мне, наверно, следовало уйти за ней. Может быть, я должен был сделать то, о чем много раз думал с того момента, как она умерла.

Шарлотта скользит рукой по моим коленям, пока ее пальцы не касаются моих. Она крепко сжимает их, молча прося меня успокоиться.

— Ты прав, — говорит мама. — Шарлотта, ты тоже права. Мы все так старались помочь

тебе стать снова счастливым, что просто не понимали, через какие трудности ты прошел и что преодолел. Я думаю, скажу за всех, что у нас может быть немного больше понимания на протяжении того времени, которое тебе потребуется, чтобы найти что-то, что заставит тебя улыбаться так, как ты улыбался когда-то.

Я вижу их раз в неделю, и Шарлотта, как правило, тоже не всегда здесь, так что они не видят, что я улыбаюсь как раньше. И это не потому, что я влюблен в женщину, которая сидит рядом со мной, это потому, что кто-то имел достаточно терпения, чтобы выслушать и по-настоящему понять, что я пережил, что до сих пор переживаю то горе и печаль, с которыми я живу. Никто, кроме нее, не предложил мне это терпение, и все же, несмотря на мой эмоциональный багаж, она довольствуется моей компанией так же, как и я ее присутствием.

— Я улыбаюсь, — поправляю я маму. Я смотрю на Шарлотту, а затем беру ее за руку и поднимаю ее вверх над столом для всех, наблюдая ее удивленный взгляд. — Эта женщина заставляет меня улыбаться, и нет, мы не «любовная история», так как я знаю, что ты любишь вешать ярлыки, но она мой лучший друг... даже больше, я думаю.

Более чем друг, я полагаю. Что я имею в виду под этим? Более — это то, чего я постоянно тщательно избегаю? Более — значит, что я, наконец, пересек эту линию, благодаря чему воспоминания об Элли медленно исчезнут? В удивленном взгляде Шарлотты мерцает восторг, я вижу блеск в ее глазах.

— Я знал это! — кричит ЭйДжей через стол. — А ты счастливчик. Такой куш сорвал... уж поверь мне.

Что ж, это был легкий способ, чтобы отвлечь внимание от меня. Мама таращится на ЭйДжея, а Алекса отвечает ему пощечину.

— ЭйДжей, — ругается мама.

— Эй! Я имел в виду, что ему очень повезло.

Объяснение ЭйДжея не работает так, как он, вероятно, рассчитывал. И я начинаю задаваться вопросом, почему он так побледнел и почему он выглядит так, будто его сейчас стошнит.

— Может, мне следует сказать, что я знала это, — говорит Алекса, вставая из-за стола, извиняясь. — *Шарлотта*. Я должна была знать.

— Я пропустил что-то? — спрашиваю я.

Алекса уже стоит одной ногой за дверью, когда говорит:

— О, ты не знаешь, не так ли?

Рука Шарлотты выскальзывает из моей руки, и я сразу же делаю вывод, что ничего хорошего мне это не предвещает.

— Девочки, вы все съели? — спрашивает мама Лану и Олив.

— Да, — отвечает Олив, выглядя немного растеряно.

— Почему бы вам двоим не пойти поиграть на втором этаже? Я загляну к вам через несколько минут.

Обе девочки спрыгивают со своих мест и несутся вверх по лестнице, оставляя это место еще более неловким.

— Кто-нибудь собирается рассказать мне, что здесь происходит или как?.. — я не знаю, как закончить этот вопрос, и слова, идущие из моих уст, звучат глухо, словно кто-то просто ударил меня в живот.

— Можем ли мы поговорить минутку? — спрашивает Шарлотта, вставая со своего места. Я слышу, как она говорит, и чувствую, что она смотрит на меня, но я смотрю на лицо

ЭйДжея, которое говорит мне, что есть что-то, что мне не понравится.

— Я еще не пробовал свой завтрак, который готовил все утро. Я думаю, что наш разговор может подождать.

Все это время я пялюсь на ЭйДжея, наблюдая, как розовый оттенок на его щеках продолжает очень медленно сползать, становясь бледнее, напоминая призрака.

Я запикиваю кусок за куском в рот, пока в голове крутятся мысли. Может быть, все не так плохо, как я предполагаю? Но сейчас я думаю о том, что губы ЭйДжея касались тех губ, которых я не мог коснуться по той причине, что считал это неправильным. Я думаю, что ЭйДжей уже увидел, что находится под одеждой этой красивой женщины, сидящей рядом со мной. Я думаю, что он знает, настоящая ли у нее грудь или силиконовая... вопрос, который я задаю себе каждый раз, когда она идет ко мне. Независимо от того, что он сделал, я не знаю, был ли он с ней в последнее время или еще до того, как я встретил Шарлотту, и это — единственный вопрос, ответ на который я хочу получить сейчас. Это может привести к конфликту с одной из десяти заповедей уважения к ближнему.

Шарлотта не выходит из комнаты, она сидит, сложив руки на коленях, но я чувствую ее взгляд, впившийся мне в макушку головы. Мама уткнулась лицом в ладони... у нее, наконец, закончились слова, а папа сидит на краю своего стула, ожидая продолжения шоу. Что знает Алекса? Как же она поняла так много из такого короткого замечания? ЭйДжей не попросил ее остановиться и вернуться, не спросил ее, о чем она говорит и в чем обвиняет его.

Проходит несколько минут и все мы находимся все еще в том же положении, в котором были, когда вылетела Алекса. Мама, наконец, делает первый шаг и встает со своего стула, очищая тарелки, до которых может дотянуться.

— Гарольд, помоги мне на кухне, — говорит она папе.

Папа следует за ней, собирая несколько тарелок на своем пути. В комнате остаемся только ЭйДжей, Шарлотта и я.

— Прости, — говорит ЭйДжей.

«Прости» — это все, что мне нужно было услышать. Одно ничтожное слово иногда обладает такой проклятой мощностью. Прости за твою потерю. Прости, что твоя жизнь отстой. Прости, что живешь, как зомби. Прости за то, что я спал с единственной женщиной, которая, казалось, поняла тебя впервые с того дня, как умерла Элли. К черту все извинения. К черту всех.

Я не даю ему шанса объяснить, потому что насколько хочу знать каждую деталь о том, как он изменил Алексе с Шарлоттой, настолько не желаю слышать об этом ни слова. Откуда он вообще знает ее? Гребаная работа в Олсенсе, в доме ее родителей — вот, должно быть, откуда. Скорее всего, Шарлотта была там утром в один из тех дней, когда не было меня. Подонок. Почему Шарлотта не сказала мне? Их глупая встреча на автобусной остановке в тот первый день — это был всего лишь маскарад. Черт возьми, почему никто из них ничего не сказал мне?

Я выхожу через переднюю дверь, прежде чем у кого-то появится шанс остановить меня. Я знаю, что с мамой и папой Олив находится в надежных руках, поэтому ухожу. Я бегу прочь, как и всегда, потому что, на самом деле, у меня нет другого выхода. Сегодня утром за завтраком я пытался заниматься приукрашиванием действительности, и что в конечном итоге — она плюнула мне в лицо. Если я буду бежать, может быть, жизнь споткнется о свои собственные ноги и прекратит тащить меня глубже в темноту, смыкающуюся надо мной с каждым днем все больше и больше, заставляя выживать в этом аду.

К тому времени, когда я срываюсь с места, Шарлотта одной ногой стоит уже в дверях, а отец с Олив на руках наблюдает за мной из окна. Иисус. Он не может просто отвлечь ее на несколько минут?

Я должен выбросить это все из головы. Я должен дышать. Мне нужно отдышаться далеко от них — подальше от всех. Не имея определенного направления, я прихожу в себя в том месте, где в конечном итоге интуитивно всегда оказываюсь, когда убегаю.

Глушу двигатель в садах и распахиваю дверь ударом ноги, как будто сейчас задохнусь. Я задыхаюсь. Ничего не видя вокруг, я бегу вниз по ступенькам, замедляя темп по мере того, как приближаюсь к дереву.

— Скажи мне, что я не должен думать о других женщинах, Элли, — сердце стоит в горле, когда я пытаюсь выдохнуть часть воздуха, который застрял в как будто бы пробитых ребрами легких. — Если бы у тебя перед смертью была возможность что-то сказать мне, ты

бы сказала мне двигаться дальше или хотела, чтобы я проживал свою жизнь, ожидая, пока не наступит моя очередь присоединиться к тебе там? Мне нужно знать. Я должен знать, что то, что я делаю, не неправильно, Элл. Мне нужно твое благословение на то, что мне делать с остальной частью моей жизни.

— Вы ведь знаете, что говорите с деревом, правда?

Мягкий голос вытягивает меня из темноты моих сокровенных мыслей. Я поворачиваюсь к ней лицом, не узнав эту женщину с первого взгляда. Спустя мгновение вспоминаю ее — женщина, которая собирала последние цветы жасмина до заморозков.

— Э-э, — я не нахожу слов, чтобы заполнить неловкость между нами. Я на самом деле разговаривал с деревом, произнося личные слова, не предназначенные для того, чтобы их кто-либо слышал, кроме Элли. Я смотрю мимо нее через пруд, убеждаясь, что никаких следов цветения не осталось, чтобы я мог объяснить ее присутствие здесь. — Там больше нет никаких цветов.

Что тут еще сказать совершенно незнакомому человеку, который узнал всего меня меньше минуты назад?

Она смотрит через плечо туда, куда я смотрел.

— Нет, цветов больше нет, — подтверждает она.

— Да, — это уже становится неловко для нас обоих. — Ну, мне просто нужно было выговориться. Семейная драма, знаете?

Она мягко улыбается, демонстрируя совершенную сверкающую белозубую улыбку. Все ее зубы идеально ровные, а кончик носа идеально параллелен двум передним резцам. Глаза, мало того, что невероятно симметричны, так еще и неправдоподобно огромные в отличие других черт лица, как у персонажа аниме — нефритовые зеленые диски, плавающие в море белоснежного цвета. Смахивая прядь волнистых волос, она разрывает наш зрительный контакт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я знаю много о семейной драме. Поверьте мне.

— У кого их нет, — я пробегаю пальцами по лицу, пытаюсь вдохнуть как можно больше в надежде растянуть ноющие мышцы грудной клетки.

— Расскажите мне о ней, — говорит она, указывая на корень дерева. — О вашей жене.

Я совсем забыл, что вывалил ей эту информацию в прошлый раз, когда мы встретились. Должно быть, я потерял управление своим языком секунд на шестьдесят. Скорее всего, тот разговор был дольше, чем этот.

Я направляюсь в сторону скамейки, расположенной вдоль каменной стены. Садясь, с интересом наблюдаю, последует ли она за мной. Она не двигается с места, но смотрит между деревом и мной, как будто обдумывает свое решение.

— Я не кусаюсь.

В нерешительности она подходит и присаживается рядом со мной.

— Я Ари, — говорит она. — Ариэлла.

— Хантер, — представляюсь я, протягивая ей руку, чтобы сделать нашу неловкую встречу более официальной.

— Ну и? — напоминает она мне, наклонившись вперед и опираясь локтями на колени.

— Мы были друзьями с пяти лет и с того времени никогда не покидали друг друга. Мы были неразлучны до того дня, когда она родила нашу маленькую девочку. Это практически подводит итог всей этой истории.

Мой рассказ о смерти Элли становится с каждым разом все короче и короче, когда я делюсь им с кем-то. Эти будто запрограммированные слова просто слетают с моего языка. Автоматический ответ облегчает рассказ, спасая меня от копания в моем распадающемся мозгу, который пытается восстановить по осколкам и кускам «почему, что, когда, где» Элли.

Ари не моргает и не откликается, пока слушает мой рассказ. Ее взгляд неподвижно застыл на небольшом участке травы перед нами.

— Ты знаешь это стихотворение Роберта Фроста? «Другая дорога»? — спрашивает она, наконец, посмотрев на меня. Выражение ее глаз причиняет боль моим внутренностям, но не в плохом смысле. Это та боль, которая говорит мне, что мои нервы все еще живы, нормально функционируют, когда я вижу привлекательную женщину; хотя ей не подходит определение привлекательной, она более неземная, как во сне. Ее кожа гладкая и безупречная, и я полагаю, чувствовалась бы, как атлас или шелк, если бы я прикоснулся к ней. Я пялюсь на нее, но мне нужно отвернуться. Ради Бога, я сижу перед могилой моей жены. Насколько еще более неуважительным я могу быть?

На этой последней мысли я разрываю наш зрительный контакт, переводя взгляд на тот же участок травы, который до этого буравила глазами Ари.

— Да, я знаю это стихотворение, — говорю я. Мой голос выходит более громким и отрывистым, чем я рассчитывал.

— Ну, он говорит, что есть два пути на выбор, и он выбрал наименее проторенный. Это действительно прекрасная мысль... — она замолкает.

— Да, это так. Это действительно прекрасное стихотворение.

Я не могу вспомнить ни слова. Восьмой класс по английскому был довольно давно, и я вдруг вспоминаю, как спрашивал себя, понадобится ли мне когда-нибудь поэзия в жизни. Я нашел ответ на свой вопрос — я не выглядел бы полным лузером, когда женщина спросила бы меня о стихотворении.

— Это полный бред, — говорит она, шокируя меня, черт побери. Мое внимание снова возвращается к ее лицу, забывая, что Элли может или не может подумать обо мне прямо сейчас.

— О, да? — заинтриговано спрашиваю я.

— Ни у кого нет выбора в жизни. Никто не может выбирать, по какому пути они последуют. Каждую секунду, каждую минуту, каждый час, день, месяц и год, которую мы живем, был предопределен для нас в тот момент, когда мы родились, — сила ее голоса увеличивается с каждым словом, как будто она злится на самого Роберта Фроста. — Я имею в виду, как может человек сказать: «все, что предназначено мне, все сбудется» и видит в этом правду, прислушиваясь к Роберту Фросту, который говорит, что у нас есть выбор в жизни. Ни у кого нет выбора. Все, что происходит, должно было произойти, и мы просто пассажиры на этом поезде. Правильно?

Святой ад, эта женщина восхищает. Должно быть, она действительно наказана судьбой. Это наверно самый умный разговор, который я когда-либо вел.

— А кто сказал, что «все, что предназначено, все сбудется» должно сбыться в любом случае? — спрашиваю я.

— Они, такие люди, разные «они», ну, ты знаешь, те, кто придумывает эти высказывания, — говорит она.

Появившаяся улыбка на ее лице сопровождается легким смешком. Чем дольше я смотрю на нее, тем более расслаблено себя чувствую. Я не уверен почему, принимая во внимание то,

что я ненавижу находиться среди людей, но что-то есть в ней, что отгоняет отвращение прочь, вроде того, что Шарлотта сделала для меня за последние несколько месяцев. За исключением того, что ее трахал ЭйДжей.

— Ты, должно быть, самый умный человек, которого я когда-либо встречал, — говорю я ей в качестве комплимента вместо ответа на ее критику Роберта Фроста. По правде говоря, ничто, что выходит из моего рта, не может поддержать хотя бы малую искру для совместного интеллектуального разговора.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я не только для того, чтобы избежать обсуждения поэзии, но и потому, что действительно хочу узнать, почему флорист находится там, где нет больше цветов. Я никогда не видел, чтобы кто-то посещал эти опавшие сады в конце осени, кроме пожилых людей, отсчитывающих свои шаги, которые они должны пройти за день.

— Я... — запинаясь она в ответ. — Мне просто здесь нравится. Я ощущаю связь с этим местом, по какой-то причине, которую не могу объяснить. Оно просто наполняет меня цельностью, когда я чувствую себя немного разбитой, понимаешь? Так что я прихожу сюда почти каждый день.

Почему я встречал ее только дважды?

— А почему ты разбита? — продолжаю я.

— Я буквально сломана изнутри. Поверь мне, это не то, на что я хочу потратить твоё время для объяснений.

— Вот он! — я слышу крик Оливии с вершины холма. Оборачиваясь, вижу отца, держащего ее на руках, который смотрит на меня сверху с сочувствием в глазах. Как всегда сочувствие. — Я же говорила тебе, что мы найдем его здесь.

Пока Олив читает нотации отцу, он шаг за шагом спускается по каменной лестнице. Я хочу сказать ему, чтобы он возвращался назад и позволил мне побыть всего несколько минут здесь, но он бы не послушал.

— Папа, я буду... э-э... я встречу вас в машине через минуту, — говорю ему, надеясь, что он остановится на полпути.

— Кто она? — спрашивает Олив певучим голосом. — Она красивая, как принцесса Диснея. Ты выглядишь, как... — Олив делает паузу на мгновение, постукивая мизинчиком по подбородку. — О, я знаю! Ты выглядишь, как Рапунцель, но с каштановыми волосами.

Да, Олив права. Именно так она выглядит.

Ари хихикает в ответ и встает со скамейки, направляясь к папе и Олив.

— Ну, я не Рапунцель, но спасибо за эти слова. Ты так очаровательна, — говорит Ари.

Улыбка расцветает на губах Олив, простираясь от уха до уха.

— Спасибо, — говорит она в приступе негромкого смеха.

— Мисс, вы не против, если я скажу, что вы кажетесь мне знакомой, ума приложить не могу, откуда, но я вас знаю. Вы и Хант друзья? Может быть, вы вместе ходили в школу? — спрашивает отец.

Ари отшатывается на пару шагов назад, нервно перебирая волосы.

— Мм... нет, она... мы просто видим друг друга здесь иногда — общие интересы, знаешь? — вмешиваюсь я.

Отец смотрит на меня, глядя около минуты на нас по очереди взглядом, который я не могу расшифровать.

— А, ну тогда, может быть, я обознался, — говорит он.

Щеки Ари уже становятся темно-розового оттенка, когда она, заикаясь, пытается

сказать:

— Да, я... эм... я... я... это происходит все время, — говорит она. Так не происходит все время. Она настолько восхитительна, честно, как никто, кого я когда-либо видел или знал. Многое из этого связано с ее глазами, хотя, не только то, как они выглядят, но и то, как она смотрит, как изучает все с изумлением. По крайней мере, это то, что я заметил в те тридцать минут, что мы знаем друг друга.

— Вы знаете, я действительно думаю, что я вас откуда-то знаю, — снова повторяет отец.

Ари оборачивается, поднимая свою сумочку из-под скамейки.

— Я не думаю, что это возможно, — говорит она, выглядя так, будто собирается сбежать... снова. — Я только недавно переехала сюда из Сан-Диего, несколько месяцев назад.

Сан-Диего? Кто бы мог покинуть Сан-Диего, чтобы проделать весь путь через Соединенные Штаты в Коннектикут... ради работы в цветочном магазине?

— Ари, как называется твой цветочный магазин? — спрашиваю я, касаясь ее руки прежде, чем она окажется вне досягаемости.

Она слегка качает головой и выскальзывает из моего легкого захвата.

— Папа, Шарлотта ужааааааасно расстроилась из-за того, что ты бросил ее, — Олив говорит достаточно громко для того, чтобы Ари повернулась посмотреть на меня еще раз. — Она сказала, что все это большое недоразумение. И большая-большая-большая-пребольшая ошибка.

— Олив, тссс, — говорит ей папа. Теперь ее нижняя губка опустилась, и Олив демонстративно надулась. — О, хватит дуть губы. Мне нужно поговорить с твоим отцом минутку. — Прости, — начинает папа. — Я не хотел спугнуть твою подругу.

— Она не моя подруга, — отвечаю я холодно. Но мне бы хотелось, чтобы она была моей подругой. О чем я думаю? Что несу? Я не встречался ни с кем после Элли, потому что считал это неправильным. Теперь сижу здесь запутанный с натянутыми нервами из-за всего дерьма, которое связано напрямую с Шарлоттой. Я чувствую на самом деле боль из-за того, что она сделала с ЭйДжеем, а теперь это... совершенно незнакомая женщина завладела всем моим вниманием менее чем за тридцать минут. Это не я.

— Что происходит с тобой, Хант? — спрашивает папа. Поставив Олив на ноги, он поворачивается к ней, говоря: — Иди, найди мне десять маленьких камушков у той скамейки. Десять.

Папа распрямляет каждый палец, чтобы Олив могла посчитать.

— Я знаю, сколько это десять, старенький дедушка, — Олив перескакивает через скамейку и начинает поиски, отсчитывая каждый камень медленно, по одному за раз.

— Хантер, — начинает он снова. — Поговори со мной, сынок.

— Я не знаю, папа.

Я не знаю. Я не знаю, что думать или чувствовать. Я не знаю, что правильно, а что нет.

— Ты боишься, что тебе снова причинят боль, — говорит папа. Его обличие отчасти верно, но я больше озабочен тем, что подумала бы Элли, если бы могла видеть все, что я делаю.

Были в нашей совместной жизни моменты, когда в ее глазах появлялся этот обеспокоенный взгляд, взгляд полный миллиона мыслей. Мне иногда требовался целый

день, чтобы добраться до сути. Она не хотела говорить вслух о своих заботах, вместо этого она предпочитала записывать их. Много раз я задавался вопросом, если бы я сделал что-то, что ее расстроило бы, или если бы я просто полностью все испортил или что-то забыл, и мне пришлось бы вытягивать это из нее, был ли у меня шанс выяснить, что все-таки я сделал неправильно. Это было единственным в ней, что действительно иногда сводило меня с ума. Я посредник. Мне нравится исправлять проблемы, особенно те, причиной возникновения которых являюсь я. Единственное, что я, кажется, не могу, так это исправить самого себя.

— И да, и нет, — говорю я ему. — Как ты думаешь, она видит меня сейчас? Думаешь, она знает, как я живу, какие решения принимаю, какие чувства бурлят внутри меня? Думаешь, она может чувствовать все это?

— Ты знаешь, я не верю в подобные вещи, — говорит папа, опираясь на дерево. — Я считаю, что когда человек уходит, он переходит на следующий уровень своего существования, и я не думаю, что он находится здесь, на земле. Она ушла, сын, и это нормально — двигаться дальше. Нет ничего плохого в том, чтобы быть счастливым, — папа наклоняется, чтобы поднять покрытую грязью монетку. Подняв ее вверх, чтобы рассмотреть под косыми лучами солнца, пробивающимися сквозь крону деревьев, он говорит: — О, ты согласишься на это? — его внимание быстро переключается на пенни, которое он поднес ближе и крутит из стороны в сторону. — Да это не просто счастливая монета, это дважды удачливый пенни 1955 года, прошлый век. Эта вещь стоит денег.

Папа еще тот нумизмат. Нет, это не просто увлечение, это одержимость. Я провел большую часть своей юности с металлоискателем в руках, прочесывая пляжи в поисках монет. Мир мог остановиться вокруг нас, но если он видел медь, ничто не имело значения.

— Папа, — зову я, пытаюсь вернуть к себе его внимание.

Он засовывает пенни в передний карман и фокусирует свой взгляд снова на мне.

— Прости. Что я говорил? — на секунду он задумывается. — О, вспомнил. Если, не дай Бог, ты был бы первый, кому суждено было умереть, но у тебя была бы возможность сказать Элли одну последнюю вещь, кроме «Я тебя люблю», что бы это было? — *я хотел бы, чтобы она была счастливой и жила полной жизнью, которой мы бы оба гордились.* — Ты хотел бы, чтобы она была счастлива, не так ли?

Осознание этого обескураживает меня. Я обещал ей, что буду жить за нас обоих. Я нарушил это обещание каждым из возможных способов. Я заботился об Олив, я старался быть хорошим отцом, но когда эта маленькая девочка не смотрит на меня, я чувствую жалость к себе и знаю, что именно так и выгляжу со стороны.

— Да, я хотел бы, чтобы она была счастлива, — просто отвечаю я.

— Именно этого хотела бы она для тебя тоже. Я уверен в этом, она хотела, чтобы ты был счастлив, — говорит папа.

— Ты уверен? Ну, насчет того, что ты сказал?

— Помнишь ту автомобильную аварию, в которую вы попали? — спрашивает отец.

— Я нашла десять штук, дедуля! Десять! — кричит Олив и бежит к нам с двумя горстями камней.

— Хорошо, теперь найди десять маленьких палочек зеленых в середине, — Олив смотрит на него сначала озадаченно, но потом бежит к зеленой лужайке, падая на руки и колени.

— Да, я помню эту аварию.

Еще бы. Мы оба чуть не погибли в тот день. Какой-то пьяный мудака на фуре задел нас

на шоссе, столкнув нашу машину в кювет. Мне сказали, что наша машина перевернулась четыре раза, пока не врезалась в дерево. Нас обоих с места аварии вертолетом доставили в центральный госпиталь Массачусетса.

— Она пришла в себя раньше тебя, ты же знаешь это? — продолжает отец

— Да, я знаю, — отвечаю я. Может, это и было двенадцать лет назад, но я помню все, словно это было вчера.

— Я помню, как сидел с ней, когда она пришла в себя. Ее родители были в Скоттсдейле или где-то еще, я не знаю. Во всяком случае, твоя мать была с тобой, а я сидел с Элли, чтобы она не была одна, — папа тяжело вздыхает и еще плотнее опирается на дерево. — Одна из медсестер пришла, чтобы сообщить нам, что ты тоже очнулся, и что все будет в порядке, — он наклоняется и кладет руку на плечо, сжимая его, когда на секунду замолкает, уходя мыслями в то время. — Я плакал, как чертов ребенок, сын. Ты знаешь это? — он смущенно улыбается. — Во всяком случае, через несколько минут пришел доктор, чтобы сказать Элли, что одно из ребер немного прокололо легкое, и ее срочно нужно прооперировать. Она была так напугана, когда они увозили ее, — папа ненадолго закрывает глаза, тихо посмеиваясь. — Они сказали ей, что все пройдет отлично, но она не хотела верить им, и прямо перед тем, как ее уже собирались увезти в операционную, она схватила меня за руку, посмотрела мне в глаза и сказала: «Если что-нибудь случится со мной, я хочу, чтобы вы сказали Хантеру, что он должен жить счастливой жизнью. Скажите ему, чтобы он не беспокоился обо мне. Скажите ему, что я хочу, чтобы он жил своей жизнью без сожалений и всегда улыбался той улыбкой, которую я так люблю». Естественно, я сказал ей не беспокоиться ни о чем, но ее слова меня сильно поразили... — прежде чем продолжить, отец пару раз коротко вздыхает. — Во всяком случае, ее родители, наконец, приехали в больницу, пока она была в операционной, и попросили меня уйти, поэтому я не был там после окончания операции, чтобы сказать ей: «Я же тебе говорил!». В противном случае, я бы передал тебе.

— Почему ты не сказал мне ничего об этом раньше?

— Потому что она очнулась после операции, она выжила, как и ты, и продолжила жить счастливой жизнью, — он отталкивается от дерева, оглядываясь вокруг, чтобы посмотреть, чем занята Оливия. Она трет палочки друг от друга, ища зеленую сердцевину, и, кажется, уже закопалась в этих веточках. — Честно говоря, я никогда не вспоминал об этом снова, только сейчас, когда ты спросил меня, что она думает о твоей жизни. Я просто вспомнил, как она говорила все это.

— Как ты думаешь, тот несчастный случай повлиял на развитие аневризмы у Элли? — не знаю, почему никогда не задумывался об этом раньше, но я должен был задаться вопросом, возможно ли, что это было причиной?

— Думаю, что это возможно, — говорит папа. — Вы оба получили серьезные травмы головы в аварии. Хотя я не видел результаты КТ Элли. Она получила результаты после того, как пришли ее родители, поэтому я не знаю, что они показали.

— Она сказала бы мне, правда? — конечно, она не могла бы скрыть что-то подобное от меня. Она не могла. Мы рассказывали друг другу все, когда она не злилась на меня, конечно.

— Я думаю да, — говорит папа. — Ты когда-нибудь спрашивал ее родителей об этом?

— Нет, мне никогда не приходило в голову, что последствия той аварии могли выплыть наружу семь лет спустя.

— Может, та авария и не имеет отношения к этому. Я не думаю, что это то, в чем тебе нужно копаться сейчас. Это не вернет ее обратно, — продолжает он.

Нет смысла спорить с ним, и это просто еще один вопрос, который будет мучить меня, пока я не приду к выводу, что ответа на него нет.

— Олив, что ты там так долго копаешься? — зовет ее папа.

— Почти готово! — кричит она.

— Смотри, моя точка зрения здесь заключается в том, что Элли хотела, чтобы ты был счастлив. У тебя есть классная девушка дома. Шарлотта заботится о тебе. Ты не должен принимать поспешные решения и отталкивать ее.

И я вспоминаю причину, по которой оказался снова здесь.

— Папа, она спала с ЭйДжеем.

— Хантер, что я всегда говорил тебе, когда ты был маленьким мальчиком? — я закатываю глаза и откидываю голову назад, сосредоточившись на ветке над нами, ожидая того, что, я уже знаю, он скажет. — Разве ты не знаешь, что слово только предполагает?

— Да, пап. Я знаю, — отвечаю я.

— Тогда не будь ослом, — говорит он, хлопая ладонью по моей спине. — Бери Олив, и давайте вернемся домой, чтобы не пропустить еще и обед.

Папа с Олив шагают вверх по лестнице, оставив меня с Элли наедине еще на одну минуту.

Глядя прямо в центр вырезанного сердца на дереве, я стою, ковыряясь носком ботинка в грязи.

— Элл, это правда, что ты хочешь, чтобы я был счастлив?

Теперь настало время, когда должен подуть ветер или появиться солнце, как и положено, пробившись сквозь ветки и ударив мне в лицо — любой знак, что она может слышать меня. Но этого никогда не произойдет.

И я думаю, это потому, что ее сердце все еще держит ее душу в плену чужого тела.

На обратном пути к дому я еду за машиной отца. Завтрак не должен был стать событием всего дня, но я уже привык, что моя семья никогда не упускает возможность лицезреть очередное шоу, прихватив с собой ведерко с попкорном.

Когда я захожу внутрь дома, сразу замечаю, что в доме все убрано и чисто, как будто этого завтрака и вовсе не было. Шарлотта с Ланой ушли, Алексы нигде не видно, зато есть ЭйДжей — он сидит за чистым обеденным столом, сложив руки вместе.

Я хочу ударить его в челюсть. И сделаю это, если не получу сейчас же четкое объяснение его поступка.

— Я сожалею, — начинает он снова.

— Чувак, мне нахрен не нужны твои извинения. Как насчет того, чтобы рассказать мне, чем, черт возьми, ты думал.

Он смотрит на меня, и я вижу печаль в его потускневшем взгляде.

— Это не то, что ты думаешь.

— Тогда что это? Если ты думаешь, что я буду сидеть здесь и задавать тебе один и тот же вопрос десять раз, то ты очень ошибаешься. Я снова уйду. И быстро избавлюсь от твоего присутствия в моей жизни... не колеблясь ни секунды.

— Иисус, — говорит он, вероятно, шокированный несвойственным мне ответом. Наконец-то, додумавшись озвучить то, чего я жду, он говорит: — Год назад, прямо перед тем, как мы с Алексой поженились, я засомневался... — он откидывается на спинку стула и закидывает руки за голову. — Мы все знаем, что она заноза в заднице, и я не был уверен, что действительно хотел провести остаток своей жизни с ней.

— Так ты изменял ей? — спрашиваю я, пытаюсь изо всех сил казаться равнодушным.

— Позволь мне закончить, — огрызается он. — В общем, не то чтобы я собираюсь перекладывать всю вину на тебя или что-то в этом роде, но иногда мне нужен друг или брат, тот, с кем я могу поговорить. И давай посмотрим правде в глаза — тебе было наплевать на меня в последние несколько лет — по вполне понятным причинам, но все же...

Я полагаю, что заслужил это. Это правда, но, тем не менее, я говорю:

— Не перекладывай вину за свой поступок на меня. Ты взрослый человек, ЭйДжей, и веди себя соответственно. Ты не можешь винить кого-либо за свои собственные ошибки, которые ты сделал и продолжаешь делать.

— Я ни в чем тебя не виню. Я пытаюсь донести до тебя, что переживал трудные

времена... — он снова крутанулся на своем сиденье, поставив локти на стол. — Мне нужно было с кем-нибудь поговорить, так что я зарегистрировался на сайте TheLword.com, — он поднимает руки вверх, я так понимаю, чтобы помешать мне вставить свое слово. — Я знаю, что не должен был залезать на этот сайт, чтобы найти кого-нибудь, с кем бы я мог пообщаться... — это совсем не то, что я предполагал, гадая, где он ее встретил. Какого черта? — Во всяком случае, что-то непонятное произошло с моим аккаунтом, его то ли взломали, то ли хрен знает что, не знаю, я не очень хорошо разбираюсь в компьютерах, ты знаешь это. Так что мне пришлось связаться с менеджером сайта, чтобы выяснить, как решить эту проблему. С моего аккаунта были разосланы электронные письма всем, кто был в моей адресной книге, в том числе и Алексе. Это был полный пиздец.

— И вот тогда это все случилось, — вмешиваюсь я. — Шарлотта связалась с тобой, и ты понял, что она именно та жилетка, в которую ты мог бы поплакаться... — мои щеки горят, на самом деле вся моя кожа, словно в огне. Мне нужен был кто-то, с кем бы я мог поговорить все эти годы, но я не полез на чертов сайт знакомств, и уж тем более будучи помолвленным. Но это Эйджей — он никогда прежде не задумывался о столь важных вещах.

— Ну, вроде того. Мы просто разговорились, пока она разбиралась с моей страницей, пытаюсь решить проблему. Она была в процессе развода, и ей тоже нужен был рядом тот, кто мог бы ее поддержать. Честно говоря, мы встречались-то всего несколько раз, потому что я понял, что хочу быть с Алексой, и мы прекратили всякое общение, к тому же Шарлотта не хотела быть причиной моей размолвки с Алексой.

Я не знаю — правда это или нет, но логика в этом есть.

— Ты трахнул ее или нет?

— Хантер! — кричит мама из кухни. — Не смей так разговаривать, когда твоя дочь в доме! — мама, видимо, снова подслушивает, стоя за углом с большой миской попкорна.

— Да или нет? — повторяю я свой вопрос.

— Нет, — ворчит он. — Мы поцеловались и, возможно, немного больше, но мы не спали вместе! — мне совсем не нравится это «немного больше», но говорю себе, что все могло быть гораздо хуже. Я повторяю себе, что это произошло до того, как я встретил Шарлотту. Что меня бесит, так это то, что *ни* Эйджей, *ни* Шарлотта — никто из них даже виду не подал, что знакомы друг с другом. Кто бы мог подумать? В моей жизни уже пять лет не возникало никакого интереса к женскому полу, и когда я, наконец, нашел ту, с кем мне нравится проводить время, Эйджей умудрился обогнать меня по всем фронтам.

— Ты не признался в этом Алексе? — спрашиваю я.

— Она знала, что я целовался с кем-то. Знала, что ее зовут Шарлотта. Думаю, что она сразу догадалась, когда я сказал, что ты такой счастливчик, такой большой куш сорвал, уж поверь мне... Я должен был опустить это «поверь мне».

— Ты никогда не должен был целовать другую женщину, а тем более «немного больше», — издеваюсь я над ним. И тут до меня доходит. — Минуточку, так эта работа с паркетом в Олсанс не была совпадением, не так ли? Ты что, охренел? Ты пытался скрыть это от Алексы, а затем взял работу у родителей Шарлотты?

— Чувак, ты сам сказал мне, что мы не можем отказываться от любой работы, так как нам нужно раскрутиться, именно поэтому я и взял эту работу!

Иисус. Я падаю на стул напротив Эйджея, положив локти на стол так же, как и он. Опустив лоб на сжатые кулаки, делаю медленный глубокий выдох.

— Я сожалею, — говорит Эйджей. — Ты знаешь, я бы никогда не сделал это с

девушкой, с которой бы встречался ты, но ты даже не знал ее тогда.

— Я знаю, — говорю я. Слова выходят глухими из-за кулака, но он меня слышал. Он выдыхает с облегчением.

Через несколько минут молчания я смотрю на Эйджея, заметив сожаление и дискомфорт, отражающиеся на его лице.

— Она хорошо целуется?

Эйджей понижает голос до шепота:

— Ты еще не поцеловал ее? Я имею в виду... я думал, что вы, ребята, трахаетесь здесь, как кролики каждую ночь... — его слова зарождают пульсирующую боль в животе. Я никого не целовал, и уж тем более ни с кем не спал, кроме Элли. Возможно, я думал об этом прежде, но еще не был в состоянии сделать этот шаг.

— Нет, мы просто друзья, — напоминаю я ему.

— Если бы она была просто твоим другом, ты бы не выскочил из дома как ошпаренный два часа назад! — он прав. — Где, черт возьми, ты был все это время?

— В саду.

— О... — говорит он понимающе. — Послушай, если хочешь узнать мое мнение, тащи свою задницу через улицу и поцелуй эту девушку так, как она и не мечтала! Так, как, я уверен, и ты тоже не мечтал.

— Я собираюсь пойти поговорить с ней, но уж точно не обмениваться слюнявыми историями, — отвечаю я.

— Ну, ты должен, — язвительно замечает он.

Вздыхая, я встаю со своего места.

— Мне так нравится, как вы решаете свои проблемы, ребята, — говорит мама, выходя из-за угла и прижимая руки к груди. — Это было просто идеально. И я так горжусь тем, что вырастила двух достойных мужчин! — я хочу закатить глаза и сказать ей, чтобы она заканчивала с этим, но эта женщина и так уже находится на грани слез. — Давай, двигайся, Хантер, поговори с Шарлоттой. Я присмотрю за Олив, — делая несколько шагов по направлению к гостиной, вижу спящую Олив, лежащую под рукой отца. Папа тоже спит.

— Думаю, что папа и Олив сами присмотрят друг за другом, — тихонько посмеиваюсь я.

— Ну, тогда я просто продолжу уборку, — говорит она. — И, Эйджей, пожалуйста, найди Алексу. Вам есть что обсудить.

Одному тридцать, другому двадцать восемь, но мы до сих пор находимся под властью этой женщины. Мы никогда не могли сказать ей «нет».

Я хватаю пальто с дивана в гостиной и накидываю на плечи, направляясь к двери. Пересекаю улицу и колеблюсь секунду, прежде чем постучать. Что я скажу ей?

Прежде, чем я успеваю придумать, какие слова мне стоит сказать, Лана открывает дверь.

— Привет, мистер Коул, — говорит она. Уголки ее губ угрюмо опущены, и я надеюсь, что не являюсь причиной этого выражения на ее лице. Не думаю, что моя реакция была совершенно неоправданной, но, возможно, я мог бы не делать из мухи слона. Нет, я не сделал ничего плохого. Каждый человек должен быть честен со мной, но они не были. Ни Шарлотта, ни Эйджей.

— Твоя мама дома? — спрашиваю я ее.

— Да, но она очень расстроена, — говорит Лана, опуская глаза.

— Могу ли я войти и поговорить с ней? — продолжаю я.

— Что ж...

— Лана, кто-то пришел? — я слышу крик Шарлотты из другой комнаты.

— Да, это мистер Коул, — отвечает Лана.

Грохот на кухне говорит мне о том, что Шарлотта только что уронила что-то в раковину, вероятно, от неожиданности, узнав, что я здесь. Она выходит из-за угла, вытирая руки об бедра.

— Хантер, — говорит она, бросаясь к двери. — Я могу все объяснить.

— ЭйДжей уже сделал это, — говорю я, сделав пару шагов внутрь.

— Я должна была рассказать тебе, — продолжает она.

— Да, должна была, — подтверждаю я. Мне хочется выбросить все это из головы, но я не могу просто забыть о том, что они оба скрывали от меня правду. — Почему? — спрашиваю я.

Сажусь на ее диван, утопая в плюшевых подушках. Это один из тех диванов с очень широкими сидениями, в которое ты либо полностью проваливаешься и расслабляешься, либо неловко сидишь на краешке, надеясь, что не завалишься назад, потеряв равновесие. Я потерял равновесие, и теперь, стараясь сохранить лицо, как бы небрежно развалился в нем. Хорошо, что у меня длинные ноги.

Она садится на журнальный столик всего в паре метров от моих колен.

— Я... — это все, что она говорит, а затем делает глубокий вдох. — У меня нет веских оправданий. Я поняла, что ЭйДжей твой брат в тот первый день, когда мы встретились, и не смогла найти удачного момента, чтобы рассказать тебе эту историю. Тогда, когда наша дружба только зарождалась, становилось все труднее и труднее признаться в этом, потому что я думала, что уже упустила эту возможность. Мне было все тяжелее и тяжелее с того самого дня...

— Какой еще день? — я прервал ее на середине мысли.

Она отводит свой взгляд, как обычно делает, когда стыдится сказать мне что-то. Только я не уверен, что ей будет стыдно за это время.

— С того дня, когда я поняла, что влюбляюсь в тебя, — тихо говорит она, так тихо, что я не уверен, что правильно расслышал ее.

— Что ты сказала? — спрашиваю я, заставляя ее повторить.

— Хантер, — она поднимает свое лицо, фиксируя свой сапфировый взгляд на мне. — Я влюбила в тебя, понятно? Я знаю, что ты хочешь просто быть друзьями, и уважаю твой выбор, но я не могу контролировать свои чувства. Я просто...

Все в моей груди болит, как будто мои внутренности сделаны из углекислоты, и кто-то просто растряс меня до чертиков. Есть только один способ ослабить давление. Я наклоняюсь вперед, потянувшись из комфортного плюша, и, обхватив ее, притягиваю, позволив упасть на меня, где мы вместе утопаем в бездне дивана. В то время, как ладонями удерживаю ее лицо, мой мозг просто отключается. Я забываю обо всем, закрыв глаза, набрасываюсь на ее губы. Не знаю, дышу ли я, возможно, это последствия того, что мой мозг функционирует странным способом. Я могу думать только о ее губах... на вкус они, будто спелая вишня.

К черту все, я уже не буду прежним. Тело Шарлотты трепещет в моих руках, но губы отвечают в таком же быстром и голодном темпе.

Пальцами она медленно зарывается в мои волосы, посылая шокирующие ощущения по всей длине моего позвоночника. Ее тело прижимается ко мне, и я понимаю, что полностью

официально потерял контроль — все в ней просто невероятно, и воспоминание о том, почему я был так зол только час назад, кануло в небытие.

Руками я продолжаю исследовать ее тело вдоль спины, пока кончиками пальцев не задеваю кожу между рубашкой и брюками. Простое прикосновение ее кожи — это все, что нужно, чтобы затруднить мое дыхание, и я уверен, она отлично знает, чем может закончиться этот поцелуй лежа на диване в горизонтальном положении.

Я почти забываю о том, что Лана дома, когда слышу ее крик из другой комнаты:

— Мама, я хочу пить! — Шарлотта подскакивает вверх, разрывая наш поцелуй, который длился, по крайней мере, целых пять минут. Лежа здесь и глядя на ее покрасневшие щеки и тяжелое движение груди, мои угнетающие мысли появляются одна за другой. Я думал, что почувствую раскаяние, но ощущаю себя свободным. И в то же время, как я думаю, что это могла бы быть ужасная мысль, я осознаю, что должен чувствовать это. Я нуждался в этом так чертовски долго.

— О, мой Бог. Представь себе, если бы она вошла сюда, — говорит Шарлотта. — Мы немного увлеклись... — в ней говорит мама, и я не могу не согласиться. Я бы никогда не позволил этому случиться в моем доме с Олив, все время выглядывающей из-за угла.

— Это мне не следовало себя так вести, на автомате вышло, — говорю я ей.

— Нет, следовало бы, — поправляет она меня. — Это был самый лучший первый поцелуй за все мои двадцать девять лет жизни... — я не ожидал услышать такого после того, как почти забыл, как пользоваться своими чертовыми губами.

— И что теперь? — спрашиваю я ее. Этот вопрос не требует ответа, но мне нужно знать, что думает она.

— Теперь, ну, мы все еще Хантер и Шарлотта. Мы до сих пор те, ну, кем ты хочешь, чтобы мы были, без разницы, просто друзья, которые поцеловались и все, — говорит она задорно. *Без разницы.* Что она имеет в виду? Разве это вообще возможно? — Без правил. Ожиданий. Без ярлыков.

— «Без разницы» мне подходит, — говорю я ей. — Но сейчас я должен, вероятно, вернуться домой, — указываю через плечо на окно, которое выходит на мой передний двор. Зачем я это делаю, если она и так знает, где я живу? Я сошел с ума, и мне это нравится.

Она приподнимается и обхватывает ладошками мое лицо.

— Ты выглядишь немного бледным. Они догадаются, — Шарлотта мило подмигивает мне, прежде чем пощипать за щеки. — Ну вот, теперь твои щеки снова порозовели, — говорит она. Резко встав с дивана, я чувствую легкое головокружение. Поправив на мне одежду, Шарлотта соскальзывает и приглаживает пальцами мои волосы еще раз. — Теперь точно все.

— Это стоит того, — говорю я, обнимая рукой за талию и притягивая ее к себе еще раз. Она чувствует себя такой маленькой в моих руках, и мне приходится немного наклониться, чтобы сократить пространство между нами, но она поднимается на носочки и прижимается к моим губам. Я обхватываю ее крепче, настолько сильно, насколько только могу, вдыхая ее запах. Ее тихий стон напротив моих губ снова подводит меня к той точке, где я могу потерять контроль над тем, что находится у меня ниже пояса.

— Я... я не могу ждать вечно «без разницы», я должен погасить этот огонь прямо здесь... — шепчу я ей в рот.

— Ну, может быть, вы вдвоем сможете прийти сегодня вечером, и пока девочки будут смотреть кино, мы сможем просто заниматься «этим», — говорит она.

Я отстраняюсь, разглядывая ее лицо, гордясь румянцем на ее щеках, а также чувственным взглядом, когда она зажимает нижнюю губу между зубами.

— Хорошо, — мое нетерпеливое согласие выскакивает без долгих раздумий. — Увидимся позже, Лана, — кричу я в другую комнату. — Спасибо, что позволила мне поговорить с твоей мамой.

— Пожалуйста, — пищит она.

— Тогда сегодня вечером. В шесть? — подтверждаю я еще раз.

— Без разницы, — говорит она с быстрым подмигиванием.

Проблема в отношениях между братьями заключается в том, что ничего невозможно скрыть друг от друга. Я ловлю единственный взгляд Эйджея, когда вхожу в дом, и уже знаю, что мое лицо краснее, чем американский омар. Он встает с дивана с самодовольной ухмылкой от уха до уха, медленно хлопая в ладоши.

— Не будь мудаком, — говорю ему.

— Я так горжусь тобой, братан, — он протягивает руки, дотрагиваясь до меня. — Ты собираешься сделать *это*, в конце концов, — продолжает он напевать неприятным голосом, пародируя ребенка. Будь я на его месте, я бы не сделал еще один шаг мне навстречу. Его снисходительные слова быстро уничтожили каждый счастливый эндорфин, с которым я вошел сюда.

— Нужно было просто остаться там, — бормочу я себе под нос. Отойдя от Эйджея, чтобы не потерять контроль и не врезать ему, я направляюсь в гостиную и вижу, что папа все еще спит, а мама складывает выстиранное белье Олив в то время, как сама Олив срывает одежду со своих кукол Барби.

— Вы помирились с Шарлоттой? — спрашивает мама.

— Да, все хорошо, — отвечаю я, опускаясь на колени рядом с Олив. — Хочешь, чтобы к нам на ужин пришла Лана сегодня вечером?

— Ура! — вопит Олив. — Спасибо, спасибо, спасибо! — она запрыгивает сверху на меня, обвивая мою шею своими маленькими ручонками. — Можно я надену платье?

— Если это то, что сделает тебя счастливой, конечно, можешь, — говорю я ей.

— Ей же завтра в школу, — говорит мама, затейливо складывая брюки в стопку.

— Да, я в курсе. Я могу позаботиться о ней, веришь ты этому или нет.

— Что-то зашевелилось в твоих штанах, Хантер? — спрашивает она.

Очевидно, она не понимает, что достает меня?

— Действительно ли я — единственный, кто видит, насколько вы все поглощены моей личной жизнью? — я поднимаюсь с Олив, все еще висящей на моей шее и хихикающей, как гиена. Она мешает мне серьезно говорить с мамой, но я должен расставить все точки над «i».

— Это только потому, что мы все беспокоимся о тебе, дорогой, — мама заканчивает складывать одежду и поднимает стопку. — Смерть Элли так же больно ударила по папе и мне. Мало того, что она была очень важна для нас, но видеть, что наш сын потерял свою

жену, было невыносимо. Мы очень любим тебя и сделали все возможное, чтобы помочь тебе в эти последние пять лет, но это был постоянный полезный опыт и для нас тоже. Ты же понимаешь, что еще никто не создал инструкцию, в которой бы было прописано, как мы могли бы помочь своему сыну пройти через нечто подобное. Плюс ко всему, все матери подслушивают. Если бы я не подслушивала, это означало бы, что я не забочусь о тебе. В один прекрасный момент меня не будет здесь, чтобы убедиться, что ты счастлив, и ты будешь скучать по этому, — она отмахивается от меня, поднимаясь по лестнице и оставив меня с материнской версией удара под дых. Вот почему я обычно молчу, позволяя ей и всем остальным принимать участие в моей унылой жизни.

ЭйДжей отвлекает меня, снимая Олив с моей шеи.

— Прости еще раз, — он садится на диван рядом с папой, покачивая расшалившуюся Олив на руках. — Ты должен улыбаться.

— А ты должен найти свою жену, — парирую я.

— Она дома, — говорит он.

— Тогда ты тоже должен быть там.

— Я хочу развода.

А вот и «бросок микрофона». (*Примеч: mic drop — в конце выступления, чтобы показаться «крутым» (преимущественно USA термин)*). Не могу сказать, что я не предвидел этого в тот день, когда он потратил все свои сбережения на бриллиант в три карата только потому, что она не приняла бы ничего меньше для предложения, или просто так думал ЭйДжей.

— Ты хорошо все обдумал или просто боишься исправить то, что натворил?

— О! — вопит Олив. — Ты слышал?

— Слышал что? — ЭйДжей переводит свое внимание на нее, явно избегая моего вопроса.

— Почта здесь. Почта, почта, письмо! — говорит она, бегая по дому.

— Куда ты идешь, Олив? — кричит мама с верхнего этажа.

— Почта! — орет Олив. Она уже на полпути к ящику, прежде чем я подхожу к входной двери, а она уже бежит обратно с кипой писем в руках. — Я знала! — она пробегает мимо меня, бросив почту на кофейный столик и держа один маленький конверт у груди. — Это она, папа!

— Кто? — спрашивает мама, спускаясь по лестнице в гостиную. — Кто это она?

— Сердце мамы, — говорит Олив, как будто это будет иметь смысл для всех, кроме Олив и меня.

— Простите? — говорит мама. Я никогда не просил Олив хранить в секрете эти периодически приходящие письма той женщиной, но и не хотел, чтобы об этом узнали все. — Почему вы получаете почту в воскресенье?

Эээ... Мы не получаем почту по воскресеньям. Я не захватил почту вчера, но почему малышка подумала, что почту принесли только что.

— Олив, ты видела почтальона?

— Нет, я просто слышала, как щелкнул почтовый ящик.

Такой чуткий слух? Боже. *Подождите-ка секунду.* Выбежав за дверь и позволяя ветру захлопнуть ее за мной, выбегаю к дороге как раз вовремя, чтобы услышать двигатель автомобиля, но он уже исчез за вершиной холма. Даже если бы я побежал вниз по улице, я не смог бы разглядеть автомобиль.

Побежденный, как и всегда, я иду обратно в дом и беру конверт у Олив.

— Ты видела человека, который положил это в почтовый ящик? — спрашиваю я ее. *Она* что, все это время доставляла письма самостоятельно? Если да, то она, очевидно, местная. *Но, а как же горы, о которых она писала?*

Олив качает головой, ее косички болтаются вокруг.

— Неа.

— Ты видела машину?

— Да, — говорит она. Ее одно маленькое слово заставляет мое сердце перестать биться за долю секунды.

— Какого цвета она была? — спрашиваю я.

Олив подносит свой палец к губкам, когда ее взгляд подминается к потолку.

— Эмम्म, хम्म... Я думаю, я думаю, что она была зеленой или, возможно, коричневой. Серой, да, она могла быть серой, как серый и белый цвет, может быть.

Я встаю перед ней на колени и беру ее ручки в свои.

— Олив, мне нужно, чтобы ты хорошенько подумала. Это был большой автомобиль, как у меня, или маленький, как у бабушки с дедушкой?

— Ну, что-то посередине что ли. Ты знаешь, это могла быть синяя машина, — говорит она с широкой улыбкой. — Да... Я люблю синие машины.

Это абсолютно без толку.

— Хантер, ты не хочешь ничего объяснить нам? — спрашивает меня мама, как будто я подросток, который оказался пойманным, когда прятал травку в верхнем ящике.

— Леди пишет папе письма все это время. У нее сердце мамочки, — Олив сдает меня с потрохами.

— Что? — кричит мама, ее гнев сразу же разливается краской на щеках. — Ты знаешь пациента?

— Нет, — поправляю я ее. — Я не знаю, кто эта женщина. Я просто получаю письма от нее.

— Очевидно, она знает, кто ты и где ты живешь! — говорит мама раздраженно. — Ну, открывай его!

Я не хочу читать его вслух. Не при ней. Олив эти письма ни о чем не говорят, она не понимает, так что я не против читать их ей, но это все, что у меня осталось от Элли, и по мне так это очень личное.

— Мама, это только для моих глаз, — я пытаюсь объяснить, хотя знаю, что она не поймет. Она любила Элли так, как если бы она была ее собственной дочерью. И по этой причине на ее глаза наворачиваются слезы.

Она не реагирует, даже не настаивает на своем, просто смотрит так, как будто я причинил ей боль.

— Хорошо, — говорит она, крепко обняв Олив и прижимаясь к ее головке, в то время как одинокая слеза сбегает по щеке, исчезая.

Я открываю конверт, осторожно скользя пальцами по бумаге. Расправляю лист и вижу больше текста, чем обычно.

— *Дорогой мистер Коул,* — я читаю вслух, поддаваясь чувству вины. Глаза мамы открываются с удивлением, восторгом и мольбой.

Прошло четыре недели с момента моего последнего письма вам. За это время

похолодало, и я провела много времени в закрытом помещении, читала, убираясь, и немного писала. Боюсь, что ее сердце чувствует себя немного пустым в эти дни, и я ощущаю себя виноватой, что не делаю большего, чтобы заполнить его.

Я сглатываю комок в горле, чувствуя резкую боль в груди. Я не хочу, чтобы ее сердце чувствовало себя пустым ... никогда. Я потратил свою жизнь, согревая ее сердце, наполняя его такой любовью, какую только мог предложить. Пытаясь передохнуть от этих ледяных слов, я смотрю на маму, оценивая ее мысли по взгляду на ее лице. Замешательство — это все, что я вижу.

Я встретила человека. Человека, который не знает о моих слабостях, потерях или победах. Я думаю, что он заметил меня и хотел бы узнать больше обо мне, но я боюсь, что он подумает или сделает, если узнает о моем неустойчивом состоянии.

Я хочу сказать ей, что не стоит бороться за человека, который не любит женщину такой, какая она есть на самом деле, но я не могу сказать ей этого, потому что не знаю, кто она, и, вероятно, никогда не узнаю.

В любом случае, я надеюсь, что вы и ваша дочь чувствуете себя хорошо. Элли однажды сказала мне, что мечтала о дочери. Я знаю, что она не так себе представляла развитие событий. Сожалею, что подвела сердце Элли в прошлом месяце, я сделаю все, что смогу, чтобы вернуть часть тепла, которая ускользнула. Может быть, этот человек, которого я встретила, будет другим. Может быть, он будет первым, кто полюбит птицу со сломанным крылом. Мы ведь всегда можем надеяться, не так ли? Берегите себя, и надеюсь, рождественские праздники принесут вам все, что вы хотели в этом году.

*С уважением,
Ее сердце.*

Я всегда думал, что она могла бы знать об Элли, учитывая тот факт, что она хорошо осведомлена, кто я и где сейчас живу, но это первый раз, когда она упомянула имя Элли или то, что знает, что у нас есть дочь. Эта информация осталась бы конфиденциальной в любой информационной базе доноров, особенно принимая во внимание тот факт, что я не смог раздобыть никакой информации о ней.

В моей голове только одна единственная мысль, что она знает Элли. Вернее, она знала Элли, а это значит, что я должен был знать ее, или думаю, что мог бы знать ее раньше. У нас с Элли был общий круг знакомых, кроме некоторых преподавателей с факультета, на котором она работала в школе, но она не была очень близка с кем-либо из других учителей.

— Хантер, — мама прерывает мои мысли, проливая слезы, которые уже одна за другой скатываются по ее мокрым щекам. — Эта женщина знает тебя и Элли. Значит, это было не случайное пожертвование, так ведь? — она спрашивает меня, как будто я нарочно скрывал эту информацию от нее, хотя я сам умираю от любопытства, чтобы выяснить правду.

— Похоже на то, но я ничего не знаю о ней. И никогда не узнаю, если она будет скрываться от меня, — мама наклоняется вперед и берет конверт с журнального столика, переворачивая его вперед и назад, выискивая обратный адрес, который я ищу каждый раз.

— Она не хочет, чтобы ты нашел ее, — говорит мама.

— Я знаю, — но я не перестану пытаться.

— Я сваливаю, — говорит Эйджей, входя в гостиную. Я почти забыл об атомной бомбе, которую он сбросил на меня несколько минут назад.

— Куда ты идешь? — спрашиваю его.

— Надеюсь, домой, чтобы разобраться с Алексой, — вставляет мама свои пять копеек.

— Неа, я собираюсь ненадолго прогуляться в Lion's, — говорит Эйджей, отмахиваясь от нее.

— О, Эйджей, я надеюсь, что ты не будешь пить снова. Ты только завязал.

— Иисус, мама. Я думаю, что вам с папой уже пора домой. Вы тратите слишком много энергии, беспокоясь о Хантере и обо мне сегодня. К твоему сведению, у меня никогда не было проблемы с алкоголем. Я просто хочу расслабиться и развлечься немного. В этом нет ничего плохого. К тому же, может быть, я просто хочу потусить в компании бармена, — он прекрасно отдает себе отчет в том, что сыплет соль ей на рану, и ему всегда нравилось это делать с ней.

— Я не так тебя воспитывала, Эйджей. Тебе должно быть стыдно за себя. Ты должен помириться со своей женой, — говорит она, кривя губы в отвращении. — В дрянной, грязный бар, где сиськи у всех девок больше, чем штат Техас.

Эйджей начинает громко ржать, положив руку на плечо мамы.

— О, мама. Их грудь не настолько большая, но они уверены, что там есть на что посмотреть, прикинь? — с этими словами он берет свое пальто с дивана и уходит, не сказав ни слова.

— Где я упустила что-то с вами двумя? — спрашивает она дрожащим голосом. — Ты хочешь умереть в одиночестве, а он не знает, как удержать себя в штанах.

Хотя я знаю, что она не имела в виду то, что сказала, это все же похоже на плевок в лицо. Я никогда не говорил, что хочу умереть в одиночестве. Да, эта мысль приходила мне в голову, но я никогда не признавался в этом вслух.

— Это не правда, — говорю ей.

— Ты прав, — соглашается она. — Но не надо уверять меня в том, что все хорошо, и затем уходить, Хантер. Не делай этого. Это все, что я собираюсь сказать, — на самом деле это еще не все, что она собирается сказать. — Эта девушка, Шарлотта, она ангел, так что не испорти все. Сделай себя счастливым, даже если это только ради Олив, — теперь она закончила.

— Папа всегда делает меня счастливой, — встречается Олив, избегая зрительного контакта с мамой. — Всегда.

Мама протягивает мне конверт, который она крепко держала в руках, и тянет к себе Олив.

— Я знаю, дорогая. Это просто разговоры взрослых.

Олив смотрит на нее снизу вверх, глядя прямо в глаза:

— Он делает все, что может, — говорит она, защищая меня до последнего.

Мама закрывает глаза, надеюсь, понимая, что зашла слишком далеко в очередной раз.

— Ты права, Олив, — говорит она. С громким вздохом мама отступает и направляется на кухню, выкрикивая: — Гарольд, пора идти.

И так заканчивается почти каждое воскресенье. Мама расстраивается из-за ерунды, как и всегда, а папа находится не в своей тарелке после послеобеденной комы.

Папа заходит в гостиную, протирая глаза.

— Что происходит?

— Просто обычное предложение уйти, — говорит мама ему так, как если бы я попросил их уйти. Ее пассивно-агрессивный комментарий очень даже объясним. Я давно понял, что у меня нет шансов переспорить ее, потому что, в конечном итоге, ей все равно будет еще больнее.

— Ну, думаю, увидимся в следующее воскресенье, — говорит папа лениво. Он наклоняется вниз и обнимает Олив, затем хлопает рукой по моей спине. — Береги себя, сынок.

Мама тоже обнимает меня, но достаточно холодно, вздыхая у моей щеки:

— Я люблю тебя, даже если ты ненавидишь меня, — материнское чувство вины огромно, но я не позволю ему добраться до меня сегодня.

Они уходят вместе, оставив после себя тишину.

— Все хорошо, папа, — говорит Оливия.

— Я ведь все делают правильно? — спрашиваю я ее.

Она обвивает своими ручонками мою ногу, прижимаясь лицом.

— Ты делаешь даже больше, — отвечает Олив. — Ой! Я совсем забыла! Мне нужно готовиться к приходу Ланы! — я смотрю на часы и вижу, что уже четыре часа. Черт возьми, куда так быстро улетел этот день?

Через пару часов бездумного просмотра игры, я достаю свой телефон и отправляю Шарлотте смс, меняя направление мыслей в голове и возвращаясь к тому моменту, когда я покинул ее дом пару часов назад.

Я: Пиццу?

Шарлотта: Да ... «без разницы» ;).

Я: Пицца и «без разницы». Понял.

Я убираю телефон обратно в карман. Мысли о принятом решении проигрываются в голове, и я чувствую смесь желания и страха, которые выбивают дерьмо друг из друга. Пока я выросл, моя жизнь не была похожей на жизнь обыкновенного парня. Я был только с одной женщиной, потому что не существовало никакой другой женщины для меня. Я не знаю, на что было бы похоже быть с другой женщиной, будет ли это по-другому, лучше или хуже.

Ни Элли, ни я не понимали, что происходит, когда мы сделали этот шаг в наших отношениях. Нам было по шестнадцать лет, когда ее родители должны были уехать из города на выходные. Она сказала, что боится оставаться дома в одиночестве всю ночь, поэтому я пообещал, что приду, наплевав на строгие правила ее родителей — никаких мальчиков, пока их нет дома. Когда дело дошло до правил, мы с Элли, не задумываясь, нарушили их. Что поделать, подростковая любовь и бушующие гормоны со скоростью света.

Мы были только друзьями, лучшими друзьями за несколько месяцев до этого уик-энда. Лед сдвинулся во время вечеринки по случаю дня рождения, когда мы играли в старую добрую игру в бутылочку. Именно тогда судьба распорядилась так, что скорость и импульс вращения бутылочки привели к тому, что мы поцеловались.

В этот момент я ощущал себя, как во сне, когда ты в нескольких метрах от происходящего. Я хотел насладиться вкусом ее губ. Она подошла ко мне первая, сначала быстро, затем все медленнее и медленнее, сократив расстояние между нами до минимума. Она абсолютно не нервничала, лишь небольшая улыбка, улыбка, которую я видел очень много раз в течение нашей жизни — ее жизни. Она закрыла глаза, ожидая, что я встречу с ней на полпути, который ощущался в тот момент целым километром. Мое сердце колотилось, бисеринки пота выступили на лбу, и дыхание застряло в горле. Либо сейчас, либо никогда. Я не мог позволить себе упустить этот шанс, потому что я думал, что если мне не хватит смелости сделать это здесь и сейчас, в эту секунду, то я никогда не смогу сделать это. Закрыв глаза, я наклонился вперед, забыв о двух десятках глаз, уставившихся на наш первый поцелуй. В моей голове играла музыка, мое сердце уже не стучало так громко, но продолжало отбивать медленный ритм, когда пальцы пробежались по ее щеке и шелковистыми белокурыми локонами. Наши губы были разделены всего лишь двумя сантиметрами воздуха, наполненного электрическими частицами притяжения. Адреналин пронесся по моим венам, и наши губы встретились. Это не был один из тех страстных поцелуев, которые у нас были, когда мы стали старше, где я мог бы удивить ее, появившись сзади и подняв ее вверх, прижимая к стене. Этот поцелуй был неподвижным, практически лишенный движения, наши губы соединились и замерли на этом моменте. Я воспользовался тогда возможностью, чтобы вдохнуть запах ее кожи, аромат ее шампуня. Все изменилось в одну секунду — я влюбился в своего лучшего друга. Непосредственно перед тем, как наш поцелуй закончился, ее губы сделали одно маленькое движение, они изогнулись в улыбке, которую я почувствовал своими губами.

Когда она отстранилась, а она должна была, потому что я был вне себя, ее карие глаза были широко раскрыты, и, клянусь Богом, я увидел искорки в них. Возможно, мне это только показалось, но я реально видел эти искорки в ее глазах.

Какого хрена я делаю?

— Олив, — зову я.

— Да? — отзывается она, прыгая вниз по ступенькам в своем нарядном платье.

— Я чувствую себя не очень хорошо, дорогая.

— О, нет, может мне нужно позвонить врачу? — спрашивает она. — Тебе нужен суп? Я могу позвать Шарлотту.

— Нет, не нужен ни суп, ни Шарлотта. Мне просто нужно полежать немного, — говорю я ей.

— А как же Лана?

Я смотрю в ее печальные глаза в течение долгой минуты, пытаюсь придумать, как объяснить ей, почему это не очень хорошая идея — пойти туда. Но нет никакого способа, чтобы заставить ее понять, что я боюсь почувствовать что-то даже отдаленно близкое к тому, что испытывал к Элли. Боюсь, что запятнаю эти воспоминания, забуду ощущения, чувства, то, что мое сердце когда-то чувствовало.

Мой телефон вибрирует в кармане, и я вытаскиваю его и вижу физиономию Эйджея на экране. Я отвечаю вопросом:

— Что случилось?

— Мне нужно, чтобы ты забрал меня, — говорит он.

— Где ты, черт возьми?

— В центре города, — говорит он просто.

— Ты напился?

— Нет.

— ЭйДжей, где ты, черт возьми?

— В окружной тюрьме, — бормочет он.

— Боже, ЭйДжей. Что ты натворил?

— Пожалуйста, — просит он спокойно.

— Я буду там, как только смогу, — бросаю телефон на диван и хватаю куртку Олив с крючка. — Я отведу тебя к Лане. Бери вещи, — говорю я Олив.

— А ты? — спрашивает она. — Я хочу, чтобы ты тоже пошел.

— Мне сначала нужно помочь твоему дяде.

Я подхватываю ее вместе с куклами Барби, которых она собиралась показать Лане. Мы бежим через улицу, когда Шарлотта открывает дверь. Мы уже на крыльце. Бедняжка открывает дверь с такой широкой улыбкой, но я собираюсь все испортить.

— ЭйДжея закрыли, я должен забрать его, — говорю ей.

— Что? — спрашивает она в шоке. — Что он сделал?

— Понятия не имею.

Шарлотта берет Олив за руку и тянет ее в дом.

— Заходи, дорогая, Лана наверху. Беги к ней, — Олив оборачивается и быстро обнимает меня, прежде чем убежать.

— Я могу чем-то помочь?

— Нет, но ты могла бы просто присмотреть за Олив, я сообщу, как только узнаю, что там случилось. По идее, мне стоит оставить этого придурка там, но...

— Ты не такой, — говорит она, поднимаясь на носочки и оставляя на моей щеке мягкий поцелуй. — У нас еще будет время для «без разницы», — ее слова всплывают в мое ухо, врезаясь в уже запутанные мысли, и я отвечаю улыбкой.

Мне хочется ей сказать, мол, не могу дождаться или что-то в этом роде, но слова не приходят ко мне, так что вместо этого я просто обнимаю ее за плечи и оставляю поцелуй на макушке.

— Я дам тебе знать, как только узнаю, что произошло.

— Серьезно? — это все, что я могу сказать ЭйДжею, когда он проходит через дверь с сигнализацией в офис шерифа.

— Я могу объяснить, — бормочет он. Его обычная беспечная ухмылка в этот раз не приклеена к роже, а глаза наполовину прикрыты. На самом деле, у него фингал. ЭйДжей, конечно, одаренный парень, но он не боец, поэтому я слегка удивлен и моя злость немного отступает.

— Что, черт возьми, с тобой случилось? — спрашиваю я его уже спокойно.

Он избегает моего вопроса, повернувшись к окну с решеткой. Офицер вручает ему небольшую кучу вещей, и ЭйДжей оборачивается, по-прежнему избегая меня, пока идет по направлению к главной двери.

Когда мы подходим к машине, тишина становится невыносимой. Он даже не может найти хотя бы одно слово, чтобы объяснить, как его угораздило оказаться сегодня здесь?

— Открой дверь, — говорит он.

— Нет, пока ты не скажешь мне, что случилось.

— Алекса случилась, — рычит он, прижимая большой палец к нижней губе, которая, как я сейчас разглядел, разбита. *Мой Бог.*

— Это Алекса сделала с тобой? — с сомнением в голосе спрашиваю я. Эта девушка не настолько крупная, чтобы нанести такого рода повреждения, так что в этой истории должно быть что-то еще.

— Нет, она наняла вышибалу, — говорит он.

Пытаясь осмыслить малую толику этого бреда, я решаю дать ему передышку и открываю двери грузовика. ЭйДжей залезает внутрь и захлопывает ее за собой. Как только я сажусь на свое место, он начинает говорить:

— Я не сделал ничего плохого. Я разговаривал с барменом, когда вошла Алекса. Она нашептала какую-то хрень вышибале, и следующее, что я помню, — это кулак мудака, летящий в мою челюсть. Автоматически меня откинуло назад. Всего раз. Это было все, что потребовалось администратору бара, чтобы вызвать полицию. Вот почему я здесь.

— Послушай, — говорю я, — это не мое дело, но как твой брат я говорил тебе об этом в течение многих лет... эта девушка не для тебя. Она никогда не делала тебя счастливым. Ты сделал ей предложение только потому, что она давила на тебя. Я не оправдываю твое идиотское пристрастие к изменам, но ты должен поступить правильно.

— Я собирался сказать ей, когда вернусь домой, ну, ты знаешь, что хочу развода, но, черт возьми, мне нужно было немного заправиться для уверенности.

— Тебе нужно место, чтобы переночевать? — Эйджей так или иначе жил у меня дома, везде, где жил я после смерти Элли. Ночует он у себя, но все остальное время брат со мной. Нужно отдать парню должное, что он так долго смог вытерпеть жизнь с Алексой, и, я уверен, что не выйдет ничего хорошего, если он окажется с ней под одной крышей прямо сейчас.

— Да, нужно — соглашается он, откинувшись на сиденье.

Нам требуется всего лишь несколько минут, чтобы добраться до дома. Я выскакиваю из машины и бегу через дорогу, чтобы забрать Оливию. Однозначно, никакого «без разницы» сегодня вечером, особенно с Эйджеем на хвосте.

Я открываю дверь и вхожу. Думаю, что мы дошли уже до той точки, когда стучаться не нужно. На самом деле, я не помню, когда в последний раз Шарлотта стучала в мою дверь. Это выглядит, как будто мы в отношениях, но без основной части. Я так решил, а она с удовольствием с этим мирится. Внезапно я осознаю, что ей просто приходится со многим мириться в отношении меня. Я был настолько поглощен чувством вины, потому что предаю Элли, что даже не оценил поступок Шарлотты — она приняла меня со всем моим багажом, как друга, не требуя больше, чем я могу дать. Мне нужно изменить эту ситуацию... чтобы дать понять ей, насколько я ценю ее... что я чувствую к ней.

Что я чувствую к ней? Мои мысли в беспорядке, одна хаотично сменяет другую. Это несправедливо по отношению к ней.

— Олив заснула около двадцати минут назад, — говорит Шарлотта, вскакивая с дивана. — Если хочешь, то можешь оставить ее у меня, я приведу малышку домой завтра утром, чтобы ты мог собрать ее в школу.

Голос Шарлотты не такой приветливый, как обычно. Хотя не могу точно определить ее эмоции, но на самом деле думаю, что он звучит раздраженно.

— Дашь нам минутку? — прошу я Эйджея.

— Спасибо, что присмотрела за Олив, — говорит Эйджей Шарлотте. — Увидимся завтра.

Эйджей выскальзывает за дверь, аккуратно и беззвучно прикрыв ее за собой.

— Шарлотта, — начинаю я.

— Все хорошо, серьезно. Семья на первом месте, — говорит она спокойно, поднимая плед с дивана и медленно складывая его пополам. — Я чувствую, что часть тебя, так или иначе, отсутствует во всем, чем бы мы не собирались заняться, — она все еще занята одеялом. Она не смотрит на меня, когда говорит, а я не могу понять, почему. *Я что-то пропустил?* Как это все за несколько часов из планов на «без разницы» переросло в холодный прием?

— Потому что я ушел, чтобы вытащить Эйджея из тюрьмы?

— Нет, — вздыхает она. — Не поэтому.

— Что тогда? Может, я хреново целуюсь, или что? Потому как мы точно не испробовали какой-нибудь другой способ, чтобы доказать, что я ни на что не годен, — хотя я точно знаю, что она имеет в виду, но думал, что скрывал это немного лучше, чем оказалось на самом деле. Выходит, что нет.

— Э-э, нет... — она смеется, заливаясь румянцем. — Ты классно целуешься, возможно, даже лучше, чем я когда-либо... как никогда... так умело, но я чувствую, что краду тебя у

чего-то другого, так как твое сердце не полностью свободно... если это имеет смысл.

— Что я сделал, чтобы заставить тебя так думать, что?

Чего я НЕ сделал, чтобы заставить ее думать так?

— У всех нас есть секреты, Хантер. Я понимаю, что не могу надеяться на то, что ты полностью откроешься мне, зная меня всего несколько месяцев, но в то же время я удивлена, почему ты не говоришь мне чего-то по другим причинам.

Если бы я знал, что она имеет в виду. Какие секреты? Я чувствую, что был с ней более открытым, чем с кем-либо еще за последние пять лет.

— Я не знаю, какие секреты ты имеешь в виду, — отвечаю я честно.

— Отлично, пусть будет так, сейчас мы дошли до того момента, когда я хотела бы знать, какие у тебя планы на будущее. Если тебе просто нужна подруга, с которой ты будешь периодически спать, то так и скажи. Если ты хочешь быть друзьями, это тоже круто. Ты взбаламутил все мысли в моей голове, посылая мне свои противоречивые сигналы, поцеловав меня сегодня. Ты уже знаешь, что я чувствую к тебе, Хантер, но, несмотря на нежные слова, которыми ты хорошо оперируешь, я не знаю, что происходит в твоей голове, и не знаю, как долго я смогу делать вид, что все нормально.

Я полностью сбит с толку изменением в ее поведении, и это последнее, что мне сейчас нужно.

— Ну, теперь нас двое! — мой голос становится громче, чем я бы хотел, но ярость бурлит в моем животе, и это та самая причина, по которой я избегал слишком близких отношений с кем-либо за последние несколько лет. — Я не понимаю, почему тебе обязательно нужно повесить ярлык на нас или как называется то, что мы делаем, тем более, что мы действительно не сделали ничего такого, но если ты хочешь поставить все точки над «i», тогда продолжай в том же духе, просто поставив на нас большую жирную отметку «друзья».

— Я думаю, что тебе лучше уйти, — говорит она почти шепотом.

— Папа? — Олив на цыпочках спускается вниз по лестнице, потирая глаза. — Мы идем домой?

— Пойдем, принцесса, — говорю я, приседая, чтобы поднять ее.

— Вы скажете Лане, что мы увидимся завтра в школе? — бормочет Олив Шарлотте.

— Конечно, детка, — говорит та в ответ, улыбаясь Олив. Шарлотта переводит взгляд на меня, и все эмоции сходят с ее лица: — Сейчас, — она пальцем указывает на дверь, и этого жеста достаточно, чтобы заставить меня захотеть выйти и никогда не возвращаться. Жаль, что наши малышки настолько близки.

Что, черт возьми, только что произошло? Может, я сказал что-то не то, когда привел Олив? Если она не злится на меня из-за случая с ЭйДжеем, что было бы нелепо, тогда что не так?

Когда мы входим через переднюю дверь в дом, ЭйДжей сразу выхватывает Олив из моих рук.

— Эй, у меня есть сказка для тебя, Олли-Полли, — он начинает подниматься по лестнице с ней, а она руками обнимает его за шею.

— Без пошлостей, пожалуйста, — кричу я им в след.

Оставшись один и злясь на весь мир, я пинаю свои ботинки, позволяя каждому из них удариться с глухим звуком об стену. Какого хрена я делаю? Я падаю в кресло рядом с фотографией Элли, откинув голову назад, чтобы посмотреть на нее.

— Тебе, должно быть, стыдно за мое поведение, — говорю я ей. — Ты, наверно, уже перевернулась в могиле из-за того, как я только что разрушил эту ночь, — я встаю и иду на кухню, открываю верхний шкаф над холодильником, чтобы взять бутылку «Джека» — бутылку, которой я иногда балую себя, когда Олив спит.

— Захвати и мне стакан, — говорит ЭйДжей, входя за мной. Я собирался пить прямо из бутылки, но предполагаю, что стакан означает, что здесь есть еще кто-то, кто хочет выпить со мной, а это лучше, чем пить в одиночку. Я хватаю два стакана и наполняю их наполовину.

— Ты пьешь не из-за меня, не так ли? — спрашивает ЭйДжей.

— Неа, — говорю я, прижимаясь губами к краю стакана.

— Все дело в письме, которое я нашел на журнальном столике?

Черт. Черт. Черт возьми. Я опрокидываю стакан немного выше, позволяя жидкости обжечь мое горло на довольно внушительной скорости.

— Или в Шарлотте? Или, может быть, речь идет о женщине в садах? — *как? Как он узнал?* — Папа рассказал мне. Чувак... сколько женщин крутится вокруг тебя? Я думал, что ты импотент, а ты трахаешь троих?

— Не совсем, — говорю я, прикончив виски в своем стакане.

ЭйДжей хватается за бутылку и уходит в гостиную:

— Давай поговорим.

В какой-то момент часовая стрелка на циферблате оказывается с восьмью на двух, и я уже чувствую последствия похмелья, которое ожидает меня завтра... или сегодня... через три часа, когда нужно будет будить Олив в школу. Я просто надеюсь, что протрезвею к тому времени. ЭйДжей уже глотает слова, жалуясь на Алексу, а я смотрю через всю комнату на портрет Элли.

— Мы оба... жалкие мудаки, — говорю я ему.

— Ты более жалок, чем я, — говорит ЭйДжей. — Твоя жена мертва уже пять лет, а ты по-прежнему пялишься на ее фотографию, как будто она как-то ответит тебе.

Его слова, как правило, вызывают только гнев, но так как за последние двадцать четыре часа из него уже выбили все дерьмо и разукрасили личико, он пьет сейчас. И, действительно, в его словах есть доля правды, поэтому я спускаю все на тормозах в этот раз. Только в этот раз.

— Тебе нужно пообщаться с этой красоткой из садов побольше, — говорит ЭйДжей. — И помириться с Шарлоттой. Подожди, разве ты не сделал это уже сегодня? — он делает еще один глоток.

— Я так думал, — стону я. — Чувак, я так чертовски запутался. У меня есть реальные чувства к Шарлотте... есть... Я хочу быть с ней больше, чем просто какой-то тупой дерьмо-друг. Я всегда с нетерпением жду следующего раза, когда увижу ее, и всегда пытаюсь придумать причину, чтобы позвонить ей ночью. Это же что-то значит, так ведь? — я думаю, что моя пьяная истина заключается в том, что я бегу от тех многочисленных вопросов, которые остаются без ответов в моей жизни. — Но потом я подумал... как насчет женщины с

письмами? Я хочу найти сердце Элли. Не думаю, что Шарлотта поймет это.

Я не беру в голову женщину из сада, скорее всего я никогда больше не увижу ее.

— Я понял твою проблему, — говорит Эйджей. — Боже мой, Хант, что, если... что если письма присылает призрак Элли? — говорит Эйджей, закрыв глаза. — Ты знаешь, нет... — он вертит пальцем в воздухе какое-то время. — Нет. Знаешь что, чувак? Ты мой брат, моя кровь, мой кровный брат, ты это знаешь, — его дыхание становится спокойным, как будто он собирается заснуть. — Итак, я собираюсь помочь тебе. Кроме того, ты выручил меня сегодня вечером, и ты позволил мне переночевать у тебя, ты чертовски хороший брат. Я помогу тебе, Хант. Я помогу тебе найти эту тайную девушку.

— Спасибо, дружище, — говорю я, чувствуя тяжесть на моих веках.

— Что, если? — говорит Эйджей, вытянув меня из приближающегося почти умиротворенного сна. — Что, если ты уже знаешь эту пишущую письма женщину? Ты можешь себе это представить?

— Ты только что сказал мне, что она может быть призраком, — напоминаю я ему. — Но этого не может быть. То, как она пишет в этих письмах, говорит о том, что она не из местных. Она говорит о горах и всякой дряни. У нас нет здесь гор.

— Может быть, она была в отпуске? — говорит Эйджей с удивительной проницательностью для его нетрезвого состояния.

— Может быть, — мои веки проигрывают битву, затягивая меня в сильный туман, такой удобный густой туман, место, которое находится далеко от всяких головоломок в моей жизни, оставив меня наедине с видениями об Элли и жизни, которую мы, как предполагалось, все еще разделяли. Действительно ли это проблема, что я все еще не могу забыть покойную жену? Существует ли правило, которое бы гласило, что вдовцам разрешается горевать только год, прежде чем они должны собраться и снова жить, как нормальные люди? Прошло пять лет, но я люблю ее до сих пор, настолько сильно, как и раньше, и я не знаю, что мне с этим делать.

Временами голос Элли в моей голове просит меня отпустить ее, и это заставляет меня задаваться вопросом: что, если это она пытается сказать мне что-то, или это просто игра моего глупого подсознания, чтобы заставить меня быть мужчиной и двигаться дальше. Я не могу даже доверять своему собственному мозгу, чтобы он сказал мне, что есть правильным.

— Папа-а-а, — шепот Олив врывается в мое ухо, как бонго (*Примеч.: небольшой сдвоенный барабан*) в закрытой душевой кабинке. — Уже девять ноль ноль, — ее слова мгновенно пробуждают мой мозг и тело, заставляя меня резко сесть прямо в кресле. Я спал в проклятом кресле. Уже девять, она пропустила автобус и опаздывает в школу. Это официально самый безответственный мой поступок с того момента, как она родилась.

— Чееееерт, — стонет ЭйДжей, пытаюсь открыть свои глаза.

— Дядя сказал плохое словоооо, — припевает Олив, вытанцовывая по кругу. — Дай четвертак, пожалуйста? — она протягивает руку к нему, ожидая очередную монету, чтобы положить в свою копилку, которая уже переполненная от сборов за ругательства ЭйДжея.

— Олив, иди, поиграй, — стонет снова ЭйДжей.

— Нет, мы опоздали в школу! — наиграно вопит она.

— Черт, я извиняюсь, — на самом деле извиняется ЭйДжей. — Это моя вина.

Так легко было бы свалить все это на него, но не в этот раз, так как это полностью моя вина.

— Это я облажался, братан, — говорю ему. — Прости, дорогая, что я проспал. Я нехорошо себя чувствую. Наверно я заболел, — объясняю я.

— Ты не болен, папа, — говорит строго Олив, скрестив руки на груди. За последние пару лет вот в такие моменты я столько раз хотел сказать «Хорошо, Элли», но постоянно сдерживался.

— Я болен, — говорю я ей. — У меня болит голова и живот, — она молчит, но по ее взгляду я могу понять, что она не понимает, почему я вру, но точно знает, что это наглая ложь.

— Я отвезу ее в школу, — говорит ЭйДжей, уходя на кухню.

— Ты воняешь «Джеком», так что нет, — говорю я ему.

— Кто такой Джек? — спрашивает Олив. — Джек был в тюрьме? Как Джек в коробочке, но только Джек в тюрьме? — смеется она злорадно над своей прикольной шуткой. Я бы тоже посмеялся, если бы моя голова не раскалывалась на две части. (*Примеч.: Джек в коробочке — коробочка с выскакивающей фигуркой, игрушка*).

— От тебя несет не лучше, — отвечает ЭйДжей мне.

— Собери ее, а я схожу в душ, всего две минуты, — говорю ему.

Я бегу вверх по лестнице, срывая одежду по пути. Когда я отдергиваю занавеску в душе,

сдвигая ее по штанге, протяжный визг металлических колец врезается в мою голову. Иисус. Мне нужен «Адвил»... много «Адвила». Включив вентиль горячей воды на полную мощность, я шагаю внутрь, позволяя каскаду из капель окутать меня, словно теплое одеяло. Пар заполняет мою голову, не оставляя места для блуждающих мыслей или воспоминаний о тех мыслях, которые я пытался утопить в выпивке прошлой ночью. *Чертова Шарлотта.*

Стоит задуматься над этим, потому что я реально удивлен, почему она не зашла и не постучала в мою дверь, когда не увидела нас на автобусной остановке. Она, должно быть, действительно сильно разозлилась, но я не понимаю, почему. Для того, кто занимается сайтом знакомств и специализируется на отношениях, она должна знать лучше всех, что коммуникация является ключевым компонентом. Поэтому, не я здесь неправ, а она.

После того, как намылил волосы и тело, я по-прежнему нуждаюсь в высвобождении моего гнева и разочарования. Я хватаю член, закрываю глаза и позволяю моему воображению бежать, надеясь забыться хоть на несколько минут, за исключением того, что даже, блядь, фантазировать уже не о ком. Мое мужское достоинство — не работающая обвисшая пустышка. Может быть, хорошо, что я не переспал с Шарлоттой прошлой ночью. Может быть, моя мужская сила умерла с Элли.

Я беру полотенце и выхожу, прихватывая Listerine с полки. (*Примеч.: товарный знак антисептического средства для полоскания рта и горла*). Набирая в рот синюю жидкость, позволяю ей просочиться вниз по задней стенке горла. Ощущение жжения приводит меня в чувство, это лучше, чем страдать от похмелья, даже если это напоминает мне о том, что «Джек» все еще разлагает мои кишки с прошлой ночи. По крайней мере, от меня не будет нести перегаром.

У меня уходит меньше пяти минут, чтобы натянуть что-то из одежды и спуститься вниз, где я нахожу Шарлотту, сидящую на диване.

— Привет, — говорит она. Ее голос наполнен стыдом, досадой и обидой.

— Привет. Ты в порядке? — спрашивает она.

— Не очень.

Она заправляет прядь волос за ухо, привлекая мое внимание к своим блестящим глазам. Она плакала?

— Я подумала, что произошло что-то, так как тебя не было на автобусной остановке.

— Да, я... мне нужно отвезти Олив в школу. Она опаздывает, и это моя вина.

— Хочешь, я ее отвезу? — предлагает она.

Часть моего неблагоразумного гнева с прошлой ночи кипит в ответ на ее вопрос:

— Спасибо за предложение. Я могу сам отвезти ее. Но... — не знаю, что, черт побери, я натворил, но в ее взгляде определенно что-то есть, — если ты хочешь проехаться, то я не против.

Может быть, в этот раз она прольет свет на мою неизвестную ошибку.

Она думает всего минуту, чтобы ответить, глядя в окно в сторону своего дома. Если бы я знал, что происходит в ее голове.

— Пожалуйста, — говорю я ей. Все должно быть не так. Я предпочел бы вернуться к ее дивану и возобновить то, что мы делали вчера, и пропустить всю ту часть, где моя вина все испортила.

Олив уже готова и ждет у двери с рюкзаком на плече. Ее волосы собраны в какой-то стремный хвостик благодаря стараниям Эйджея... Я даже не знаю, что он пытался сделать. Шарлотта тоже замечает эту прическу у Олив, подходит к ней и опускается на колени рядом.

Она вытягивает резинку из волос Олив и зажимает ее между зубами, пока пальцами пробегает сквозь локоны малышки. Лицо Шарлотты сразу же преображается, словно ее делает счастливой то, что она заботится о моей дочери. Через несколько секунд мастерство Шарлотты в собирании прически со всех сторон, не пропуская ни одного волоска, преобразуется в совершенный хвостик — то, что мне еще приходится осваивать. Вот почему бедняжке нужна мать. Меня не учили делать прически маленькой девочке.

— Идеально, — говорит Шарлотта, нежно пощипывая Олив за щечку.

Олив обнимает ручонками шею Шарлотты и крепко прижимается к ней:

— Я люблю тебя, — говорит она.

У меня горло сжимается узлом; сердце переполняет боль и облегчение, но в основном боль. Эти три маленькие слова, которые были только моими с самого рождения Олив, теперь сказаны женщине, которая, возможно, ненавидит меня. Женщине, с которой я не уверен, смогу ли двигаться вперед по причинам, которых, возможно, даже не должен иметь. Простое создание идеального хвостика подарило ей эти священные слова. Олив не понимает этого, но ей нужна женщина в жизни для того, чтобы делать для нее то, что делаю я. *Как я мог так облажаться?*

Шарлотта, все еще крепко обнимая Олив, смотрит на меня, в этот раз с сожалением в глазах, как будто хочет извиниться за только что сказанное Олив. Хотя я не хочу, чтобы она извинялась.

— Готова идти? — спрашиваю я Олив. Она подходит медленно ко мне и обвивает руки вокруг моей ноги. — Я тебя тоже люблю, папа, — что происходит внутри этой маленькой головки сегодня? Иногда я задаюсь вопросом, чувствует ли Олив ту же боль, что и я, но единственная боль, которую она действительно чувствует, это та, что привил ей я. На самом деле, она не знала Элли, она не понимает, что значит потерять кого-то, и она не понимает, каково это — иметь мать. Это вещи, которые чувствую в своей голове только я, и когда я предполагаю, что она тоже может чувствовать эту боль, это вызывает большое чувство ненужной вины.

— Увидимся на участке, — кричу я ЭйДжею, который наливает себе уже третью чашку кофе. Он быстро кивает, не отрывая рта от кружки.

Все еще задаваясь вопросом, собирается ли Шарлотта ехать или нет, я берусь за ручку двери грузовика.

— Место все еще свободно, — говорю я ей.

Шарлотта смотрит еще раз вдоль улицы и, поместив кончик большого пальца между зубами, серьезно обдумывает эту короткую поездку.

— Ладно, — говорит она почти неслышно, прежде чем обойти машину с другой стороны. Когда мы, наконец, загружаемся в грузовик, Шарлотта произносит: — Мне очень жаль.

— У тебя нет оснований сожалеть, — говорю я ей. Я имею в виду, может быть, неоправданно злиться и можно, но я никогда не был поклонником людей, которые извиняются из-за пустяков. Жизнь слишком коротка для этого.

— Я не должна была ожидать, что ты расскажешь мне все, — продолжает она. — Я подумала... — она замолкает на мгновение, прижимая пальцы к вискам, как будто у нее болит голова. *Может быть, это боль от сочувствия ко мне.* — Думаю, я просто очень хотела, чтобы у нас все получилось, и мысль о том, что у тебя происходит что-то еще с другой женщиной, сделала меня немного сумасшедшей.

Ох, что? С кем у меня что-то происходит?

— Почему ты так подумала? — спрашиваю я.

— Мы должны поговорить об этом позже... когда привезем Олив в школу, — говорит Шарлотта, с улыбкой оглядываясь на Олив.

Без шуток. Не знаю, почему она даже затронула этот вопрос с Олив в машине. Какого черта она думает? Я сворачиваю на школьную парковку и останавливаю грузовик.

— Вернусь через минуту, — говорю я Шарлотте.

Я отстегиваю Олив от ремней и бегу трусцой рука об руку с ней в школу, передав ее администратору, которая настороженно таращится на меня:

— Доброе утро, Олив, — говорит она, возвращая улыбку Оливии, а затем, взглянув на часы, смотрит на меня с приподнятыми бровями. — Доброе утро, мистер Коул.

— Доброе утро, — приветствую ее в ответ, чувствуя себя подобно нашкодившему пятилетнему пацану, и наклоняюсь, чтобы поцеловать Олив в макушку. — Домой приедешь на автобусе, я буду ждать тебя на автобусной остановке, хорошо? — добавляю я, договариваясь с ней.

— Хорошо, — говорит она. — Повеселитесь с Шарлоттой сегодня, — она хихикает и шлепается на пластиковый синий стул позади нас.

— Да, мистер Коул, действительно весело проведите время с Шарлоттой сегодня, — говорит администратор, скрестив руки на своей большой груди. Ее очки сползают на кончик носа, и она косит одним глазом: — Будущее детей в значительной степени зависит от их образования. Очень важно учесть, что Олив должна быть вовремя в школе с утра.

В самом деле? Я никогда не позволял ей опаздывать раньше. Старушка, прости мне мой маленький проступок, ладно?

У меня такое ощущение, будто я бегу по пустому залу как собака, поджав хвост. Выйдя из школы, я с нетерпением бегу к своему грузовику, желая поскорее прояснить все обвинения в свой адрес от Шарлотты.

Я запрыгиваю обратно в машину, где Шарлотта терпеливо ждет меня, прокручивая сообщения в своем телефоне.

— Ты опаздываешь на работу, — говорю я ей, — но я хочу поговорить, если у тебя есть время.

— Да, нам нужно поговорить, — говорит она, положив телефон на колени. — Я думаю, нам стоит начать с писем... и женщины в саду.

Вот черт. Олив... моя маленькая болтушка. Теперь я начинаю понимать, откуда произрастают корни гнева Шарлотты.

Стонущий звук образуется в задней части моего горла. Так всегда происходит, когда я не могу придумать нужный ответ. Я все еще прокручиваю в голове мысли, приходящие мне сейчас на ум, пока усаживаюсь на водительском сиденье.

— Эти письма были секретом в течение очень долгого времени, и не только для тебя, но и для всей моей семьи. Я думаю, это нечто между Элли и мной. Здесь действительно нет никакого другого объяснения, мне нечего скрывать, кроме того, что я просто решил оставить это личным.

— Эта женщина пишет тебе письма каждую неделю или около того. Я не могу не задаться вопросом, что еще в этой тайне мне неизвестно?

— Больше ничего, — отвечаю я. — Я даже не знаю ее. Это просто письма, и не думаю, что хотел бы делиться с кем-нибудь этим.

— Я должна была просто спросить тебя вчера вечером вместо того, чтобы выбрать из двух зол худшее, — произносит она, теребя рыхлую нить на джинсах.

Меня охватывает чувство вины, когда я вспоминаю о том, как смотрел на Ари в садах, но я не смотрел бы на нее так, не будь зол на Шарлотту, когда узнал, что между ними с ЭйДжеем что-то было.

— Может, мне стоит напомнить тебе о секрете, который вы с ЭйДжеем скрыли от меня? — я заканчиваю свой вопрос с хитрой усмешкой, пытаюсь закрепить прекращение конфликта.

— Справедливо, — говорит она, выпустив облегченный вздох.

— У меня никого нет, и я ни с кем не сплю, — подтверждаю я.

— И я, наверное, никогда бы не пришла к такому выводу, если бы Олив не сказала мне о твоём свидании с «Диснеевской принцессой», — она показывает кавычки воздухе, — в садах.

Это объяснить будет немного сложнее, так как я не знаю много об Ари, кроме того, что мы разделяем общий интерес к месту, которое периодически посещаем. *Олив вырыла мне миленькую ямку.*

— С этой женщиной я столкнулся пару раз в садах, когда навещал Элли. Казалось, что она тоже прошла через что-то плохое в своей жизни, и я поболтал с ней в течение нескольких минут. Я не знаю многого о ней... — чувствую, что нахожусь в обороне, пытаюсь оправдать свои действия, когда на самом деле я ничего плохого не сделал, только не сказал, что она была привлекательной женщиной. Это не преступление, даже счастливо женатые мужчины делают это.

— Я понимаю, — говорит Шарлотта. — Серьезно. Но я уверена, что ты сможешь понять мои внезапные приступы беспокойства или вопросы.

— Конечно. Если это беспокоит тебя, то я понимаю, но есть некоторые вещи, которые мне не изменить в своей жизни, мой собственный здравый смысл, как и эти письма, и я не могу ничего поделать с этим. Я не хочу просить тебя привыкнуть к ним, но это всего лишь багаж, который идет вместе со мной.

— Я принимаю его. И я все еще хочу этого, — говорит она, положив свою руку на мою. — Я разозлилась прошлой ночью, потому что я очень, очень сильно хочу этого. Тебя. Я просто хотела убедиться, что мы на одной ступени, и я думаю, что пора двигаться дальше.

Я смотрю на нее, переворачиваю свою ладонь и сжимаю ее пальцы.

— Я хочу того же.

Она отстегивает ремень безопасности и роняет телефон в подстаканник. Я не знаю, как у нее получается так маневрировать в машине, но она перепрыгивает через центральную консоль, упираясь коленями по обе стороны моего тела. Я даже не успеваю среагировать, как ее губы касаются моих. Ее руки скользят мне под рубашку, и, черт возьми, мы до сих пор находимся посреди школьной стоянки. Я отстраняюсь.

— Ты с ума сошла? — смеюсь я. — Нас упекут за решетку, потому что мы пропагандируем педофилию или еще что-нибудь, делая это здесь, на школьной стоянке.

Она смеется и убирает свою руку из-под моей рубашки. Уткнувшись головой в мое плечо, она бормочет:

— Черт, ты прав. Как быстро ты можешь доехать до дома?

— Достаточно быстро, — говорю я.

Мы уже на полпути к дому, когда я чувствую, как Шарлотта проводит рукой по моей

ноге.

— Шарлотта, я убью нас обоих, если ты не остановишься.

Но она не останавливается. Она продолжает вести руку вверх, пока не достигает моего члена. Нежно сжимая его, она медленно начинает двигать рукой назад и вперед по моей внезапно образовавшейся безумной твердости. Я собираюсь выпрыгнуть из своих чертовых штанов прямо сейчас. *Боже, он жив.*

К тому времени, как мы паркуемся у дома, я чувствую себя как поднятая палатка, которая сдуется за секунды. Она бежит впереди меня, открывает дверь и врывается внутрь. Ее рубашка летит на пол прежде, чем я даже успеваю переступить порог. Иисус, это не может происходить в реальности. Джинсы летят вслед за рубашкой, а затем она стоит передо мной в черных трусиках и черном кружевном бюстгальтере, который не оставляет ничего для полета фантазии. Я поднимаю ее, и ноги девушки оборачиваются вокруг моего тела, когда несу свою ношу вверх по лестнице в ее спальню — комнату, в которую я до сих пор не заходил. Я кладу ее на кровать и стаскиваю с себя рубашку, пока она занимается моим поясом, ширинкой, пуговицей... Брюки — до свидания. Боксеры тоже. Ее бюстгальтер, определенно, лишний, а трусики уже висят на углу спинки кровати.

Я приподнимаюсь на кровати, возвышаясь над ней, а затем наклоняюсь и захватываю зубами один из ее сосков нежно-розового цвета. Это все, что нужно для того, чтобы она начала стонать, ну и побудить меня ускориться. Я провожу рукой вниз вдоль ее тела, пока не останавливаюсь между ног, где я гостеприимно встречен обильными соками. Я предполагаю, что прелюдии без надобности, на ощупь она совершенно готова, но я еще не все исследовал. Я проскальзываю двумя пальцами внутрь нее, чувствуя, какая она тугая вокруг меня, от этого мой бедный и не такой уж мертвый член впадает в ревность. Ее стоны становятся громче, движения резче. Не давая ей кончить раньше меня, я вытаскиваю пальцы, давая ей возможность достать презервативы из тумбочки.

Надев его на мою пульсирующую твердость, она обхватывает мой член пальцами и тянет меня к себе. Мои мысли размыты, я потерялся в ощущениях, мое тело в предвкушении уже благодарит меня. Я закрываю глаза и вонзаюсь в нее, неожиданно обнаружив по ее крику, что она любит жесткий и грубый секс. Яжимаю ее руки над головой, пока толкаюсь в нее именно так, как и хотел все это время. Она оборачивает ноги вокруг меня, заключая в кольцо, пока кричит так громко, как я и не думал, что женщины вообще могут кричать. Ее спазмы говорят мне о том, что она кончила, но я думаю, она знает, что я еще нет.

Она сжимает руками мои бицепсы и опрокидывает на кровати, взбираясь на меня верхом, подарив мне самый невероятный вид снизу на ее большие подпрыгивающие сиськи. Я хватаюсь за ее бедра, наслаждаясь тем, как ее задница чувствуется в моих ладонях. Поймав ее губы, я понимаю, что она снова на грани оргазма. Но на этот раз она не будет одинока. Давление и тепло ее тела делают свое дело, как будто она знает точную секунду, когда и как ей стоит двигаться, и я кончаю. Такое чувство, что вся моя депрессия исчезает, растворившись в этой кровати подо мной. Я не думаю, что могу пошевелиться прямо сейчас. Не думаю, что хочу этого.

Она падает на меня сверху, припадая губами к моей шее и застывая там, — это то, что нужно.

— Ты удивительный, — шепчет она у моей кожи. — У меня никогда не было ничего даже близкого к тому, что ты только что дал мне.

Ее слова — это пробуждение и комплимент одновременно. Я не уверен, что могу

понять это, особенно после того, как моя почти мертвая часть тела, та, что ниже пояса, так долго отсутствовала, но я воспринимаю это как хорошее похлопывание по спине.

— Ты и сама не так уж плоха, — бормочу я. — На самом деле, ты чертовски невероятная.

Улыбка расплзается на моих губах, когда я складываю руки за головой. Я действительно чувствую себя сейчас на миллион баксов.

— Нет, я думаю, ты не понимаешь... — говорит она. — Никто и никогда не мог довести меня... ну, ты понимаешь. Ни одного раза, а тут дважды?

Ее слова и мягкий смех, как десертное вино — идеальное окончание наивкуснейшего обеда.

Она была замужем, но никто и никогда не довел ее до оргазма? Я не знаю, стоит ли удивляться или на самом деле гордиться своими усилиями. Мне проще предположить, что я — невероятный.

— Ничего себе, постарайся не тешить мое самолюбие так часто, — говорю я ей.

— Я не буду поднимать твою самооценку, но... — ее слова обрываются, когда она спускается вниз по моему телу, принимая мой все еще очень жесткий член в свой рот.

Я никогда не смогу двигаться снова. Это оно. Я сделал... *«без разницы»*.

ФЕВРАЛЬ

— *Два месяца спустя* —

Во время того, как тщательно убираю каждый участок обработанного покрытия, мое внимание привлекает ЭйДжей, прислонившийся к дальней стене и уставившийся в свой телефон. Неопределенное выражение блуждает на его лице, и я не могу понять, что на него нашло.

— Как прошла вчерашняя ночь? Ты, наконец, поговорил с Алексой? — спрашиваю я его.

— Это не важно, — бормочет он, что-то набирая в своем телефоне. Его челюсть сжимается и разжимается, он учащенно дышит, — это то, что он всегда делает, когда чем-то расстроен или зол.

— Чувак, что-то явно происходит.

— Твою мать, Хантер, ты можешь дать мне чертову минуту? — я подхожу к нему, игнорируя его просьбу, потому что Бог знает, он всегда делает то же самое. Он ведет себя точно так же. Всякий раз, когда мне нужно пространство, он душит меня и загоняет в угол до тех пор, пока не сломает. Думаю, что это и есть братская любовь. — Не делай этого сейчас, — огрызается он, бросая свой телефон через всю комнату. Я смотрю, как тот отскакивает от противоположной стены.

— Это не наш дом, — напоминаю я ему. — Поговори со мной. Просто переведи дыхание.

— Да, я сделал это вчера вечером, — выдавливают он. — Я сказал ей, что хочу чертов развод, — ему потребовалось всего два месяца, чтобы наконец-то сказать ей.

— Это хорошо, верно? — спрашиваю я. — Разве не этого ты хотел?

— Да, — кричит он. — Это то, что я хотел сделать! — тогда я не понимаю в чем проблема. Почему он так расстроен, если это то, чего он хотел? — Черт! Черт! Черт! — он бежит через всю комнату, хватая свой телефон с пола и, подняв его, проверяет что-то в нем. Я не знаю точно, цел он или нет, но он явно уже не прежний, раз ЭйДжей бьет по кнопкам.

Он подносит трубку к уху, параллельно запуская пальцы в свои густые волосы. На долю секунды он здесь со мной, а в следующий миг в бешенстве уже несется в другой конец дома. Я тоже следую за ним.

— Какого черта ты несешь? — спрашивает он, его голос низкий и мягкий. Он не хочет, чтобы я услышал, тем больше оснований для меня, чтобы подслушать. — Откуда ты знаешь? — он молчит, слушая. — Эти вещи не всегда точны, — еще одна пауза, скорее всего наполненная словами, которые я очень хотел бы услышать. — Алло? Иисус. Алло?

ЭйДжей оборачивается, замечая меня ближе, чем в нескольких метрах от себя. От гнева белки его глаз наливаются кровью.

— Она, блядь, залетела, — говорит он сквозь зубы.

Ой, бля. Вопрос «от тебя?», наверное, не лучший выбор слов на данный момент, но это именно то, что выходит из моего рта. Конечно, от него. Ну, может, от него.

— Ты спрашиваешь меня, трахалась ли она с другими парнями? Потому что я не делал этого! Какого черта я должен делать? Ты думаешь, он мой? Предполагается, что теперь я должен помириться с ней? Возможно ли вообще наладить отношения с ней? Я чувствую, что у нас все было неправильно с самого начала. Твою мать! Черт, что мне делать, Хантер?

Пот бисером собирается у него на лбу. Он сейчас сходит с ума. Я не уверен, что ЭйДжей хотел когда-нибудь стать отцом. Он что-то говорил мне об этом после того, как Элли умерла. Тогда он был бухой в хлам, конечно, но это было что-то типа того, что он никогда не хотел бы оказаться на моем месте — отцом-одиночкой, потому что не смог бы делать то, что делаю я. Это был комплимент или что-то вроде того, но я могу понять, почему моя жизнь могла напугать его. Она и меня пугает до чертиков.

— Давай-ка ты остынешь на секунду, — говорю я ему. — Садись, — он не садится. Вместо этого он продолжает вышагивать и рвать на себе волосы. — ЭйДжей! — я стараюсь говорить спокойно, чтобы мой голос успокоил его, хотя бы ненадолго.

— Я не могу сделать то, что делаешь ты, Хантер. Я не смогу сделать это. Я не могу остаться с Алексой и не собираюсь оставаться в этом ужасном браке, Бог знает, сколько времени, только потому, что у нас будет общий ребенок! — его гнев понемногу утихает, но я отчетливо вижу, просто посмотрев в его глаза, что каждый возникающий вопрос вызывает новые терзания в его голове.

— Ты должен выяснить, твой ли это ребенок, — говорю я ему снова. — Так мы сможем разобраться с этим.

— Как, черт возьми, я узнаю, что он мой? — в свои двадцать восемь лет он что, не знает, как?

— Тест на отцовство. Это можно сделать еще до рождения ребенка, — я беру пылесос, чтобы закончить уборку. — Просто убеди ее пойти и сделать это, — я регулирую пылесос и наклоняюсь, чтобы нажать кнопку, но останавливаюсь, когда еще одна мысль приходит мне в голову, — когда последний раз вы двое...

— Она не прикасалась ко мне неделями. Даже не подходила ко мне. Мне везло, если она отсасывала мой член хотя бы раз в месяц.

Круто, это, конечно именно то, о чем мне обязательно нужно знать. В любом случае, я думаю, что ему, возможно, повезло с этим.

— Найди ее и сделай тест на отцовство. Я закончу здесь.

ЭйДжей, не раздумывая, хватает пальто из шкафа и вылетает за дверь. Всего несколько секунд, и я слышу двигатель его машины, хотя на улице минусовая температура. Я искренне надеюсь, ради его же блага, что ребенок не его.

Я заканчиваю раньше, чем предполагал, и, собравшись за минуту, отправляюсь домой, чтобы встретить Олив с автобуса. Уже на подъездной дорожке замечаю, что люк на моем

почтовом ящике приоткрыт. Почту обычно не приносят так рано, но, возможно, я не закрыл его вчера. Или, может быть, там что-то есть. Выскочив из грузовика, я бегу к дороге, засовываю руку в ящик и извлекаю конверт. Ощущая текстуру бумаги, я уже знаю, что это от нее. Она приходит сюда, чтобы положить письмо в мой почтовый ящик, а я ни разу не видел ее. Для тех, кто хочет остаться неизвестным, это странно, что она приносит письма сама, а не пользуется рассылкой. Если она знает, где я живу, тогда не так сложно узнать мой адрес. Откуда она знает, где я живу? Мы переехали сюда всего несколько месяцев назад.

Сначала я хотел открыть конверт прямо здесь, но предположил, что Шарлотта может видеть меня из своего окна, а я бы не хотел еще раз беседовать с ней об этой анонимной женщине.

Зайдя внутрь и немного запыхавшись от волнения и бега по дорожке, я вытаскиваю письмо из конверта.

Уважаемый Хантер.

Так больше продолжаться не может. Ее сердце болит за вас каждый раз, когда я отправляю Вам письмо. Чувство вины наполняет мою душу и накрывает меня, как тяжелое одеяло, и я, кажется, не могу найти выход. Я знаю, что не отвечаю за лишение ее жизни, но чувствую, что поддерживаю ее в живых для Вас, и в то же время держу это сердце в заложниках ради Вас.

Я спорила сама с собой последние пару недель, действительно ли я правильно поступаю, и думаю, что это так.

Я попросила врачей скрыть от Вас всю информацию обо мне, потому что не думаю, что готова встретиться с Вашей семьей, которая, к сожалению, потеряла очень дорогое сердце, которое я так горячо защищаю. С осознанием несправедливости в этой ситуации, поскольку Вы не просили оставить Вас анонимом, я чувствую, что должна раскрыть свою личность, чтобы предоставить Вам правильное решение. Эти письма не были справедливы ни к одному из нас, и я была эгоисткой, присылая их.

Я хотела бы попросить Вас встретиться со мной в «Бордерлайн Гриле» на ужине сегодня в семь. Я понимаю, что это совсем скоро, и знаю, что Вы должны позаботиться об Олив, но если я не сделаю этого сейчас, то никогда не смогу найти в себе мужество сделать это снова.

Я пойму, если это слишком, чтобы просить Вас, или если Вы не хотите встретиться со мной. В любом случае, я ценю Ваше внимание.

*С наилучшими пожеланиями,
Ее Сердце.*

Мои руки трясутся, когда я перечитываю последнюю часть письма несколько раз подряд. Я не уверен, что могу проследить за ее мыслительным процессом или за тем, что она чувствует. Она хочет встретиться, чтобы двигаться дальше? Эти письма были связью, в которой я нуждался последние пять лет, и мысль о том, что я больше не буду получать их, причиняет мне боль. Я ввел в заблуждение себя, живя вымышленными отношениями? Я рассматривал возможность, что это побочный эффект моего сумасшествия, но старался избегать этих мыслей.

Я не могу попросить Шарлотту присмотреть за Олив сегодня. Я должен буду объяснить,

зачем, но не хочу снова врать, особенно учитывая то, что происходит между нами. Даже если бы я попытался объяснить это ей, она сказала бы, что понимает, но я знаю ее лучше. Я был рядом с этой женщиной достаточно долго, чтобы понять, что это никогда не имело для нее никакого смысла. В любой другой ситуации я бы никогда не сделал нечто подобное — скрыть тайную встречу с женщиной, но она является хранительницей сердца Элли, и это делает ее кем-то бóльшим, чем обыкновенной женщиной, и вся эта ситуация отнюдь не обычная.

Я достаю свой телефон из заднего кармана и большим пальцем набираю сообщение.

Я: Не могла бы ты присмотреть за Олив сегодня вечером пару часов?

Мама: Конечно. Все в порядке?

Не задумываясь, я отвечаю.

Я: Да, у меня сегодня встреча с клиентом. Мне сообщили об этом в последнюю минуту.

Мама: Чудесно, дорогой. В какое время тебе нужно быть там? Я могу сделать ей ужин, если хочешь.

Я: Было бы здорово. В шесть?

Мама: Тогда увидимся, милый.

Думаю, что солгать ей, это не настолько плохо, как соврать Шарлотте.

Почти потеряв счет времени, я слышу, как хлопает дверь в доме напротив, и вижу, что Шарлотта идет по дороге к автобусной остановке. Выходя на улицу, я привлекаю ее внимание. Она выглядит удивленной.

— Я думала, что ты еще на работе, — говорит она, дрожа от холода.

— Мы закончили пораньше, и я забежал домой ненадолго, — заняло всего несколько секунд, чтобы понять, как холодно на самом деле на улице. — Может, возьмем машину?

— Спасибо, но я, пожалуй, прогуляюсь, — говорит она, ее слова заглушают кулачки в перчатках, прислоненные к ее губам.

— Все в порядке?

Я имею в виду, что случилось? Что-то явно случилось. Она не улыбается как обычно. Нет приветственного поцелуя. Мы вышли на новый уровень отношений, и я уже довольно хорошо узнал ее манеру поведения за последние несколько недель. Одна из вещей, которая мне нравится в ней, это то, что она никогда не скажет мне «ничего», если что-то не так. Она скажет мне точно, что случилось, но не раньше, чем я спрошу.

— Я видела женщину, которая бросила что-то в твой почтовый ящик сегодня. Она не была почтальоном. Это она? Женщина, которая носит сердце Элли?

— Что? — я знаю, *что*. Я использую это слово, как заполнитель, пока не соображу, что я должен сказать. — Ты знаешь, кто она? — я никогда не хотел бы услышать этот вопрос и не хотел бы также на него отвечать.

— Ты знаешь ее? — парирует Шарлотта, возвращая мне мой собственный вопрос. Если бы я знал, кто она, то у нас не было бы этого разговора.

— Нет, — отвечаю я.

— Ну, ты проверял свой почтовый ящик? — спрашивает она.

— Да, — я воздерживаюсь от лжи, следуя своим принятым немного ранее намерениям.

— Таким образом, ты знаешь, кто это, — сообщает она мне беззлобно.

— Письмо было анонимным.

— Это была она, — шепчет Шарлотта, дыхание вырывается из ее рта облачками пара на холодном воздухе.

— Я здесь! — кричит мама у входной двери. — Где мое маленькое Оливковое масло?

Олив смотрит телевизор в гостиной, а я пялюсь в зеркало последние двадцать минут. Я не уверен, что хочу там увидеть, может быть, надеюсь найти там оправдание. Но не тут-то было. Шарлотта несчастлива. Она, скорее всего, разозлится на самом деле. Я не могу сказать, что бы сделал, будь на ее месте, но я бы, наверно, переживал. Мне не все равно, особенно после того, как я влюбился в Шарлотту. Но это — другие отношения, или что бы это ни было, это женщина, которая владеет сейчас сердцем Элли. Я просто не могу отказаться от этой возможности, ведь я хотел этого больше всего на свете, с того самого момента, как получил первое письмо от нее. Я обязан это сделать ради моего любопытства, моей боли в сердце... и Элли.

Чего я не понимаю, так это того, почему вдруг эта женщина решила перестать скрываться. В любом случае, я надеюсь узнать все сегодня вечером. Я столько раз, засыпая, представлял себе, как она может выглядеть. Безликая женщина — это единственное, что приходило на ум, хотя, нет, скорее безликая женщина с сердцем из золота, сердцем, которое может пережить самую удивительную женщину, которая когда-либо существовала в этом мире.

— Хантер, милый, — зовет меня мама, ее голос становится громче по мере приближения. Она поворачивает из-за угла, входя в мою спальню, на ее лице вопросительный взгляд. — Должно быть, довольно крупный клиент?

— Да, это огромная возможность, которую я так долго ждал, — это не ложь, только касаясь части про клиента. — Спасибо, что пришла посмотреть за Олив, — говорю я.

— А почему ты не попросил Шарлотту приглядеть за Оливией, как обычно в последнее время? — спрашивает мама.

— Я не хочу слишком часто использовать в своих интересах ее готовность помочь мне, — честно отвечаю я.

— Понятно... — говорит она с этим взглядом, выражающим интерес, не потерпел ли я фиаско в ее мечтаниях обзавестись новой невесткой. — В любом случае... — мама убирает волосы со лба с мягким вздохом, — ты говорил сегодня со своим братом?

Ох, черт. До меня доходит понимание того, что Эйджей, скорее всего, не сказал маме о своей неожиданно возникшей проблеме. Черт, она же знает, что мы сегодня работали вместе.

— Да, мы работали утром.

— Ты знаешь, куда он отправился после работы?

Не то чтобы она нас чересчур контролировала, но она может спокойно выудить всю информацию из меня прямо сейчас. Она что-то знает.

— Неа, я был немного занят.

И это правда.

— Хмм... — она проводит пальцами по комоду, поднимая облако пыли в воздух. — Тебе действительно нужна домработница, — говорит она, вытирая палец о брюки.

— Запомню, — вздыхаю я. — Ладно, я постараюсь вернуться не поздно, — надеюсь на это. Наконец, отводя свой взгляд от зеркала, я резко вздыхаю и сглатываю, пытаюсь избавиться от сухости во рту.

— Ты надушился для *клиента*?

Боже мой.

— До свидания, мама, — я сжимаю ее плечи и целую в щеку. — Еще раз спасибо.

Попрощавшись с Олив и отбившись от ее четырех миллионов вопросов, я выскальзываю за дверь и сразу сажусь в машину, надеясь остаться незамеченным. Не знаю, наблюдает ли Шарлотта за мной из своего окна прямо сейчас, но чувствую, как будто причиняю ей боль, поступая так, даже при том, что не рассказал ей про встречу. Мне ненавистно то, что я выбрал именно такой способ, но и не стоит терзать себя, пытаюсь выяснить, правильно ли я поступаю или нет. Я просто знаю, что должен это сделать.

Чем ближе я подъезжаю к «Бордерлайн Гриль», тем тяжелее мне дышать и тем быстрее слабеет моя решительность. Как я ее найду здесь? Она не сказала мне, во что будет одета, или даже свое имя. Так что же, теперь мне придется подходить к каждой женщине в ресторане и спрашивать, не пишет ли она странные письма, или «Эй, простите, это может прозвучать странно, но случайно не у тебя ли сердце моей жены в груди?» *Какого черта я делаю?* Может, у меня существует безмолвная связь с ней, и я буду просто знать, глядя на нее, что это — она. Да уж, эта мысль смешна.

Через пять минут езды, не усмирив в голове свои лихорадочно мчащиеся мысли, я поворачиваю на полупустую парковку. Пробегаюсь взглядом по ряду автомобилей, ища любую машину, которая может подсказать мне что-то, но это глупо. Это всего лишь машины.

Я задыхаюсь, выйдя из грузовика. Если не возьму себя в руки, чтобы не упасть, то буду целовать асфальт.

Мне кажется, что эти двадцать пять шагов до входной двери превращаются всего в три, и я хватаюсь за ледяную дверную ручку. Такое ощущение, что небольшой порыв ветра удерживает дверь, не давая ее открыть, но на самом деле это мои мышцы отказываются функционировать. Ресторан оказался небольшим, что-то вроде закусочной, в которой в данный момент все присутствующие повернули свои головы в мою сторону на звон открывшейся двери.

Я задерживаю дыхание и толкаю дверь, шагая внутрь. Оглядывая людей, сидящих в кабинках, замечаю, что никто из них не сидит в одиночестве. Может, она привела кого-то с собой... мать, отца, сестру или брата? Я похож на психа, если уж на то пошло. Хотя даже не знаю, есть ли у нее родственники. Я почти ничего не знаю о ней. Возможно, было бы умнее взять с собой кого-нибудь, например, Шарлотту. Может быть, это был бы правильный путь, чтобы справиться с этим. *Однако теперь уже поздно.* Да какая разница, это же не свидание

вслепую. Я просто хочу познакомиться с ней. *Я просто хочу быть рядом с ее сердцем.*

Пока я по-прежнему сканирую взглядом зал вверх вниз справа налево, никто уже не обращает на меня внимания, а это говорит о том, что никого не интересует, что я мог бы быть Хантером. Она знает, как я выгляжу? Я думаю, что, скорее всего, да, иначе откуда она знает, где я живу и как меня зовут. Это не так трудно выяснить.

Я вздрагиваю, когда ко мне подходит официантка в черной юбке и белой блузке. Она молода, может быть, даже подросток. Ее волосы взъерошены, а в темно очерченных глазах затаилась печаль, говоря мне о том, что у нее есть, что рассказать. Мне бы хотелось выслушать ее, но в реальной жизни нет тайм-аутов или перерывов. Поэтому я не буду интересоваться, все ли у нее в порядке, когда она спрашивает меня, нужен ли будет столик на одного? Тот факт, что я вижу грусть в глазах людей, окружающих меня, заставляет осознать, насколько я отличаюсь от горюющего Хантера, который впервые встретился с Шарлоттой на остановке всего несколько месяцев назад.

— На двоих, пожалуйста, — отвечает на вопрос голос позади меня, прежде чем я успеваю открыть рот.

— Сюда, — говорит официантка, разворачивается и направляется вниз по узкому проходу в сторону последнего пустующего столика в ресторане.

Я должен развернуться. Я должен увидеть ее. Она знает, кто я, даже со спины, а я не знаю, кто она.

Напуганный до чертиков, не оборачиваясь, я иду за официанткой. Когда мы доходим до столика, официантка размещает два меню на нем и желает нам хорошего аппетита. Я проскальзываю на ближайшую твердую скамейку. Я всегда был джентльменом, предлагая даме присесть первой, но сегодня, видимо, потерял свои яйца по дороге сюда. Сердце моей жены находится всего в нескольких сантиметрах позади меня, достаточно близко, чтобы почувствовать дыхание, созданное бьющимся сердцем Элли.

Трус внутри меня хочет убежать и никогда не пытаться больше раскрыть эту тайну, но я уже здесь, и обратной дороги нет. Теперь я понимаю, почему она скрывала свое имя все эти годы. Как только я увижу ее, узнаю ее, поговорю с ней... все изменится.

Я ненадолго закрываю глаза, чувствуя, что она сейчас сидит напротив, смотрит на меня и, вероятно, задается вопросом, что, черт возьми, со мной происходит, и почему я сижу здесь с закрытыми глазами.

Я кладу руки на стол, сжимая пластиковое покрытие кончиками пальцев. Мое сердце находится на уровне горла, не уверен, смогу ли плотать, и когда ее рука — мягкая, теплая рука, нежно ложится на одну из моих, я мгновенно открываю глаза.

Другой рукой прикрываю рот от шока.

— Ты! — это все, что я могу выдавить.

Она кивает с неуверенной, слабой улыбкой и отвечает:

— Я... — говорит она с нежным смехом, — Роберт Фрост подсказал мне выбрать сегодня другой путь.

— Ты ведь не просто так переехала сюда из Сан-Диего, не так ли? — мои мышцы напрягаются при звуке ее голоса, — а я думал, ты не веришь во все это. По сути, если я правильно помню, ты назвала это «бредом».

Она спокойно выдыхает и смотри на свои колени. После короткой паузы она снова поднимает свой взгляд на меня и смотрит сквозь густые темные ресницы.

— Нет, я соврала насчет Сан-Диего, — говорит она, — и насчет Фроста я тоже могла

ошибиться.

— Почему ты не сказала мне? — спрашиваю я.

— Я не знала как, — говорит она, разрывая наш зрительный контакт.

Мне кажется, в моей жизни слишком много людей, которые не знают, как рассказать мне о разных вещах... важных вещах.

— Эй, я ношу сердце твоей жены, — говорю я, предлагая ей простые слова, которые так легко можно было произнести, когда мы впервые встретились. — И всего-то делов.

— Да, это было бы подходящим способом и совсем не странно, — отвечает она, закатывая глаза. Она наклоняется вперед, позволяя темным волосам соскользнуть с плеч. Абсолютно беззвучно она расстегивает свое пальто, осторожно вытягивая руки из рукавов. На ней черная рубашка с V-образным вырезом, которая обнажает ее ключицы. Мое внимание обращается к самому центру груди, где идеально прямой шрам выглядывает за ткань рубашки. *Это ее сердце.*

— Я хотела сказать тебе, но это вряд ли бы выглядело просто, если бы подбежала к незнакомцу и ошарашила его, — говорит она.

Мы не незнакомцы.

— Вместо этого ты писала мне анонимные письма в течение пяти лет. Неужели ты не поняла, что уже этим меня ошарашила? — может быть, ошарашила не совсем подходящее слово здесь, но я чувствовал себя опустошенным каждый раз, когда читал ее слова. Это поддерживало боль, живущую во мне. *И также сохранило Элли живой для меня.* — И где эта гора, про которую ты писала?

— Это никогда не было моим намерением, Хантер. Поверь мне, — она хватает пальцами свои волосы, убирая их от щек, и я замечаю, что описание Олив про диснеевскую принцессу весьма точно. Она безупречна. — Гора находится на севере. Я люблю совершать короткие поездки, чтобы подумать и хоть иногда побыть одной.

Прокручивая ответы на свои вопросы, я продолжаю:

— Ты знала, что я буду в садах в тот день? Те дни? — спрашиваю я ее. Интересно, как хорошо Ари знает меня.

— Нет, я понятия не имела. Это произошло само собой.

Как будто Элли хотела, чтобы мы встретились. Ничего не происходит само собой. Все заранее запланировано и должно случиться.

— Ничего себе, — мне кажется, это было честно.

— Согласна, — Ари кладет руки на стол, складывая их вместе и переплетая свои идеально наманикюренные пальцы. — Я знаю, что у тебя есть подруга, или, по крайней мере, я так подумала, когда Олив сказала об этом в тот раз в саду. Я абсолютно не собираюсь причинять неудобства или вносить разногласия в твою жизнь и надеюсь, что сегодняшняя наша встреча, на которую именно я пригласила тебя, не станет проблемой.

Не думаю, что можно назвать проблемой то, что я сейчас сижу рядом с бьющимся сердцем Элли:

— У меня есть подруга, но это не имеет никакого отношения к нам, — признаю я.

Она улыбается, услышав это, и я не уверен, что знаю причину ее улыбки.

— Я рада, что ты счастлив. Это избавляет меня от части вины.

Я не понимаю, как она может испытывать чувство вины. Элли умерла и была достаточно благородна, чтобы подумать о том, что произойдет в жизни после ее ухода:

— Ты никогда не должна чувствовать себя виноватой. Прямо здесь и сейчас я понимаю,

насколько замечательной была Элли, которая все продумала заранее, чтобы сохранить жизнь другой, когда ее уже не станет. От этого я люблю ее еще больше.

— Она была Великой женщиной, — говорит Ари, еще раз украв дыхание из моих легких.

— Могу я принять ваш заказ или вам нужно еще несколько минут? — нашу невероятно важную беседу прерывает официантка, и Ари использует это.

— Мне, пожалуйста, салат с маслом и уксусом, и сверху жареного цыпленка.

С ощущением, что спускаюсь с высокой горы высотой с километр, я неожиданно нажимаю на тормоза и ошарашенно смотрю на нее.

— Салат? Ты серьезно?

Она складывает руки на груди.

— Нужно поддерживать это тиканье.

— Она будет гамбургер и картофель фри, — я знаю, что это было грубо, и она может быть вегетарианкой или веганом, или кем-то там еще, но Элли хотелось бы, чтобы у нее был гамбургер и картофель. Если Элли что-нибудь хотела, то она делала это всегда, даже если бы собиралась умереть на следующий день. Что она и сделала — заказала пиццу с двойным сыром и две порции картошки в ночь перед рождением Олив. Она знала, что ей не разрешат есть в больнице, когда начались преждевременные роды. Это было ее последнее желание перед тем, как стать мамой. Женщина получила то, чего она хотела, и это сделало ее счастливой в ту ночь настолько, как будто она была последней. *Последний ужин.*

— Эй, — ворчит она.

— Ты вегетарианка? — спрашиваю я многозначительно.

— Нет, — смеется она.

— Бургер и фри и для меня, пожалуйста, — говорю я, чтобы ускорить процесс принятия заказа официанткой. Тогда она, наконец, уйдет. — Ты знала Элли? Я помню, что ты упомянула о ней в одном из своих последних писем.

Она избегает моего взгляда, пока слезы собираются в ее глазах. Я даю ей время, увидев, как плотно сплетены ее пальцы вместе, делая руки настолько белыми, что, кажется, они светятся под подвесной лампой.

Когда она переводит свое внимание на мое лицо, я вижу в наполненных слезами глазах свое лицо с искаженными чертами. Интересно, какое выражение лица у меня сейчас. Внутри меня так много чувств, которые я не ощущал никогда прежде.

— Я была ее студенткой-практиканткой на протяжении двух лет до ее смерти.

— Студенткой-практиканткой? — я не уверен, зачем переспрашиваю, поскольку знал, что у Элли их было несколько в течение четырех лет, когда она преподавала, но она никогда не упоминала о ком-то из них. — Я не понимаю, — как одно связано с другим.

— Я умирала, — говорит она, когда слезы высыхают. Ее слова звучат сердито, как будто она репетировала ранее, стоя перед зеркалом и повторяя себе снова и снова, что она умирает.

— От чего? — я уже знаю, но мне нужно услышать это.

— Врожденная сердечная недостаточность. Я не должна была дожить до двадцати лет, но дожила, — объясняет она. От ее слов у меня перехватывает дыхание. Элли всегда приходила домой и делилась со мной душещипательными историями. Она всегда имела представление о том, как можно исправить мир в одиночку. И в любой истории, которую она мне рассказывала, сожаление и жалость не были итогом. Она всегда находила решение

проблемы. Почему она никогда не упоминала об Ари — вот что меня волнует. — Она хотела помочь мне.

— В этом вся Элли. Она хотела стать медсестрой, но не переносила вида крови, поэтому нашла единственное верное для нее решение помочь людям — стать учителем.

Ари делает судорожный вдох, ее губы изгибаются в кривой улыбке.

— Она сказала, что если на то будет воля Божья, то я получу ее сердце, то есть, если ее сердце переживет мозг, прежде чем я умру, то мне чертовски повезет. Доброта Элли — это то, что досталось мне; она осталась в ее сердце. Но то, что она говорила мне, будто я буду счастлива, это совсем не так, как мечтала я, надеясь обрести здоровое сердце. Я не считаю, что ее смерть в обмен на мою жизнь — это такая уж удача.

Я хотел услышать все до последнего слова, все, что Ари только что сказала, но мой мозг застрял на одной конкретной фразе, той, которую я никак не могу выкинуть из головы:

— Прости, — я качаю головой. — Что ты только что сказала про ее сердце, пережившее мозг?

Она бледнеет.

— Это то, что она сказала мне, — поясняет Ари.

— Но почему она допускала такой вариант развития событий? — холодный пот скатывается по моей спине, и я чувствую головокружение и слабость настолько сильно, что просто хочу опустить голову вниз и передохнуть. Вместо этого я стараюсь держаться и получить ответы на все свои вопросы. — Ты должна знать, почему она сказала это именно так, правда? — я слышу, как мой голос становится все громче и агрессивнее, но как бы мне ни хотелось утихомирить свой разгоряченный мозг, я не могу с этим ничего поделать. Ари выглядит растерянной, даже слегка напуганной. Такое ощущение, что ресторан сужается вокруг меня, закрывая в этот полый пузырь, где все смотрят на меня, говорят обо мне шепотом, как будто я их не слышу. Я слышу только мысли в моей голове, борющиеся друг с другом, сражающиеся, чтобы просто понять.

Ари смотрит в сторону, встречаясь с взглядами людей, окружающих нас. Я должен чувствовать вину, что заставил ее чувствовать себя неудобно, но вместо этого меня беспокоит тот факт, что я вот-вот взорвусь.

— Она сказала, что ее судьба — подарить жизнь. Что это был Божий план для нее, — говорит Ари.

— Нет. Было что-то еще, — отвечаю я, стараясь не повышать голос.

— Это не мое место, — говорит она. — Я чувствую себя не очень хорошо в этой ситуации, именно поэтому держалась на расстоянии на протяжении многих лет. Я пришла сюда не для того, чтобы рассказывать тебе о том, в чем Элли доверилась мне. Я пришла сюда, чтобы положить конец боли, причиной которой, предположительно, являюсь я, — Ари смотрит вниз на скамью и собирает сумочку, затем пальто. — Это была ужасная идея.

Она уходит. Нет. Она не может уйти. Не после всего этого. Я хватаю ее руку, когда она проходит мимо, удерживая на месте и не давая ей ту свободу, которую она заслуживает.

— Не оставляй меня, — заикаюсь я.

— Отпусти, Хантер, — она вытягивает руку из моей хватки и продолжает идти к двери.

Я лезу в задний карман и вытаскиваю оттуда пятьдесят долларов, швыряю их на стол, хватаю пальто и выбираюсь из кабинки, чтобы последовать за ней. Я думал, что найду ее запертой в своей машине к тому времени, как выберусь на улицу, но она сидит на бордюре перед рестораном, закутавшись в пальто и крепко себя обнимая.

На мгновение все внутри меня расслабляется, и я не уверен, это потому, что временно не боюсь потерять контроль, или потому, что слишком сильно надеюсь на признание, которое заслуживаю.

— Элли и я поддерживали контакт на протяжении многих лет. Я знала, когда ты узнал, что она беременна Олив. Я знала, когда у нее начались схватки. Я знала, когда она умерла. На самом деле, я видела тебя в холле больницы, — пояснила она деликатно.

— Откуда ты знала, кто я? — я сажусь рядом с ней на тротуар, инстинктивно обняв ее в знак предложения мира, изо всех сил пытаюсь понять, что я не единственный, кто чувствовал боль, независимо от путаницы относительно дружбы Ари с Элли. Почему я никогда не слышал о ней? Я действительно думал, что Элли рассказывала мне все.

Ари снова расчесывает пальцами волосы — привычка, которую я заметил за те несколько раз, когда виделся с ней. Профиль ее красивого лица светится сейчас под оранжевым уличным светом и кремовой луной. Она тихо шмыгает носом и притягивает руки к груди, дрожа от холодного ветра:

— Она тебя так любила, — говорит Ари, мягко вздыхая, — сильнее, чем я когда-либо думала, что можно кого-то любить. Она показывала мне фотографии в школе, похожие на глупые картинки для постороннего человека, но она хотела показать твою улыбку, когда вы красили комнату, или как вы сожгли еду, потратив на ее готовку три часа...

Это мало о чем мне говорит, но я хочу услышать больше.

— Элли была безумно, абсолютно влюблена в тебя, — продолжает Ари. — Каждое решение, которое она принимала, так или иначе вращалось вокруг вашей жизни, и хотя я никогда не встречала тебя лично, я чувствовала, как будто знала тебя, когда она говорила о тебе, — мое сердце щемит от удовольствия, слушая ее слова, ее объяснения причины, которую я никогда не смогу полностью понять. Мне нужно было услышать это. Я так сильно нуждался в этом.

— Я знала, что это она умерла, когда мне позвонили из донорского сервиса. Мне сказали немедленно приехать в больницу. Я была наполнена смесью душевной боли, отчаяния и надежды. Я никогда не ощущала столь сильные чувства в одно и то же время. Эгоистичное ощущение удачи стало одним из тех чувств, за которое мне очень стыдно. Я хотела притвориться, что Элли не была донором, что она не потеряла свою жизнь, в свою очередь даря будущее, которое мне не суждено было иметь. Я старалась изо всех сил вытолкнуть это из своего разума, входя в больницу в тот день.

Ари встала, все еще держа руки у груди. Прогулявшись до середины стоянки, до своего синего автомобиля, она остановилась, прислонившись к задней части машины.

— Следующим, кого я увидела, войдя в больницу, был ты. В тот момент я подумала, что мое сердце остановится, прежде чем у меня будет шанс получить донорское. Ты сидел, прислонившись к стене под таксофоном, колени были прижаты к груди, глаза воспалены, щеки красные, лицо все в пятнах от постоянных безостановочных слез. Обычно ты не встречаешь людей, которые сломались или потеряли любовь всей своей жизни... — она тяжело дышит от эмоциональных слов, — но если встретишь, то жалеешь его или ее, независимо от их истории. А я знала твою историю. Чувство вины, поглотившее меня в тот конкретный момент, навсегда запечатлелось в моей голове.

— Ты видела меня в тот день, в тот момент? — уточняю я.

— Я стояла и смотрела на тебя минут пять, пока моя мать не заставила меня пойти дальше. Я едва могла сдерживать себя, мое тело ослабло, но внутри было такое чувство, что

мне это нужно, а затем я пошла и забрала сердце твоей жены.

— Элли знала, что умрет? — мне нужно знать, и я буду продолжать умолять ее сказать мне правду, иначе у меня больше не будет такой возможности.

— Хантер, ты хочешь, чтобы я рассказала тебе то, чем она поделилась со мной по секрету?

Мой кулак немеет, но я по-прежнему продолжаю стучать в дверь Шарлотты. Я знаю, что она дома. Также знаю, что время уже около полуночи. Я достаю свой телефон и отправляю еще одно сообщение, умоляя ее ответить.

Я не сдамся, пока она не откроет дверь. Мне нужно поговорить с ней. Из всех сил пытаюсь подавить желание позвонить в дверной звонок, так как не хочу разбудить Лану так поздно ночью, но она не оставляет мне выбора.

Мой палец парит над кнопкой вызова до тех пор, пока в гостиной не загорается свет. Я слышу шаги. *Пожалуйста, только не Лана.* Дверь открывается, и Шарлотта медленно выходит на крыльцо в белом халатике с растрепанными волосами и полузакрытыми глазами, а на лице полное недоумение. Я никогда прежде не видел ее без макияжа и не понимаю, почему. Каждая черта ее лица сейчас гораздо светлее, естественнее и красивее.

— Хантер, уже полночь, — зевает она.

— Я знаю, но мне нужно поговорить с тобой, — констатирую я очевидное.

— А это не может подождать до утра? Я спала, — говорит она, медленно осознавая тот факт, как выглядит сейчас. Ее пальцы пробегаются по волосам, потом она ворчит, затягивая халат покрепче на груди.

Я делаю шаг вперед, заставляя ее отступить назад, и вхожу внутрь дома.

— Она знала Элли. Элли обещала ей сердце. Это с женщиной из писем я столкнулся в садах. Это безумие, правда?

— Что? — спрашивает Шарлотта сонным голосом. — Я не понимаю... — доля раздражения уже пустила корни в моем мозгу, но я должен рассказать ей все прямо сейчас. Она нужна мне, чтобы помочь разобраться.

— Она знала ее, Шарлотта. Я не знал ее, но Элли знала. Элли сказала ей, что отдаст этой женщине свое сердце, если оно переживет ее мозг. Как такое может быть? — мой голос становится громче, поэтому Шарлотта закрывает дверь у лестницы.

— Пожалуйста, потише, ты разбудишь Лану, — произносит она с мягким укором. Я не должен ее разбудить. Мне нужно взять себя в руки.

— Прости, — все, что я могу сказать. Понизив голос, я спокойно объясняю все снова, что Ари и та женщина — это один и тот же человек, что она носит сердце моей жены и с ней я познакомился в садах. Объясняя все это, я продолжаю задаваться вопросом, хотела ли Элли, чтобы мы с Ари встретились. Это просто не может быть совпадением. Я не верю в это.

тем более, не могла же Элли отправить мне одно из этих душещипательных причудливых сообщений по ветру или еще через какое-нибудь дерьмо. Должно быть что-то еще, в чем Ари не призналась мне. Мне нужно узнать больше.

Шарлотта протягивает руку к моей и ведет меня к дивану, где мы оба садимся.

— Тебе нужно успокоиться, — она обнимает меня и рисует кончиками пальцев небольшие круги на предплечье.

Я делаю глубокий вдох, первый, который смог сделать за последние несколько часов.

— Я знаю, все это звучит смешно, — объясняю я.

— Это не смешно. Я тоже хотела бы знать, кто она, если бы была на твоём месте, — говорит она.

— Серьезно? — я смотрю на нее, нуждаясь в подтверждении этих слов в ее глазах, чтобы доказать себе, что я еще не совсем сошел с ума.

— Конечно, — говорит она, но я ничего не вижу в ее глазах. Вместо этого там какой-то отстраненный взгляд, она думает о чем-то другом. — Хантер...

— Я не должен был будить тебя. Просто ты единственная, с кем я хотел поговорить.

— Ты все слишком усложняешь, — говорит она, опускаясь глубже в диван. — Хант, сейчас действительно не самое лучшее время для этого разговора, но раз ты здесь...

— Что? — спрашиваю я, мой голос звучит устало и изможденно. Что она собирается сказать?

— Я не уверена, смогу ли следовать за тобой по тому пути, по которому идешь ты. Понимаешь, я хочу быть здесь и поддерживать тебя, но это невероятно трудно с твоими вечными перепадами настроения и поведения. Я имею в виду, ты даже не мог сказать мне, что собираешься встретиться сегодня вечером с этой женщиной. Думаю, что это причиняет мне боль... — у меня полностью вылетело из головы из-за всех этих мыслей об Ари, что я вообще ничего не сказал об этом Шарлотте, когда пересекся с ней сегодня вечером. Хороший ход, Хантер. — Было ли это сделано специально или нет, но я просто хочу, чтобы ты был честен со мной сейчас, — она опускает голову на руки, испустив тяжелый вздох, непрощающий вздох. Я облажался сегодня. Я заслуживаю этого. — Я просто... я не уверена, что тебе нужно от меня прямо сейчас, и не знаю, смогу ли справиться с этим. Я прошла через свою долю горя. Это, конечно, не сравнится с твоим, но я совсем не хочу, чтобы все было подобно твоему. Мне тяжело, это сбивает с толку.

— Я не хотел причинять тебе неудобства, — говорю я ей. Она последний человек, которого я хотел бы напрягать.

— Я знаю, — она опускает локти на колени, а сама наклоняется вперед, явно уставшая. Я наблюдаю за ней. — Хант, я просто не думаю, что твои сердце и разум находятся в нужном состоянии, чтобы подумать о нас прямо сейчас, — говорит она со слезами на глазах.

Она расстается со мной, и я не могу придумать, что сказать. Я хочу только одного — ее. Вряд ли наши отношения начались, чтобы так быстро закончиться, и это моя вина.

— Так вот оно что. Ты расстаешься со мной?

— Нам было действительно весело. Я люблю проводить время с тобой и Олив, конечно, но что-то не так, чего-то не хватает. Есть пустота, и от этого мне больно. Я могу только представить, что будет сложнее и хуже с течением времени, когда я влюблюсь в тебя еще больше, чем сейчас. Так я пытаюсь защитить себя, — она кладет свою руку на мое колено и мягко сжимает. — Ты должен понять для себя некоторые вещи.

— Шарлотта, я хочу быть с тобой. Мне нужно быть с тобой! — слова вылетают из моего

рта гораздо легче, чем я сказал бы это месяц или два назад. Я действительно привязался к ней, дошел до той точки, где она ощущается, как неотъемлемая часть моей жизни, та часть, где я чувствую себя хорошо рядом с ней. Я даже не знаю, смог бы найти что-нибудь отдаленно близкое к нормальному, прежде чем встретил ее, и я не хочу потерять это. — Я должен был быть честным с тобой сегодня. Я был неправ, и все испортил, — говорю я, обнимая ее за плечи. — Пожалуйста, не делай этого.

— Хант, ты дал мне понять, что тебе нужно изучить эту вновь обретенную часть своей жизни, и я хочу, чтобы у тебя все получилось. У тебя явно есть связь с этой женщиной. И сейчас тебе нужно понять, что к чему после того, как ты пять лет получал от нее только письма, тебе нужна эта свобода. Олив рассказывала мне о взгляде в твоих глазах, когда ты читал эти письма. Она сказала мне, что у тебя появляется какая-то особенная улыбка только при виде писем этой женщины... — я хотел поспорить с ней и сказать, что все совершенно не так, но я бы солгал, если бы сказал, что ничего не чувствовал к Ари. И это было бы несправедливо по отношению к Шарлотте. — Возьми паузу, чтобы все выяснить для себя, все, что ты хочешь понять. Если вдруг ты поймешь, что тебе нужна я, то ты знаешь, где меня найти. Но если это будет она, то я все пойму.

— Шарлотта, я действительно хочу тебя! — но также я хочу узнать больше об Ари и вижу прямо сейчас, что не могу получить все вместе и сразу. Я не просил, чтобы все было так. Это несправедливо.

— Тогда стоит заканчивать со всем этим.

— Не заставляй меня делать выбор, пожалуйста, — говорю ей. И в тот момент, как произношу это, отчетливо слышу слова Ари о том, что наши жизненные пути предопределены. Я не знаю, как, черт возьми, собираюсь выяснить, вдруг Шарлотта это не мой выбранный путь... не та дорога, или если Ари — не мой путь.

— Я не верю в судьбу, Хантер. Я верю в выбор.

Я встаю, так как этот разговор подходит к концу.

— Извини, что разбудил тебя так поздно... — гребаный отстой. Мне тридцать лет, и меня бросает первый человек после Элли, по отношению к которому я позволил зародиться каким-то чувствам.

— В любое время, на самом деле. Мы друзья, мы соседи, и наши дочери учатся вместе. Мы застряли друг с другом... — прощальный поцелуй смерти. Ее голос звучит со странным смехом, когда она снова дергает свой халат. — Хант, мы взрослые, мы можем пройти через все это. Я не хочу никаких неловкостей, хорошо?

— Я видел тебя голой, — добавляю я с дразнящей улыбкой.

— И я видела тебя голым, — говорит она.

— Без разницы.

— Если все, что нам предначертано, должно сбыться, то так тому и быть, — отвечает она.

Я заканчиваю этот разговор тем, что спокойно выскальзываю за дверь, не желая оборачиваться и видеть те эмоции, которые отражаются сейчас на ее лице. Я знаю, что стал причиной ее боли и растерянности, а теперь и своей тоже.

Слава Богу, мама спит в гостевой комнате без Олив. Я тихо разубаюся на коврикe и иду по полу босиком, направляясь вверх по лестнице, избегая при этом мест, которые скрипят. Оказавшись в своей спальне, я включаю свет и открываю двери шкафа, доставая большую коричневую коробку с написанным на крышке именем Элли.

Я кладу коробку на кровать и открываю ее, рассматривая все вещи Элли, которые смог втиснуть в нее. Проталкиваю руку внутрь с правой стороны, пока не касаюсь дна, нащупывая книгу, которую ищу. Кончиками пальцев я касаюсь кожаного блокнота и достаю его.

Я просматривал ее блокнот много раз еще в то время, когда она была жива, эгоистично разрушая всякую личную жизнь, которую она хотела иметь. Большинство из того, что прочитал, я уже знал, поэтому только просматривал страницы. Воспоминания, кажется, всегда приносили больше боли, чем помощи. Однако сейчас мне нужно тщательнее присмотреться к той части жизни Элли, которую она держала в секрете.

Я понимаю это. У всех нас есть секреты. У всех нас есть демоны, и все мы имеем в жизни моменты настолько личные, что не можем разделить их с другими. Я просто никогда не думал, что у Элли могли быть такие.

Перелистывая страницу за страницей, я провожу пальцем вниз по центру красивых слов Элли, чьим чистописанием я всегда восхищался. Я дразнил ее, что она родилась с идеальным почерком, чтобы быть учителем. Это своего рода сценарий, который был настолько чистым и четким, что никто никогда не смог бы повторить дважды, как бы ни старался.

Когда начинаю читать, слова тонут в воспоминаниях, связанных с ними. Я давно уже не читал их, поэтому сейчас это снова кажется новым для меня, описывая те прекрасные дни так, что, кажется, все произошло всего несколько часов назад. Элли писала в этом дневнике один раз в месяц, резюмируя все важные детали, произошедшие за последние тридцать дней. Она начала этот дневник на следующий же день после свадьбы, сказав, что это новая глава в жизни, которая заслужила новую книгу.

Мои щеки начинают гореть, когда я читаю ее воспоминания о первой ночи нашего медового месяца. Она описывала свои личные мысли о том, как начался наш брак в Пуэрто-Вальярта (*Примеч. Известный курорт в Мексике*) на открытой веранде, выходящей к воде в окружении звезд и луны. Тепло вокруг нас ощущалось, как кокон, закрывающий от всего и всех. Только мы в ту ночь, и я отдал бы все, чтобы вернуться в тот момент своей жизни.

То, как она смотрела на меня, как будто все ее мечты, наконец, осуществились, заставило меня понять истинный смысл плана жизни. Мужчины обычно не мечтают о свадьбе, но с того момента, как мои гормоны заменили мысли об Элли как о друге в моей жизни, я стал мечтать о той ночи с ней в постели гостиничного номера. Несмотря на то, что у нас было много предварительной практики, в ту ночь все снова было, как в первый раз.

Переворачивая страницу, я продолжаю читать ее поэтические мысли, спотыкаясь на абзаце, который, точно знаю, я никогда не читал раньше.

Если бы только Бог оставил меня на этой земле, чтобы служить большей цели, чем просто заставить человека медленно влюбиться в меня в течение семнадцати лет, я могла бы пообещать ему больше, чем семнадцать лет. «Пока смерть не разлучит нас», это правда, я отдам свою душу для вечности, где бы то ни было.

У Элли всегда была манера говорить намеками, когда она писала слова, которые,

казалось, имели мало смысла для меня. Хотя я знал, что в тех мыслях, которые она изящно излагала пером на бумаге, был глубокий смысл. Эти написанные слова, тем не менее, имеют смысл для меня сейчас, но были ли они интуицией или секретом? Это то, чего я не понимаю.

Я пролистываю вперед несколько страниц и нахожу другую цитату с отступом по центру в середине страницы.

*Подарок не всегда должен быть осязаемым,
Это не всегда должно быть завязано бантом.
Время от времени он защищен кровью и находится без этикетки,
В то время как наполненная любовью душа может также нести печаль...
Я оставляю это завещание
В остатках моей тени,
Подарок, который превзойдет мое последнее дыхание...*

Я читаю стихотворение снова и снова, делая все возможное, чтобы понять, о каком подарке она говорит — дар, защищенный кровью. Элли, моя Элли, с вечно играющей улыбкой на прекрасных розовых губах, никогда не выражала болезненных мыслей. Я не хочу верить в то, что она, возможно, знала о своей судьбе. Ее родители знали бы, и все же они никогда не выказывали даже намека, ожидая ее преждевременную смерть. Скрывала ли она это от нас всех?

Я боюсь читать дальше. Боюсь искать более глубокие рифмы, которые не смогу понять. Я закрываю дневник, прижимая его крепко к груди.

— Элли, что ты скрывала от меня? — задаюсь я вопросом, лежа на своей подушке. Находясь в одиночестве в этой холодной постели, которую занимаю один так давно, чувствую себя опустошенным сегодняшним днем.

Присмотревшись к часам на тумбочке, вижу, что уже два часа ночи, и шестеренки в моей голове работают туже, чем обычно в середине дня. Моя боль всегда была связана с тоской по ней, с печалью о том, что я потерял, что мы с Олив проиграли в этой битве, но теперь появилась боль от того, что я никогда не знал, какие тайны Элли скрывала от меня.

Я не помню, как уснул, но когда кровать начинает двигаться, я понимаю, что уже утро. После бессонной ночи дневной свет болезненно влияет на меня, наполняя мое тело симптомами, похожими на грипп. Истощение не дает мне сил сдвинуться с кровати, могу лишь слегка приподнять веки.

Солнечный свет пробивается через полузакрытые жалюзи и сияющие белокурые локоны Олив. Я пользуюсь моментом, чтобы посмотреть в ее глаза, любуясь, какие они синие. Почему мое сердце иногда так болит, когда я смотрю на нее? Отец никогда не должен чувствовать боль, когда смотрит на свою дочь, но я так часто делаю это, что ощущаю себя виноватым.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает меня Олив, прислонив свою маленькую ручку к моему лбу. — Ты совсем не горячий... — она поднимает одеяло и тянет его к шее, независимо от того, что уже полностью одета с головы до ног в школьную форму. — Бабушка отведет меня к автобусной остановке. Она сказала, что ты чувствуешь себя не очень хорошо. Почему ты до сих пор в одежде со вчерашнего дня, папа? — я продолжаю смотреть на ее лицо, как она задает мне все свои вопросы. — Почему ты мне не отвечаешь? Что-то случилось с тобой?

Я вытаскиваю тяжелую руку из-под головы и оборачиваю вокруг ее плеч.

— Все прекрасно, Олив. Я просто устал, вот и все.

— Бабушка сказала, что тебе не очень хорошо, — продолжает она. — Я не хочу, чтобы ты заболел, папа. Я могу попросить бабушку сделать тебе суп. Почему ты выглядишь так грустно? — на этом вопросе голос Олив затихает, ее подбородок дрожит и слеза скатывается по щеке. — Пожалуйста, не грусти.

Почему я так легко заставляю людей плакать?

Я притягиваю дочь к своей груди, по-прежнему не придумав никаких слов, чтобы заставить ее чувствовать себя лучше. Я целую ее в голову и вдыхаю сладкий запах шампуня с арбузом.

— Я в порядке и люблю тебя больше всего во всем этом мире. Ты понимаешь это?

— Я люблю тебя больше, чем солнце, небо, траву, луну и звезды. Папа, я люблю тебя так сильно, что это причиняет боль, — ее зрелые слова обжигают меня, заставляя задаваться вопросом, насколько она понимает их смысл. Это, как если бы вихрь лирических мыслей Элли был генетически зашифрован в ДНК Олив.

— Я не хочу, чтобы тебе когда-нибудь было больно, Олив.

— Но иногда... — она делает паузу, глядя вниз на пушинку на одеяле, — когда я смотрю на тебя, я чувствую твою боль.

О, Боже, что я наделал?

— Хочешь остаться дома со мной сегодня? — спрашиваю я ее.

Она слегка кивает головой, маленькая улыбка касается ее губ, и она ложится на сгибе моей руки, прижимаясь головой к моей груди.

— Олив, мы должны идти, — говорит мама из гостиной.

— Я оставляю ее дома со мной сегодня, — отвечаю я.

Мама заходит в мою комнату, уперев руки в бедра с беспокойством в лице.

— Хантер, ты не можешь оставлять ее дома без причины. В школе будут недовольны, — я обнимаю Олив немного крепче. — Хантер, что-то случилось?

Я могу предложить ей только слабую, жалкую улыбку.

— Что может случиться со мной, мама?

— Олив, дорогая, иди вниз и посмотри телевизор немного. Я скажу в школе, что ты останешься сегодня дома, — отправляет ее мама.

Обычно Олив в восторге от того, что можно остаться дома, но сейчас она расстроена, и все из-за меня. Она вылезает из постели и без слов идет к моей маме, стоящей в дверях.

Мама подходит ближе и садится на край кровати.

— Я очень беспокоюсь о тебе, — начинает она. — Мы должны найти способ тебе помочь.

— Это не ответ на мой вопрос, — напоминаю ей. — Что, черт возьми, не так со мной? Прошло пять лет, а я не изменился с того самого дня в больнице и, более того, с Шарлоттой

тоже практически все кончено.

Мама проводит тыльной стороной пальцев вниз по моему лицу, и я понимаю, что разговор с мамой сейчас будет не как разговор взрослого со взрослым. Я не ее взрослый сын сейчас. Я снова маленький мальчик. Я потерялся. Я потерялся — мой ум исчез.

— О, милый, — выдыхает мама. — Говорят, нужно много времени, чтобы понять, что кто-то влюбился в другого. Ты любил Элли все эти пять лет. Вот что случилось с тобой.

— Ты говоришь так, будто мне все еще пятнадцать лет.

— Это не такая же боль, но все же. На данный момент тебе нужно поговорить с кем-то. Это влияет на Олив теперь, когда она достаточно выросла, чтобы понимать. Мы говорили об этом, Хантер. Ты просто отталкиваешь нас, и мы ничего не можем сделать, чтобы помочь.

Все, что она говорит, это правда. Я признал все это раньше, но игнорировал в течение длительного времени:

— У Элли была тайна от меня.

Мама быстро выпрямляется, ее брови сходятся в одну линию.

— О чем вообще ты говоришь?

— Элли знала, что умрет. Она сказала это женщине из писем, с которой я встречался вчера вечером. Она была знакома с Элли, и Элли пообещала свое сердце этой женщине.

Мама выглядит сбитой с толку, совсем как я прошлой ночью.

— Я думала, что ты встречался с клиентом прошлым вечером.

— Я соврал.

— Ты встречался с этой женщиной? — она закрывает глаза и качает головой, вероятно, пытаясь понять все, что я говорю. — Она знала Элли? Элли знала, что умрет? Хантер, это бессмысленно вообще... — ее щеки краснеют, когда она смотрит сквозь меня. — Я постоянно общалась с родителями Элли, но они никогда даже не намекали на то, что знали, что это должно было произойти. Думаешь, они не рассказали бы нам? Тебе?

Я пожимаю плечами, потому что у меня нет ответа. Я задаюсь этим вопросом даже сейчас. У меня не было секретов от родителей Элли.

— Если это правда, то они не знали, Хантер. Точно говорю, — продолжает она. — Возможно, эта женщина сказала тебе больше, чем ты рассказал мне?

— Нет, она сказала, что не чувствует себя в праве делиться секретом Элли.

— О, Боже.

МАРТ

— *Месяц спустя* —

Когда отменяешь все заказы, лишь бы не работать, то, как ни крути, но ты медленно и верно только усложняешь свою жизнь. ЭйДжей зол на меня или, как предполагаю, он просто злится потому, что я не звонил ему в течение целой недели. Я даже не в курсе, сделал ли он тест на отцовство, как планировал, и как все прошло. Я был дерьмовым братом и хреновым партнером в одном флаконе, и все же какую-то часть меня совсем не заботило, что дела могут обстоять еще хуже.

Я смотрю на себя в зеркало, четко понимая, что у меня есть проблема и мне нужна помощь. Я просто еще не дошел до той точки, когда смогу взять телефон, чтобы попросить кого-нибудь помочь мне в этом вопросе. Все болит, независимо от того, сплю я или бодрствую. Каждый день последние несколько недель я тупо сижу на промозглой земле перед нашим с Элли деревом. Здесь чертовски холодно, но эта боль на моей коже ничто по сравнению с тем, что я чувствую внутри.

— Ты гребаный мудак, — его голос эхом проносится между заснеженных холмов. — Сколько клиентов ты еще намерен потерять? Спустись уже с небес и тащи свою задницу в машину! — ЭйДжей стоит на каменной лестнице, обняв себя крепко руками и дрожа от пронизывающего холода.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю я. Интересно, почему сидя здесь, по крайней мере, час, я чувствую себя гораздо менее замерзшим, чем выглядит он.

— Ищу тебя, придурок. Почему ты не отвечаешь на мои звонки? Или Шарлотты? Какого черта с тобой происходит? Сначала ты просто не отвечал, а потом и вовсе стал недоступен. Я видел это раньше, Хантер. Ты уже проходил через это. Ты больше не поступишь так с собой. Я не позволю тебе.

Я просто тупо таращусь на него, так как мне нечего ответить ему, как и всегда.

— Вставай и садись в машину, Хантер, — требует он. — Я и так позволил этому продолжаться достаточно долго.

Вместо того, чтобы встать, я прислоняю голову к дереву и, закрыв глаза, поднимаю подбородок к небу. Хлопья снега опускаются на мое лицо, как частицы льда, оставаясь только на кончике носа. Как только я вдыхаю обжигающе холодный воздух, ЭйДжей дергает

меня с земли и прижимает к дереву. Теперь я касаюсь спиной того места, где выгравированы буквы, которые я когда-то сам вырезал, и гнев наполняет меня, а желание врезать моему брату становится почти непреодолимым. Проявив сдержанность, я стискиваю зубы, а лицо Эйджея останавливается в нескольких сантиметрах от моего.

— Садись в машину, сейчас же, — говорит он снова.

Я не хочу и не согласен никуда идти, но он тащит меня вверх по лестнице, а я двигаюсь как можно медленнее, прилагая минимальные усилия. Вдруг я понимаю, что сильно замерз, а мои мышцы ломит под онемевшей кожей. Шаги становятся вялыми, и я не могу ничего с этим поделать, пока моя спина не прижимается к грузовику Эйджея. Открывается пассажирская дверь, и Эйджей запихивает меня внутрь. Никогда в жизни он не был сильнее меня. Я всегда был бóльшим из нас двоих, но сейчас у меня нет сил, чтобы сопротивляться.

Он хлопает дверью и обходит кругом машину, чтобы рывком открыть свою дверь и захлопнуть ее с такой же силой. Обрушив кулаки на руль, он выпускает громкий рык:

— Я уже имел с этим дело, Хант. Ты проходил через это раньше.

Я позволяю ему говорить, потому что не имеет значения, что скажу я, это ничего не изменит и не уменьшит его гнев. Это Эйджей. Его будет нести, пока он не выпустит весь пар. Он заводит грузовик и резко срывается с места. Снег повалил еще сильнее, видимость почти нулевая, потому мы почти не видим дорогу. Я гляжу на часы, проверяя время. Всего лишь полдень, но если снег будет продолжать валить в том же духе, они могут отпустить Олив раньше, чем обычно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Куда ты меня везешь?

— Не парься, — бормочет брат сквозь дрожь. Он тянется к центральной консоли и включает обогрев салона на максимум, а затем делает то же самое с регулятором громкости, позволяя звуку обогрева смешаться с суровыми тонами тяжелого рок-металла.

Я поворачиваюсь к нему и жду, когда он наконец-то скажет, куда меня везет, потому что уверен, что явно не ко мне домой.

— Эйджей, не будь мудаком.

Он смеется и смотрит в окно, как будто не хочет признавать мое обращение.

— Ребенок не мой. Я связался с адвокатом, чтобы подготовить документы, и в конце этой недели я выезжаю из отеля, в котором остановился, и буду жить с тобой.

Все его ответы в одном простом предложении. Несмотря на это, я все равно должен был позвонить ему, тем более думал, что он уже вроде переехал ко мне, но он не пришел домой на прошлой неделе. Я предположил, что он с Алексой, но я должен был спросить. Понятно.

— Какого черта ты делал в отеле всю неделю? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами и смотрит на меня с гневом в глазах.

— Если бы ты отвечал на мои звонки, то знал бы, но, когда ты без проблем проигнорировал мой десятый звонок, я подумал, что ты не хочешь видеть меня у себя дома. Потом мама рассказала о твоём идиотском поведении.

— Конечно, она рассказала.

— Чувак, тебе нужна чертова помощь. Это нехорошо и несправедливо по отношению к Олив.

— Ты не смеешь впутывать ее сюда, — огрызаюсь я.

— Да неужели? Чувак, я говорю о ней потому, что все это касается ее. Она —

единственное, что имеет и должно иметь значение в твоей жизни, а ты не можешь даже заставить свою задницу работать для того, чтобы дать ей все, что нужно. На правах крестного отца Олив я приехал за тобой, чтобы помочь тебе дать этой маленькой девочке то, что она не сможет получить в нормальной жизни без матери! — его слова оглушают меня, они больно жалят, удерживая в заложниках вместе с правдой, которую я предпочел бы отрицать.

Пока я пытаюсь осмыслить и принять все его слова, грузовик резко съезжает с дороги и едет по почти пустой стоянке напротив небольшого дома, больше похожего на сооружение.

— Что это?

— Пойдем, — говорит он, выходя из машины.

Он сошел с ума, если думает, что я пойду за ним туда.

— Скажи мне, что это, ЭйДжей, — требую я, когда он открывает мою дверь. — Кончай с этим! — у меня нет уже сил, в то время как он стал более воодушевленным.

— Мы можем сделать это легко или не очень. Выбор за тобой, — говорит он, складывая руки на груди.

— Да я не собираюсь идти в какой-то заброшенный дом только потому, что ты мне угрожаешь.

Я по-прежнему сижу в грузовике, когда он бьет кулаком по крыше.

— Замечательно! — он отталкивается от грузовика и уходит в здание, оставив меня сидеть здесь, смотреть и ждать его. Я осматриваюсь вокруг, выискивая какой-нибудь знак или намек, где мы можем быть, но ничего нет.

Поскольку он забрал ключи с собой, я захлопываю дверь, пытаюсь сохранить оставшееся тепло. *Это глупо.* Вынув свой телефон из кармана пальто, я проверяю его, чтобы убедиться, что не получал никаких сообщений из школы о досрочном окончании занятий.

Пока ничего.

Телефон ярко светит мне в лицо, когда я нажимаю на значок смс и кликаю на быстрое сообщение, надеясь в этот раз получить ответ.

Я: Ари, мне очень нужно поговорить с тобой.

Это уже шестое сообщение, которое я отправил ей за последние несколько недель. Я начинаю думать, что она дала мне фальшивый номер телефона, просто чтобы я отстал. Не уверен, проявила бы она сама инициативу, дав мне свой номер, поэтому решил сделать это первым. Она, определенно, внутренне боролась с собой, прежде чем все-таки продиктовать его.

Я таращусь на сообщение, которое отправил, ожидая, что сейчас уже точно выскочит окно с ответом. Пока я жду, с моей стороны открывается дверь, в результате чего в салон влетает целый ворох снежинок. Позади ЭйДжея стоит женщина в пуховой куртке и черной лыжной шапочке, ее седые волосы спадают ей на грудь поверх куртки. Она не выглядит замерзшей, раздраженной или смущенной, стоя за ЭйДжеем, пока он тычет пальцем в мою грудь:

— Не будь засранцем.

ЭйДжей смещается в сторону, позволяя женщине подойти к моей двери.

— Хантер, я — Эми Торрис, психотерапевт, который специализируется на оказании помощи людям, потерявшим своих любимых, таким, как ты. В основном, мои клиенты вдовы

или вдовцы. Ваша семья, кажется, весьма озабочена вашим благополучием, и я хотела бы предложить вам несколько советов, если вы готовы к диалогу.

Разве похоже, что я готов к нему?

Он привел меня к чертовому психиатру. Из всех людей он привел меня к этой бабе. *Не вероятно, черт возьми!*

— Вы не должны отвечать на какие-либо вопросы или даже говорить, — продолжает Эми. — Может, вы просто зайдете на пару минут? У меня есть свежесваренный кофе, — она пытается выманить меня, как психа, предлагая леденец? Не сработает.

— Ты скатился на самое дно, Хант, — влезает ЭйДжей. — Сделай это хотя бы ради Олив.

Оливия. Ее имя способно ввести меня в гипнотический транс, и он знает, что я сделаю все для нее. Если он говорит мне, что я причиняю ей боль, то я сделаю все, чтобы исправить то, что натворил. Я отстегиваю ремень безопасности и выхожу из машины, наплевав на свои желания в этот момент. Пройдя мимо терапевта и ЭйДжея, направляюсь к входной двери этого убогого здания.

Оказавшись внутри, я оглядываюсь, чтобы понять, в какую сторону идти дальше. Прежде, чем нахожу золотистый металлический указатель, голос Эми отвлекает меня:

— Поверните налево, затем первая дверь справа.

Вместо того чтобы идти вперед, я позволяю ей пройти первой, а ЭйДжей следует позади меня. Ее кабинет совсем не похож на то, как дом выглядит снаружи. Здесь тепло, стены окрашены в ярко-желтый цвет, а сама комната обставлена кремовой мебелью. Журналы разложены на маленьких журнальных столиках, и в воздухе чувствуется запах свежего кофе, как она и обещала.

— Мне не нужна терапия, — предупреждаю я их обоих. *Но, может быть, все-таки это то, что мне нужно сейчас.*

— Это не терапия, Хантер. Будет больше похоже на разговор двух друзей, — ее слова смешны, а смысл, который она вкладывает в них, кажется еще более нелепым. Люди не становятся друзьями после двух минут знакомства, особенно когда эта встреча навязана одному из них. — Хантер, если вы не хотите говорить, то можете уйти. Вы должны приходить сюда по собственному желанию.

— Сделай это ради Олив, Хант, — снова твердит ЭйДжей.

Со стоном я следую за Эми через деревянную дверь, которая позвякивает при открытии. ЭйДжей остается в зале ожидания, оставив меня наедине с этой женщиной, которую я знаю всего девяносто секунд. Когда мы входим в ее кабинет, новый аромат вместе с ароматом обжаренного кофе заполняет мой нос. Лаванда смешана с сиренью, вероятно, масла для ароматерапии. Элли была одержима ими в зимнее время, поскольку аромат был так осязаем, и она могла ощутить запах цветов в столь холодное время года.

Мне требуется мгновение, чтобы оглядеть комнату, заметив, что декор здесь схож с залом ожидания, за исключением наличия всяких психологических побрякушек на стене позади ее стола. Я сажусь на диван, пытаюсь обрести спокойствие, но замечаю коробку с салфетками на дубовом кофейном столике передо мной. Работа этой женщины состоит в том, чтобы заставлять людей плакать? *Может быть, мне стоит быть терапевтом. Я ведь заставляю людей плакать.*

— Ваша семья очень беспокоится о вас, — начинает Эми. — Как правило, я не работаю с такими случаями, когда пациент требует большей конфиденциальности в своей жизни, но

зачастую я понимаю, что мужчинам и женщинам в вашей ситуации нужен небольшой пинок в нужном направлении.

— Слушайте, я ценю, что вас волнуют проблемы моей семьи, но, возможно, они упустили из виду тот факт, что моя жена умерла более пяти лет назад. Это не новая жизнь для меня, и я не прошу о помощи, — ее рот сжимается в тонкую линию. Я бы сказал, что это снисходительный жест, но это не так. — Действительно, я в порядке, — интересно, есть ли способ говорить менее убедительно.

— Для начала я пытаюсь определить то состояние человека, когда он чувствует себя хорошо, так называемую зону комфорта. Вы бы чувствовали себя в своей тарелке, если бы смотрели вперед и видели себя в этот момент десять лет назад? — это ловушка. Конечно, я не могу ответить «да» на этот вопрос, который путем исключения предполагает, что ее заявление верно. — Почему бы нам не пойти по этому пути? Ваше желание поговорить со мной только ради дочери говорит о том, что вы будете делать ради нее все, что нужно. Таким образом, мы можем сосредоточиться на этом?

В то время, как ее слова проходят через мои уши в мозг, я задерживаю свой взгляд на коробке с салфетками, задаваясь вопросом, с каким количеством вдовцов она говорила здесь, и сколько из них сидели на этом диване, рыдая от того, что все их органы болят и кровоточат. Вдовцы знают, что внутренности действительно, на самом деле болят, потому что наши сердца устают от того, чтобы выносить всю боль и, в конечном счете, позволяют боли распространяться в других местах, чтобы ослабить часть страданий.

— Я не собираюсь раскрывать свое сердце для вас и рассказывать вам все о моей дочери, а затем говорить, какой грустной была моя жизнь в течение последних пяти лет. Я даже не собираюсь рассказывать вам, почему я был так несчастен на прошлой неделе. Я свыкся со своими мыслями, и это, может быть, не самый правильный метод борьбы с проблемами, но мне это помогает, — признаю я, и немного шокирован, заметив, что она не записывает каждое мое слово. Я ходил к терапевтам, даже к тем, кто специализировался на вдовцах. Как правило, они начинают с ручки и бумаги, чтобы записать каждый заслуживающий упоминания момент в моей жизни вплоть до текущего дня. Поэтому я отдаю должное Эми, она действительно стремится понять меня, вместо того, чтобы собирать по частям научно-исследовательскую работу, основанную на переживаниях человека.

— Вы не должны мне вообще ничего рассказывать, — говорит она. — У вас есть фотография вашей дочери с собой? Эйджей сказал мне, что она такая очаровательная, и сейчас я просто обязана в этом убедиться сама, — я знаю, что это очередная ловушка, но не могу удержаться от того, чтобы лишний раз показать Олив. Я достаю бумажник из заднего кармана и открываю его, чтобы вытащить фотографию. Наклоняюсь вперед, протягивая ее Эми, держа двумя пальцами.

Она забирает фотографию, и я ослабляю хватку. Изучив ее мгновение, еще одна улыбка появляется на ее губах.

— Она похожа на вас. Я так понимаю, у вашей жены, должно быть, были светлые волосы, — смеется она. Она смеется, потому что мои волосы черные, как смоль, а у Оливии очень светлые, почти белые.

— Да, она вылитая Элли, вплоть до слов, которые использует, и то, как она их произносит.

— Это, должно быть, прекрасно, — предполагает она. Опять же, далее должно следовать вполне предсказуемое «*И что вы чувствуете при этом?*», но она не говорит

этого.

— Это большое напоминание, — добавляю я.

— Олив нравится снег?

— Едва ли. Она — одна из немногих детей, которые хотели бы посидеть лучше дома и выпить горячего какао, чем укутаться с головы до ног, чтобы выйти и слепить снеговика. Она предпочитает теплую погоду, — сейчас я болтаю, как придурок. Очевидно, что эта женщина точно знает, как заставить меня говорить.

Эми наклоняется вперед, упираясь локтями в бедра.

— Я не думаю, что с вами что-то не так, Хантер. Мне кажется, что вы любящий отец, и вам просто немного одиноко без Элли. Это, определенно, не называется сумасшествием. Я знаю, вы думаете, что именно поэтому вы сейчас здесь, но большую часть времени я просто слушаю то, что никто не хочет слушать снова и снова.

Я опускаю голову во время ее монолога. Я знаю, что мне нужно это, но также знаю, что происходит каждый раз, когда я поддаюсь идее с терапией. Она вскрывает старые раны, и я заканчиваю ровно там, где нахожусь прямо сейчас.

— Я не знаю, — говорю я ей.

— И это нормально, — говорит она, поджимая губы. — Возьмите столько времени на то, чтобы определиться, сколько вам нужно, — Эми подходит к своему столу и берет визитную карточку с маленького подноса. — Если вы решите, что хотите, чтобы кто-то выслушал вас, просто позвоните мне.

Я беру карточку из ее пальцев и засовываю в карман своего пальто.

— Спасибо вам, — бормочу я.

Я рад, что она не просит меня записаться на прием или заставляет почувствовать себя виноватым, как это делают другие. Я благодарен ей за то, что она не стала давить на меня, что позволила самому принять решение, в отличие от Эйджея и, скорее всего, мамы, которая, вероятно, тоже приложила к этому свою руку через Эйджея.

Когда я встаю со стула, то чувствую вибрацию в заднем кармане. Даже не подумав о том, что это наверняка слишком грубо, так как Эми в этот момент сообщает о часах приема, в которые могу позвонить ей, я смотрю на экран телефона. Увидев уведомление о новом текстовом сообщении, и нажимаю на кнопку «прочитать».

Ари: Я здесь.

Я быстро набираю вопрос.

Я: Где?

Ари: В моем магазине. 250 Мейн-стрит.

Я поднимаю взгляд на Эми, которая сейчас смотрит на меня с любопытным выражением.

— Все хорошо? — спрашивает она.

— Да, все замечательно, — даже больше, чем просто замечательно.

Ее брови сходятся в линию в замешательстве.

— Что бы ни было в этом сообщении, оно, определенно, изменило ваше настроение в считанные секунды.

— Это... — я колеблюсь, прежде чем открыться ей в этой части моей личной жизни. Она кажется более заинтересованной, чем кто-либо с кем я делился этим. — Это Ари — женщина, которая носит сердце Элли.

— Я не понимаю, — выдавливает она.

Восторг бурлит в животе, и я просто хочу уйти, но вспоминаю, что ЭйДжей ждет меня в холле, и мне придется объяснять ему, почему я пробыл здесь всего десять минут.

Я снова смотрю на телефон, размышляя мгновение перед набором следующего сообщения.

Я: Ты будешь там через полтора часа?

Ари: Да, я буду здесь до пяти сегодня.

Я смотрю на часы, снова сажусь в кресло и снимаю с себя пальто для большего комфорта. Переплетаю пальцы и кладу их на колени, наклоняясь вперед.

— Элли умерла при рождении нашей дочери, Оливии. К моему удивлению, после ее смерти я узнал, что у нее было подписано личное соглашение вне нашей совместной воли о пожертвовании сердца нуждающемуся человеку, если такая ситуация возникнет. Поскольку она умерла от аневризмы, ее просьба была выполнена. Через неделю после смерти Элли я начал получать письма от ее реципиента. Все они были анонимными. Прошло пять лет, и на прошлой неделе впервые эта женщина с сердцем Элли попросила меня встретиться с ней.

Эми выглядит заинтригованной, по-настоящему заинтригованной. В ее глазах я вижу желание задать вопрос. Она, должно быть, любит то, чем занимается... слушать истории, а затем пытаться собрать все кусочки головоломки обратно в прекрасную картину, которую она никогда не видела раньше. Без направления или картинки, которую можно отсканировать, это, должно быть, сложно.

— Оказывается, что я встречал эту женщину несколько раз прежде. Она замечательная и очаровательная, и она знает тайну моей жены, которую Элли не захотела разделить со мной. В итоге, вся эта история подошла к кульминации на прошлой неделе, и я почувствовал, как будто мой мозг взорвался.

Эми тихо смеется. Но ее смех не похож на сочувствующий или печальный.

— Мы только что прошли приблизительно через пять сеансов за три минуты, — говорит она, откинувшись на спинку кожаного кресла, которое заскрипело под ее весом. — Люди не всегда хранят секреты, чтобы навредить другим. Иногда они это делают, чтобы защитить тех, кого любят. Хотя мне любопытно, вы сказали, что Элли и эта женщина знали друг друга?

— Наверное, хотя до сих пор не понимаю, как это произошло, — говорю я ей.

— Как интересно, — говорит Эми. — Вы собираетесь продолжать искать ответ?

— Как я могу не искать? — отвечаю я. Постоянные мысли об Элли, скрывшей от меня тайну, поглощают меня и вызывают встряски в моей жизни, которую я так старался снова вернуть к прежнему ритму. — Да, я должен снова увидеть эту женщину.

— Как думаете, видя эту женщину, вы чувствуете себя счастливым, потому что она владеет тайной Элли или потому, что она и есть часть Элли, но только живая?

— И то, и то, — говорю я ей. Конечно, все именно так.

— У вас есть чувства к этой женщине? — продолжает она.

Глаза Ари вспышками мелькают в моей голове, пока я обдумываю ответ.

— Не уверен. Я был в начале хороших отношений с женщиной, которая живет через

дорогу от меня, но она точно не заинтересована в том, чтобы быть со мной, так как на данный момент я пытаюсь выяснить свои чувства к Ари, женщине с сердцем Элли.

Ответы так просты, но решение настолько трудное. Я не уверен, что найду когда-нибудь решение, поэтому могу закончить снова в такой же ситуации, в которой был до встречи с Шарлоттой. Снова в одиночестве. Если я никогда не найду другую женщину, это будет хотя бы честно. Большинству людей не так повезло — быть знакомым с Элли так долго, как был знаком я, а потом жить жизнью даже отдаленно не похожей на ту, которая была с ней. Я уже свыкся с тем, что доживу свою жизнь, сосредоточившись только на Оливии, но в последнее время кажется, что часть меня хочет быть эгоистом.

— Ваш разум, должно быть, сходит с ума от такого количества мыслей, приходящих и уходящих каждую минуту в течение дня, — говорит Эми. — Я думаю, что вы движетесь в правильном направлении. Вы с сожалением оставили женщину, с которой были, но это справедливо по отношению к себе — изучить чувства к другой женщине, — Эми распрямляет ноги и двигается к краю кресла, потянувшись к моим рукам. — Для человека, чья семья думает, что он в полном беспорядке, вы довольно хорошо справляетесь самостоятельно.

Я останавливаю свой взгляд на руке Эми, лежащей поверх моей. Судя по морщинкам на коже, думаю, она, скорее всего, ровесница моей мамы, что говорит о наличии у этой женщины не только мудрости и знания, но и жизненного опыта. Это немного успокаивает.

— Я хочу вернуться и снова поговорить с вами, — говорю ей, глядя в ее туманные светлые глаза.

— Только скажите, когда, и я буду здесь, — она достает ежедневник и открывает его, затем наклоняется к своему столу, чтобы достать карандаш.

— На следующей неделе в это же время? — спрашиваю я, чувствуя, что груз на моих плечах стал чуть легче.

Она вписывает мое имя в соответствующем поле в своем ежедневнике и подходит к столу, чтобы еще раз проверить свое расписание. Записав время и день на листе, она протягивает его мне.

— Я надеюсь услышать побольше об Ари, — говорит она с кривой ухмылкой. — Удачи, Хантер, — Эми протягивает руку, чтобы пожать мою, и я отвечаю на этот жест. Когда я встаю и надеваю пальто, чувствую, что мои легкие стали более свободными, потому что мне вдруг стало немного легче дышать.

Пока я иду до двери, мой телефон снова вибрирует в кармане. Я достаю его и вижу номер школы. *Черт.*

Я отвечаю, прижав телефон к уху, и слушаю предварительно записанное сообщение о том, что автобус привезет детей домой на час раньше из-за надвигающейся метели. *Метель в конце марта?* Круто.

Я толкаю деревянную дверь и вижу Эйджея, который уютно устроился на одном из стульев и листает журналы про лучшие дома и сады. При виде этих журналов в его руках я начинаю смеяться. Мы — плотники, мы не занимаемся декором, особенно Эйджей, который даже не разбирается в цветах, учитывая, что он дальтоник.

— Черт, эта женщина волшебница, да? Одна улыбка и все, — положив журнал на столик и вставая, говорит Эйджей.

— Спасибо, — чувствую тяжесть в груди и приступы боли за глазами. Может быть, я был слеп к ним, а Эми, возможно, просветила меня немного. Хотя я понимаю, что хорошо

знать, что есть люди, которые любят меня и заботятся о моем благополучии, пока я пытаюсь справиться со всем этим беспорядком. Даже мой придурок брат, который сам переживает не лучшие времена прямо сейчас.

— Нам нужно вернуться домой. Детей в школе отпустили пораньше, и Олив будет на автобусной остановке уже через сорок пять минут.

— Чувак, ты видел, что творится снаружи? — спрашивает ЭйДжей. — Может, стоит позвонить Шарлотте, чтобы она забрала Олив?

И вот просто так раздражение возвращается обратно. Не на всех, но при мысли, что я упускаю возможность поговорить с Ари.

— Я позвоню ей, когда мы сядем в машину.

В тот момент, когда мы выходим из дома, я вижу, что ЭйДжей ничуть не преувеличивал. Сантиметров десять, должно быть, навалило за последние полчаса, что мы были здесь. Я дергаю за рукав своего пальто и сметаю им снег с лобового стекла со стороны пассажира. *К черту.*

Мы выезжаем на дорогу и двигаемся со скоростью меньше, чем пятнадцать километров в час, так как за окном почти ничего не видно из-за падающего снега.

Я набираю номер Шарлотты и слушаю три гудка, прежде чем она отвечает, немного запыхавшись.

— Ты в порядке? — спрашиваю я ее.

— Да, чистила крыльцо, пока не слишком завалило, — говорит она.

— Я займусь твоим крыльцом, когда снег перестанет падать. Ты снова потянешь спину.

— Это прекрасно, Хант, на самом деле, но спасибо. Тебе что-нибудь нужно? — наши разговоры сейчас на уровне френдзоны, но я действительно забочусь о ней больше, чем о друге, и есть много моментов, когда мне жаль, что все так сложилось.

— ЭйДжей отличился тем, чтобы притащить меня к психотерапевту, несмотря на то, что я не был готов. Мне только что позвонили из школы, и мы стараемся успеть вовремя, но впереди нас целая очередь машин. Я боюсь, что мы не успеем приехать вовремя.

Громкий выдох отзывается сильным скребущим звуком в моем ухе.

— Ты пошел, чтобы говорить с кем-то? — спрашивает она с ноткой надежды в голосе, а это говорит мне о том, что она тоже к этому причастна. — Очень рада слышать это.

— Я тоже, — говорю ей мягко, почти интимно, практически шепотом, чтобы избежать взглядов ЭйДжея. Хотя он так сосредоточил внимание на дороге, не думаю, что он даже понимает, что я говорю по телефону.

— Я заберу Олив и приведу ее, когда ты приедешь. Не спеши, просто будь осторожен, хорошо?

— Хорошо, — говорю я ей.

— ЭйДжей едет медленно? — спрашивает она.

— Да, мама, — дразнюсь я.

— Хантер, не начинай. Мы оба знаем, какой ЭйДжей ездок.

Я улыбаюсь ее возмущению, но она, как обычно, права. Правда, сегодня ЭйДжей едет даже медленнее, чем пятнадцать километров в час.

— Увидимся, когда я вернусь домой.

Я слышу улыбку в ее голосе, когда она говорит:

— Без разницы.

Дорога была пустая, всего три аварии. Люди в Новой Англии, кажется, думают, что они супергерои на своих переднеприводных машинах в такой снегопад. Грузовик ЭйДжея немного болтает, но это только потому, что его пикап не загружен стройматериалами, и все благодаря мне — это же я превратил рабочий день в выходной. Мы тащимся вниз по улице к автобусной остановке, наблюдая, как автобус сползает вниз по склону. Оливия, вероятно, расстроена сейчас. Она не любит, когда все меняется или срывается. Это заставляет ее нервничать. Я выхожу из машины, когда автобус останавливается на остановке. Снег продолжает падать, большие и тяжелые снежинки покрывают мою голову. Я натягиваю капюшон и встаю рядом с Шарлоттой, которая выглядит, как эскимос.

— Это ты? — я слегка толкаю ее плечом.

Она отодвигает капюшон куртки, открывая чуть-чуть ту часть лица, где находятся глаза, чтобы посмотреть на меня.

— На дорогах все так плохо? — спрашивает она.

— Лучше и не спрашивай.

Дверь автобуса со скрипом открывается, и Оливия перепрыгивает нижнюю ступеньку прямо в сугроб. Ее губы надуваются, когда она на цыпочках пытается перескочить через горы снега, которые еще не расчистили.

— Холодно! — кричит она, продолжая свой путь ко мне. Я обнимаю ее, делая все возможное, чтобы побыстрее ее согреть.

— Эй, я так сильно ненавижу эту идиотскую стиральную машинку, потому что она начала подтекать, и я уже целую неделю хожу в прачечную. Ты ведь сможешь посмотреть ее сегодня вечером? — последнее ее предложение растворяется в воздухе из-за громкого крика Ланы, которую с объятиями встречает Шарлотта.

— Мама, я потеряла еще один суб! — Лана указывает на небольшой промежуток между передними зубами.

— Боже мой, у тебя совсем не осталось передних зубов! — говорит Шарлотта сквозь смех.

— Как ты думаешь, субная фея сможет сделать его из снега? — спрашивает Лана.

— Да, она же волшебница и сильная. Она сможет сделать его из чего угодно, — объясняет Шарлотта, присев перед ней.

— Так же, как и ты, мама. Ты волшебная и сильная, и ты говоришь мне все время, что

ты сможешь пройти через все. Помнишь, ты сказала это вчера вечером по телефону, когда плакала?

Слыша разговор между Ланой и Шарлоттой, я прихожу в замешательство. Интересно, почему она плакала прошлой ночью, и с кем разговаривала по телефону. Это, конечно, не мое дело, но я надеюсь, что у нее ничего не стряслось плохого.

— Лана, беги к Олив, — говорит она, вставая и стряхивая снег с колен.

Шарлотта смотрит на меня широко открытыми глазами. Предполагаю, что она или надеется, что я спрошу об услышанном, или, наоборот, хочет, чтобы промолчал.

— Рассказывай уже, — говорю я.

— Нечего рассказывать, — отвечает она, сделав несколько шагов назад и поворачиваясь, чтобы уйти домой.

Я оборачиваюсь к машине Эйджея, махнув ему, чтобы привлечь внимание. Он приоткрывает окно, и я кричу:

— Я пойду домой пешком. Встретимся там, — окно закрывается, колеса буксуют на снегу, когда он разворачивается и едет вниз по улице.

— Хантер, ты не должен этого делать, помнишь? — говорит Шарлотта, дрожа от холода.

— Не заставляй меня просить, Шарлотта. Что происходит? И я ничего такого не делаю. Я просто забочусь о тебе. Это ты не хочешь быть со мной прямо сейчас...

Она смотрит на меня, как будто я сделал что-то неправильно или просто сказал что-то глупое, и это уже становится для меня нормой в последнее время. Интересно, когда в последний раз я сказал или сделал что-нибудь умное...

— И я тоже забочусь о тебе ничуть не меньше, но я не хочу снова оказаться... — она делает громкий выдох.

— Почему ты плакала прошлой ночью? — спрашиваю я снова.

— Ты просто просил меня, чтобы...

— Я не отстану. Итак, почему ты плакала прошлой ночью? — спрашиваю более мягким голосом, когда мы догоняем девчонок.

— Потому что этот осел перестал платить чертовы алименты, — говорит Лана, нарочно копируя взрослый голос Шарлотты.

Иисус.

— Лана, — рывкает Шарлотта. — Что я говорила тебе насчет твоего подслушивания, и то, что не надо повторять и рассказывать всем и все, что ты слышала от меня дома?

Лана надувает губы, это выглядит совсем неправдоподобно.

— Я забыла, — говорит она, а затем кричит: — Олив! Смотри! — девочки убегают вперед, пока не достигают сугроба, которой образовался благодаря снегоуборочной машине. Оливия останавливается и смотрит, как Лана поднимается вверх, а затем скользит вниз на дорогу. — Давай, Олив!

Но та же ненавидит снег, поэтому раздумывает в течение одной долгой секунды, но я думаю, что она заметила, какое удовольствие получает Лана от катаний, и все-таки присоединяется к ней. Ее неутепленные штаны сразу же намокают. Я уже готовлюсь к истерике Олив, так как она не любит ходить в мокрой одежде, но, видимо, ни одна из них даже не обращает на это внимания, полностью погрузившись в новое занятие. Если бы только жизнь взрослых была бы настолько беззаботной.

Шарлотта опускает руки в перчатках в глубокие карманы, идя на шаг впереди меня.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она кивает головой под капюшоном, и снег тут же скатывается с него.

— Может, стоит подать на него в суд? — подсказываю я. Я ничего не знаю о разводах или как это происходит, но не могу себе представить, чтобы там нельзя было добиться справедливости.

— Он устроился на работу к нелегальному работодателю. Следовательно, зарплата выдается в конвертах или как там у них принято, и его доход никто не сможет подтвердить. Это сделано для того, чтобы суд не смог взыскать с него алименты, так как он без работы и без денег, — говорит она. Я с трудом слышу ее из-за сильного ветра со снегом и визга детей, поэтому беру ее за руку и разворачиваю к себе, в то же время наблюдая за детьми.

— Как ты узнала об этом? — спрашиваю я.

— Мой адвокат звонил.

— И что теперь?

— Я не знаю, Хантер. Пожалуйста, я не хочу говорить об этом.

— Я не смогу тебе помочь, если ты не расскажешь мне все, — я понимаю, что она не просила о помощи, но она явно нуждается хотя бы в том, чтобы поговорить.

— Я не прошу тебя помогать мне. К тому же, вряд ли ты сможешь что-нибудь сделать для меня, — говорит она. — Чтобы ты понимал всю сложность ситуации, скорее всего, я потеряю дом, — печаль проходит через мою грудь, когда я представляю, что Лана и Шарлотта больше не будут жить через дорогу от нас.

— Я не позволю этому случиться, — это единственное, что выходит из моих уст. Я не знаю, как могу обещать это, но, похоже, это все-таки единственное, что можно сказать, и единственное, что я хочу сказать. — Мы оба знаем, что у меня много места в доме, так что я уже знаю, какой он у нас будет план «Б».

— Хантер, как ты можешь мне такое предлагать?

Разве я могу иначе?

— Шарлотта, неужели ты до сих пор сомневаешься в том, что я реально забочусь о вас с Ланой?

— Я не сомневаюсь в этом. Я сомневаюсь в другом, — говорит она, натягивая капюшон вниз так, чтобы скрыть от меня свои глаза. Она оборачивается и продолжает идти, доставая телефон из кармана. Ей кто-то звонит, о чем свидетельствует спокойная мелодия. Я делаю шаг ближе, пока она изучает имя на телефоне, причем так, чтобы я не увидел его. Это не имеет значения, хотя бы потому, что я уже увидел его. Кто-то по имени Лэнс. *Лэнс. Кто, черт возьми, этот Лэнс?* Я никогда не слышал, чтобы она произносила это имя, и почему она не отвечает на звонок? Однако она снимает перчатку и набирает теперь сообщение, наверно этому Лэнсу, я полагаю. Она встречается с кем-то по имени Лэнс? *Но я единственный, кого она попросила посмотреть ее стиральную машинку.* Это ведь хорошо?

Я отхожу от Шарлотты, думая, что ей нужно пространство, подхватываю девочек под мышки и иду вниз по заснеженной улице. Девочки набрасываются на меня, размахивая заснеженными кулачками надо мной сквозь смех. Мне нравится наблюдать, как эти двое любят друг друга, и это просто еще одна причина, из-за которой я очень сильно переживаю будущий переезд Шарлотты.

Когда мы подходим к нашим подъездным дорожкам, наступает неловкое молчание, но еще больше меня удивляет, что Шарлотта молча берет за руку Лану и ведет ее вверх к их дому, даже не попрощавшись.

— Шарлотта злится? — спрашивает Олив. Очевидно, что я не хотел бы, чтобы и Олив тоже заметила это.

— Не уверен, — отвечаю я, отводя ее в дом. — Нам нужно переодеть твои штаны, чтобы мы могли выйти через несколько минут.

— Куда вы идете? — спрашивает ЭйДжей из другой комнаты. — На улице жесть.

— Да, куда мы идем, папа?

— В магазин, — отвечаю я.

— У нас забит холодильник, — отвечает ЭйДжей. — Чувак, ты не должен возвращаться туда.

Мой взгляд мечется между ЭйДжеем и Олив, которые пялятся на меня. Затем достаю телефон из кармана и большим пальцем набираю сообщение Ари.

Я: Ты все еще там?

Через минуту приходит ответ.

Ари: К сожалению. Не думаю, что смогу выбраться куда-нибудь сегодня вечером.

Я убираю обратно телефон в карман и смотрю на Олив.

— Ты хочешь пойти со мной или остаться здесь с дядей ЭйДжеем?

ЭйДжей все еще таращится на меня, скрестив руки на груди.

— Олив, почему бы тебе не остаться здесь и не помочь мне сделать что-нибудь вкусненькое на ужин?

Олив закрывает рот и хихикает.

— Дядя, ты не можешь сделать даже хлопья.

Я смеюсь вместе с Олив, потому что это правда. ЭйДжей шутливо набрасывается на нас и переворачивает через плечо.

— Ах так, маленькая девочка! — тут же она взрывается громким смехом, когда он начинает щекотать ее, пока она не начинает задыхаться. — Вот почему ты мне нужна, чтобы остаться здесь и помочь с ужином.

— Хорошо, хорошо, — соглашается она. — Папа, я должна остаться дома с дядей, чтобы он не испортил ужин.

— Куда ты на самом деле собираешься, Хант? — спрашивает ЭйДжей. Я смотрю на Олив, теперь понимая, что вести ее с собой было не очень хорошей идеей, и не думаю, что она должна знать, куда я еду. Самое последнее, что я должен сделать для нее, — это позволить привязаться к еще одной женщине в моей жизни. Во всяком случае, пока.

— Иди наверх и переодень штаны, — говорю я Оливии. — Они намокли.

Она скачет наверх по лестнице, закрывая за собой дверь.

— Ари застряла в своем магазине, но она согласилась поговорить со мной. Чем скорее я смогу получить ответы на все свои вопросы, тем скорее, возможно, смогу перестать копаться в своей жизни, — объясняю я.

— Тот факт, что ты частично пришел в себя, еще не говорит о том, что я позволю тебе выйти на улицу в такую пургу к какой-то телке! Это ненормально.

Она не какая-то телка. ЭйДжей знает об этом, но это то, как он видит ее. Спорить бесполезно, только время зря потрачу.

— Присмотришь за Олив немного? Я постараюсь вернуться через два часа.

— Чувак, два часа тебе, скорее всего, потребуется только чтобы добраться туда.

— Я буду держать тебя в курсе, — говорю я ему. Выглянув в окно, я замечаю снегоуборочные машины, которые уже убирают дороги. — Все будет хорошо.

Олив слетает обратно вниз по лестнице в трениках и в платье-фартуке поверх майки.

— Готово!

— Когда я вернусь, то хочу услышать больше о том, что случилось с Алексой, — говорю я брату. Я чувствую вину за то, что полностью игнорировал его проблемы.

— Не так уж много, чтобы рассказывать, — говорит он. — На самом деле, я хотел бы забыть ее имя и все, что с ним связано.

— Понял, — говорю я, надевая в свою куртку.

— Папа, только не опаздывай на ужин, — кричит Олив из кухни.

— Да, мэм, — она хихикает. — Люблю тебя, Олив.

— Люблю тебя!

Два часа. Я способен на большее. Успею за двадцать минут. Половину пути мой грузовик, конечно, не раз заносило, но я отлично с этим справлялся. По крайней мере, мы все еще едем по дороге. Будучи за рулем, я вспомнил, что не ответил на просьбу Шарлотты — починить ее стиральную машину. Что ж, ей либо придется подождать, либо пусть этот Лэнс позаботится об этом.

Подъезжая к цветочному магазину, я останавливаюсь прямо на тротуаре. Я знаю, что не должен парковаться здесь, иначе машину засыплют снегоуборщики. К тому же, машина Ари уже завалена снегом прямо передо мной.

Я пинаю сугроб, делая узкую тропинку к стеклянной двери цветочного магазина. Может быть, поэтому она никуда не пойдет сегодня. Помимо того, что ее автомобиль напрочь застрял, благодаря сугробам, дверь тоже завалена.

Я иду обратно к своей машине и беру лопату. Расчищая себе путь, я убираю снег, чтобы можно было свободно открыть дверь, но, потянув за ручку, дверь все равно не поддается. Я стучу несколько раз по двери, вытирая слой изморози с окна, чтобы заглянуть внутрь.

Спустя буквально несколько секунд Ари появляется в дверях с улыбкой. Она поворачивает замок и толкает дверь.

— Ты и так застряла здесь, и еще решила запереть дверь? — спрашиваю я с изумлением.

— Никогда не знаешь, кто будет этим сумасшедшим, кто принесет лопату и откопает меня, чтобы ворваться внутрь и похитить меня, — говорит она с хитрой ухмылкой. Ее мягкий смех наполняет воздух, когда она поправляет несколько прядей волос у щеки. Пока я наблюдаю за ней, мне сразу ударяет в нос смешанный запах различных цветов, и от этого мои ноги слегка подкашиваются. Так много ароматов напоминает мне об Элли. Она всегда была одержима цветами. Аромат цветов всегда витал в доме.

— Ты всегда занималась флористикой? — спрашиваю я у Ари.

Она качает головой из стороны в сторону, как будто не может ответить на мой вопрос

ни да, ни нет. Она поднимает кадку с одной из стоек и ставит ее на стеклянный прилавок.

— На самом деле, нет, но мои родители прирожденные садоводы, я всегда была окружена растениями и цветами. Знаешь, когда живешь в излишке чего-то, этого становится достаточно на всю жизнь.

— Да, понимаю, — *вроде бы*.

— В любом случае, как только я оправилась после пересадки, мне почему-то захотелось продолжить так называемую родительскую деятельность. Я хотела вернуться к учебе, но они заставили меня отложить ее на год по понятным причинам, и я не собиралась тратить драгоценные дни своей жизни, сидя перед телевизором. Мои родители дружили с парнем, который владеет этим помещением, а он как раз собирался уйти в отставку. Спустя месяц я открыла магазин. Ненормальная, правда?

— Я думаю, что ничего не происходит просто так, — говорю я ей. — Элли полюбила бы этот магазин. Она жила и дышала цветами. Это было просто хобби, но для нее это была самая большая страсть.

— Я знаю, — говорит она. — Она рассказывала мне об этом много раз, — Ари ставит кадку обратно на стойку, и я иду за ней. — Думаю, это и есть причина, по которой я открыла его. Мне кажется, что это хорошая идея, чтобы отдать дань ей, — она оборачивается, найдя меня, вероятно, немного слишком близко. — Я знаю, что это глупо, но иногда задаюсь вопросом, чувствует ли она, что я здесь, в этом магазине, ну знаете, если между нами есть какая-то связь, что ли...

— Я бы хотел думать, что это так, — говорю я ей. Ее слова манят и наполняют душу, такие прекрасные и похожие на мысли, которыми я ни с кем не делюсь. Почему мне хочется сказать этой женщине, что я ее люблю? Почему я хочу ее поцеловать и прижать свою руку к ее сердцу, и больше никогда не расставаться? Я ее не знаю. *Это неправильно*.

Если я ошибаюсь, тогда почему она так смотрит на меня, будто это все правильно? Мое сердце колотится так сильно, что его биение отдается в голове, в руках, в ногах. Мне просто нужно... я не должен. *У меня есть Шарлотта*. И Элли, но Элли внутри нее. Мне кажется... Я должен...

Моя внутренняя борьба недолгая, и я сразу же поддаюсь желанию, обхватив ее лицо ладонями и прикасаясь своими губами к ее губам. Я напугал ее, в принципе, как и себя, потому что она падает спиной на прилавок, откидывая руки назад, как будто не может понять, что правильно, а что нет в этой ситуации. Я поцеловал незнакомку, которую, возможно, знал всегда. Моя грудь прижимается к ее, и, черт возьми, я чувствую, как сильно колотится ее сердце. Мои щеки горят, и я плотно сжимаю веки, закрыв глаза, только чтобы избежать слез, чтобы не испортить этот момент, которого я так долго ждал. *Я могу почувствовать ее сердце*. Сердце Элли. Оно снова бьется напротив моего. Оно бьется напротив меня. Я чувствую это. Я могу почувствовать ее. *Элли*. Элли. Оно так бешено бьется, так же, как и у меня. Оно чувствует все, что чувствую я, как это всегда было раньше. Она там.

Когда наши губы разъединяются, я понимаю, что даже не подумал о том, как чувствуются ее губы; мои единственные мысли были сосредоточены на ее сердце. Это все, что я чувствую. По-прежнему. Я чувствую его у себя в груди, даже если между нами сейчас целое пространство.

— Хантер, — говорит она между тяжелыми вздохами. — Это ведь неправильно? — *да. Совершенно неправильно*. Мой разум мечется между Шарлоттой и Элли, а теперь и Ари, и

как только я смог вляпаться в это дерьмо?

— Я не знаю.

— У тебя разве нет подруги? — спрашивает она. — О, мой Бог, есть. Это не должно было произойти. Я не должна была этого делать... Элли. Боже, я не знаю, о чем я сейчас думаю. Это неправильно. Это определенно неправильно. Мы не должны делать это.

Я согласен со всем, что она только что сказала. Я не должен был целовать ее, будучи в отношениях с Шарлоттой, но мои губы напротив нее заставили сердце Элли биться быстрее. Это притяжение представляет собой связь, которая не позволяет мне сожалеть о содеянном.

— Шарлотта порвала со мной, так как я сам не знал, чего хочу, — говорю я ей. — Встреча с тобой перевернула мою жизнь вверх дном, — *может быть, это слишком честно.*

— О, — говорит она. Мы глядим друг другу в глаза и все, что я хочу сделать, это увидеть душу Элли в ее красивых глазах. Но душу нельзя увидеть, ее можно только почувствовать, и я чувствую. Я потерял дар речи. Я не знаю, что ей сказать.

— Почему ты поцеловал меня, если я внесла только неразбериху в твою жизнь?

Ответ не должен быть сложным. Как мне сказать ей о том, что я чувствовал, читая каждое письмо, которое она присылала мне? Как мне ей сказать, что я хочу быть рядом с ней, только потому, что это все равно, что быть рядом с Элли? Это чувство сбивает меня с толку, но я не уверен, что чувствовал нечто подобное к кому-нибудь еще.

— Я хотел, — просто говорю я.

— Не думаю, что ты этого действительно хочешь, Хантер.

Я не могу сейчас думать о том, хорошо ли поступаю, связываясь с ней, но почему ей наплевать на это? Очевидно, поцелуй ее ничуть не беспокоил, так как она даже не остановила меня.

— Почему? — я должен задать себе тот же вопрос. *Из-за Шарлотты.*

Она улыбается мне и прикасается пальцем к губам, а затем уходит от меня. Схватив метлу в углу магазина, она начинает подметать вокруг меня. Я кладу руки на метлу, чтобы остановить ее.

— Почему? — снова спрашиваю я.

— Я бы влюбилась в тебя, — говорит она.

— Ты не должна, — говорю я ей, как будто это так просто.

— Я знаю, но вдруг.

— А что было бы, если бы влюбилась?

Что я несу? Какая любовь? Я не могу любить никого другого... я не уверен. Я должен сказать ей, что она не хочет быть со мной. Я только хочу быть с ней, с тем, что находится внутри ее тела.

— Тебе было бы больно, — заявляет она без всяких стеснений.

— Почему ты так уверена? — я не хочу знать подробностей, но любопытство парализует мой мозг.

Ари холодно смотрит мне в глаза, и, клянусь, я вижу все ее мысли в одном лишь взгляде.

— Хантер, — начинает она, хотя это больше похоже на затянувшуюся паузу.

— Почему? — спрашиваю я, сжимая руками ее тонкие плечи. Ощущение от прикосновения к ней мне незнакомо, учитывая, что я перескочил этот этап знакомства, сразу поцеловав ее.

Она разрывает наш зрительный контакт и смотрит вниз между нами. Я хочу прижать палец к ее подбородку, чтобы она не отводила взгляда, но даю ей время, надеясь, что она

расскажет все.

— Доктор Элли говорила ей, что у нее нашли неразорвавшуюся аневризму. Они обнаружили это, когда сделали компьютерную томографию после автомобильной аварии, в которую вы оба попали, — она говорит тихо, еле слышно, но у меня ощущение, что эти слова вырываются из ее уст громче, чем пронзительный звук сирены. — Врачи сказали ей, что вне зависимости от того, будет ли она делать операцию или нет, шансов на выживание у нее пятьдесят на пятьдесят. Потому что где бы ни находилась аневризма, она может разорваться от любого сильного переживания или травмы. Они посоветовали ей отказаться от беременности.

Мои колени буквально слабеют, и я оказываюсь на полу, прислонившись к прилавку и тупо уставившись на стеклянную дверь. Все, что я думал, что знал, даже близко не было похоже на правду.

— Она так сильно хотела ребенка, — говорю я вслух. — Мы пытались зачать Олив в течение трех лет. Если бы я знал...

— У тебя бы не было Олив, — Ари прерывает меня.

Я никогда бы не смог придумать, что ответить на это, потому что не представляю свою жизнь без Олив сейчас, но я должен был знать.

— Она скрывала это от меня, — говорю я. Ари скользит вниз по прилавку, мокрыми руками протирая стекла, пока не садится рядом со мной. — Я думал, что знал о ней все, вплоть до того, чем она красится по утрам. Между нами не было тайн, и теперь я узнаю, что она скрывала все от меня.

— Это не все, — говорит Ари. — Это всего лишь одна тайна, которую она хранила от тебя.

— Этот один секрет — это все.

— Я спросила ее однажды, что ты думаешь о ее состоянии, и никогда не забуду взгляд, который появился на ее лице в этот момент. Я никогда не видела этот взгляд раньше, не то чтобы я знала Элли всю свою жизнь, но она была моим наставником, и мы провели много времени вместе, — Ари поднимает руку и проводит ею под глазом. — Она сказала мне, что даже не знает, как сказать тебе, и она не решилась разрушить вашу жизнь, рассказав об этом. Даже ее родители не знали. Она знала, что шансы выжить были малы, и последнее, что она хотела, так это потерять все из-за этой болезни. Особенно тебя.

— Я не понимаю, почему она так сильно хотела ребенка, если это все правда.

Как может это все быть правдой? Я был с ней в больнице после аварии, она не сказала ни слова. Доктор, который вел беременность, тоже все знал. Эта информация должна быть где-то у нас в документах. Почему никто не сказал мне?

— Она хотела оставить свой след в этом мире, именно поэтому родилась Олив, — говорит Ари, положив свою руку на мою.

— Она оставила меня нарочно с маленькой девочкой, которую я воспитываю в одиночку, — она сделала это намеренно, и я не знаю, как принять этот факт. Как она могла вообще предположить, что я хочу остаться без нее и как единственный родитель?

— Ты остался с Элли, — говорит Ари, как будто может слышать мои мысли.

— Почему, черт возьми, она рассказала тебе все это? Ты была всего лишь ее студенткой, а она наставником, не знаю, как там это называется. На кой черт тебе, а не мне? — я встаю, стараясь скрыть свою растущую ярость. Почему Ари, а не мне, блядь? Я заслуживал знать. Я был ее жизнью. Я был единственным, кто приближал ее к смерти каждый месяц, пока мы

пытались забеременеть, и в ее голове даже мысли не возникло, что нам несуждено иметь ребенка, потому что она должна жить. Ничто не заставило ее передумать. Мы могли бы жить спокойной жизнью и удержать ее подальше от ненужных возбуждений. Все было бы по-другому. Она могла бы жить.

Вышагивая от двери к центру магазина и обратно, я замечаю краем глаза, что Ари, сидя в задней части, выглядит немного испуганной. Я не должен обвинять ее. Я должен обвинять Элли. Все эти годы я отказывался чувствовать обиду или гнев по отношению к Элли, даже если чувствовал это, но иногда, по ночам, когда Олив не могла уснуть или когда она болела, и я понятия не имел, что делать, чтобы помочь ей. Я хотел кричать так громко, надеясь, что Элли услышит меня, так, чтобы она знала, как я зол на то, что воспитываю нашу маленькую девочку один. Что я знаю о воспитании детей? Ничего. Мне нужна была вторая половинка в этой жизни. У Олив должна была быть мать.

У Оливии должна была быть мать.

Олив никогда не узнает, что такое иметь мать. У нее есть только я.

— Автомобильная катастрофа, даже страшная авария могла убить ее, — шепчет Ари. — Тогда бы ты остался ни с чем, — я не хочу слушать Ари и ее мысли или слова. Я не хочу слышать правду или ложь. Теперь я знаю, почему Ари не хотела рассказывать мне, и могу предположить, почему Элли не говорила мне. Я бы отговорил ее. Я бы поместил ее в пузырь и заботился о ней. Но она не дала мне такой возможности. — Вместо этого, она оставила свой след в этой жизни, — Ари кладет свою руку на грудь, цепляясь за ткань. — В Олив есть Элли.

— Ты даже не знаешь ее, — напоминаю я Ари. Я знаю, что этого не стоило говорить, но это правда. Пока не знает, или просто решила не делиться этим со мной.

— Ты прав, но для ячейки общества нужно хотя бы два человека, поэтому она является, по сути, половиной Элли. Ладно, — говорит она, не давая мне поспорить, берет мои руки и тянет к себе. Положив мои ладони на свою грудь, она крепко удерживает их там. Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на биении ее сердца. — Это она, — нежный голос Ари вибрирует в груди.

Я сосредотачиваюсь исключительно на биении сердца Элли, пытаюсь вспомнить время, когда слушал ее сердцебиение. Я вспомнил только один раз. Первая доплерография, которую мы делали в самом начале беременности. Мы думали, что это было сердцебиение Олив, но оно принадлежало Элли. Нам потребовалась минута, чтобы в итоге услышать похожий звук, но более мягкий и нежный. Я не учел тогда, насколько сильно хотел бы запомнить этот звук. Тот же звук я слышу в груди Ари? Так ли это?

— Когда врач сказал мне, что сердце ждет меня, я уже знала это, — говорит Ари. — Врачи сказали мне, что не было практически никаких шансов найти донора с такой же группой крови. Так что я знала, что это была Элли. Волнение, облегчение и благодарность — я ничего подобного не почувствовала, услышав слова моего врача. У меня было меньше месяца, чтобы найти донора. Я угасала с каждым днем, и мы уже начали подыскивать хоспис для меня, поскольку это было слишком тяжело для моих родителей, чтобы ухаживать за мной самостоятельно.

— Ты не была счастлива, что получила сердце? — спрашиваю я, пытаюсь понять ее слова.

Она сжимает губы, так как неловкая улыбка грозит выдать ее явную боль.

— Как я уже сказала, я знала, что это была Элли. Я знала, что она умерла. Я знала, что

это произошло из-за ее желания родить Олив, и я знала, что это из-за родов.

Я хочу сказать ей, что это несправедливо, что она знала, а я просто лишился смысла своей жизни, но я все еще сосредоточен на прикосновении к груди, под кожей которой бьется ее сердце. Я знаю теперь, почему Элли дала имя Олив перед тем, как она родилась. Она знала, что все кончено.

— Я не знаю, злиться или благодарить ее, но мне больно. Невероятно больно.

— Могу себе представить, — говорит Ари, выпуская мою руку из своей. — Но ты не можешь злиться на нее. Она не хотела умирать, но иногда в жизни выбирают за нас, иногда приходится выбирать из двух зол меньшее, и она выбрала меньшее... — *как я могу с этим согласиться?* — Она не обманывала тебя, чтобы причинить боль... она сделала этот выбор, потому что так сильно любила тебя. Она хотела оставить что-то, что принадлежало бы тебе так же, как и ей. Что-то, кого-то... Оливию.

Мне нужно больше пространства, поэтому я закрываю глаза, пытаюсь собраться. У меня болит голова. Мысли приходят и уходят в полном беспорядке. Почему все закончилось так?

— Почему ты не учишься сейчас? Этот год пришел и ушел. Почему ты не вернулась? — спрашиваю я ее, удивляясь, почему она занималась этим раньше, когда Элли была ее наставником, а сейчас перестала.

— Для того, чтобы сохранить свою лицензию на следующий год после операции, мне нужно было бы получить степень MBA. Я решила отказаться, — говорит она.

— Почему же?

— По той же причине, почему ты не должен рассматривать отношения, связь со мной, Хантер, — еле скрываемая улыбка касается уголков ее губ, и она кладет свою ладонь мне на щеку. — Я не слишком хороша для тебя. Я лишь носитель сердца Элли. Если бы наши пути пересеклись при других обстоятельствах, мы могли бы чувствовать себя иначе, но все не так просто в этой жизни.

Это смущает меня. Я не знал, кем она была, когда мы впервые встретились в саду, а еще меня тянуло к ней. Она привлекла меня, и это ее выразительная манера разговора, прямо как Элли, именно так, как всегда нравилось мне.

— Неправда, — спорю я.

— Я бываю в саду, потому что постоянно навещаю Элли, чтобы поблагодарить ее за этот щедрый, жизненно необходимый мне подарок. Вот почему мы встретились. Если бы не сердце Элли, этого бы не произошло, — говорит она.

Это смешно, особенно для того, кто, кажется, так же умен, как была Элли.

— Ты могла бы знать это наверняка только, если бы была Богом, — она убирает руку от моего лица и встает, направляясь к передней двери, оставляя пространство между моей рукой и сердцем Элли. Она смотрит в окно. — Какова истинная причина того, что ты не получила степень MBA и почему ты можешь, в конечном итоге, причинить мне боль?

— Снег закончился, — говорит она.

Я тоже встаю и подхожу к ней сзади, положив руки на ее плечи.

— Почему?

Она оборачивается, и ее волосы проносятся мимо моего лица.

— У всех нас есть секреты, Хантер. Как и у меня, вот истинная причина.

Даже не задумываясь над тем, почему ее слова совсем не злят меня, я беру ее лицо в ладони и нежно целую, сосредоточившись на ощущении прикосновения к ее губам и на тепле ее кожи напротив моей. Руками она обвивает мою спину, сжимая меня мягко, но

крепко. Я просовываю свои руки между нами, прижимая их к груди, чтобы почувствовать тяжелые удары ее сердца, пока наши губы сливаются в поцелуе. Нуждаясь в более сильных эмоциях, мой язык проскальзывает ей в рот, что не остается незамеченным для ее сердца. Удары учащаются, оно бьется с удвоенной скоростью. *Я по-прежнему могу влиять на это сердце.*

Ари отстраняется, затаив дыхание, и смотрит на меня с удивлением в глазах.

— Что ты чувствуешь? — спрашивает она, проводя языком по нижней губе, прежде чем прикусить ее.

— Твое сердце, — говорю я ей.

— Я тоже чувствую ее сердце, — судя по выражению ее лица, это не правильный ответ. Я не знаю, какой ответ был бы правильным. Я должен сказать ей, что она сексуальная и классно целуется? Это то, что женщины действительно хотят услышать? Потому что мне всегда так казалось. — Ты влюблен в это сердце, не более.

— Ари, это просто смешно, — утверждаю я, но, *возможно, она права...*

Она фыркает и слегка прижимает пальцы к моим губам.

— Цветы, ароматы, это сердце — это все она, а не я, Хантер. Ты не знаешь меня.

— Я знаю тебя. Я знаю каждое слово, которое ты написала мне за последние пять лет. Я узнал твои желания, мечты, потребности и увлечения. Ты ценишь все, что имеешь, и живешь, как будто заботишься о самом ценном в этом мире. Твои рассказы и новости о том, как ты ухаживаешь за сердцем Элли, это то, что помогло мне узнать тебя. Единственное, чего я не знал, так это твое имя и где ты живешь.

Она отходит от меня, будто не хочет верить моим словам, не хочет верить тому, что происходит сейчас.

— Все, что ты сказал, очень много значит для меня: что ты читаешь каждое слово, которое я написала, что ты разглядел мои мысли за каждой буквой. Писать стало моим вдохновением, вроде исцеления от ощущения вины, которая досталась мне вместе с сердцем, но эти письма никогда не были предназначены для того, чтобы заставить тебя влюбиться в меня, потому что я знаю, что не создана для тебя. Пожалуйста, пойми это. И эти слова, это просто слова, чтобы описать чувства сердца Элли, поэтому я понимаю, почему ты чувствовал связь. Я пришла, чтобы понять, что причиняю больше вреда, чем пользы, посылая тебе эти письма, поэтому не буду отправлять их впредь. Но я не хотела заставлять тебя влюбиться в меня.

Ее объяснение, почему я не должен относиться к ней, как к нечто большему, чем просто носителю сердца Элли, еще больше запутали меня.

— Что ты говоришь?

Она морщит брови, прижав руку к горлу, словно ее что-то душит.

— Я не знаю, — тихо шепчет она, затем обвивает руками мою шею и кладет свою голову мне на грудь. Ее тело дрожит в моих руках, а дыхание становится поверхностным и неравномерным. Она так же запуталась, как и я. Ощутимая слабость ее решения причиняет мне боль в груди.

Я беру ее за руку и веду в заднюю комнату к дивану. Когда мы оба садимся, она смотрит на меня со слезами на глазах.

— Это неправильно, — говорит она. — Я люблю тебя, Хантер... но думаю, что это ошибка, — Ари проводит тыльной стороной ладони под глазами, вытирая упавшую слезу. — Я не знаю, возможно, это чувствует только сердце Элли, или я просто эгоистка, которой

захотелось узнать тебя. Я просто хотела убедиться, что твоя жизнь не пошла под откос из-за той жертвы, на которую Элли пошла ради меня. Я почувствовала боль, увидев тебя в тот день в больнице, и мне захотелось помочь тебе так же, как в свое время помогла мне Элли. Я никогда не смогу узнать ответ на свой собственный вопрос; думаю, мне не суждено это понять.

— Но что, если я хочу быть с тобой только из-за сердца Элли? Тебя не смущает это?

Что я говорю? Почему я произношу это вслух? Это бред... я думаю. Она тоже человек, а не просто существо, присланное на эту землю для того, чтобы быть носителем сердца Элли, о котором я думал последние пять лет. *Это ужасно.*

— Может быть, это сделает нас равными, но ты должен понять, я, может быть, смогу быть частью твоего настоящего, но уж точно не будущего. Я думаю, мы должны остаться в жизни друг друга, но по другой причине. Причина, по которой это нужно мне, но я не уверена, что смогу объяснить это.

— Ты не должна думать, что наше будущее предрешено, — говорю я. Однако она смогла распутать всю неразбериху в моей голове на одном лишь дыхании, полным слов. Она просто нужна мне, в моей жизни, в любом виде, просто так. — Хотя, все обретает смысл благодаря тебе.

МАЙ

— *Два месяца спустя* —

— Эй, ты готова? — кричу я в кухню. — Если не хочешь заходить, то можешь подождать здесь.

Она хватает свой свитер из шкафа.

— Да, все в порядке. Я просто хотела попробовать глазурь на торте.

Я просовываю голову на кухню, глядя на торт, который она сделала.

— Очень аппетитно.

— Да, я не так уж плоха на кухне, — говорит она, игриво ударяя меня кулаком в плечо, проходя мимо. — Ты задержишься сегодня вечером, да?

— Да, кстати об этом, я хотел уточнить, не против ли ты, если Ари присоединится к нам сегодня. Она хочет познакомиться с тобой и Ланой, ну и с Олив провести немного времени.

Мои неопределенные отношения с Ари невозможно кому-то объяснить. Это не просто обычные отношения между парнем и девушкой. Могу только сказать, что между нами есть связь, которую я не могу разорвать. Чувствую, что мне нужно быть рядом с ней, и она чувствует то же самое. Я люблю быть с ней, узнавать все о ней. Это самые странные отношения, которые когда-либо у меня были, но мне нравится это.

— Конечно. Если только ты не будешь возражать, что Лэнс тоже к нам присоединится, — говорит Шарлотта. Это уже совсем другое. Шарлотта на самом деле продолжила двигаться дальше: нашла бойфренда и все такое. Я не могу винить ее. Мой ум находится в десяти местах одновременно, а она заслуживает того, чтобы быть центром вселенной в жизни мужчины. Она отчасти знает суть моих отношений с Ари, но все равно не понимает этого. Что я могу сказать, Лэнс может предложить ей простые, незапутанные отношения, в отличие от меня. Я хочу, чтобы Шарлотта была счастлива, но я солгал бы, если бы сказал, что мне нравится слышать его имя.

— Конечно, нет, — смеюсь. — Я люблю Лэнса, ого-го как. Ясно?

— Ты осел, — говорит она, открывая входную дверь.

— Да, осел, который позволяет твоей милой заднице жить здесь.

Чуть более месяца назад Шарлотта с Ланой переехали к нам. Лишившись выплат

алиментов на ребенка, Шарлотта была вынуждена съехать и сдать дом в аренду, чтобы сводить концы с концами. Это было единственно правильным решением... позволить ей с Ланой переехать к нам с Олив. Я нашел оправдание своему решению. Это было сделано для того, чтобы Олив с Ланой не разлучались. Однако правда в том, что я не хотел, чтобы Шарлотта переехала. Мне нравится, что она рядом, даже если мы больше не «вместе».

— Тебе вообще-то не позволено говорить о моей заднице, — распевает она, направляясь вниз по подъездной дорожке. Я закрываю дверь и бегу к Шарлотте. — Ты уверен, что готов спокойно принять Лэнса сегодня вечером? — спрашивает она. Я знал, что эта встреча неизбежна, так как она не скрывала этого. Единственное, что я видел, так это его тупую дерьмовую прическу, торчащую из машины, когда он привез ее домой.

— Конечно. Он делает тебя счастливой, разве я могу желать большего, — вру я.

— Действительно, — смеется она тихо.

Мы проходим бок о бок мимо нескольких домов, и тишина между нами начинает напрягать. У нас хорошие отношения с Шарлоттой. Очень хорошие. Сначала было немного неловко, но в целом мы пережили это. Мы ничего не спрашиваем друг у друга и не затрагиваем ненужные темы. Потребовались недели, чтобы на самом деле признать, что она встречается с Лэнсом. Но это было и так понятно, учитывая тот факт, что она выливали на себя целый флакон духов прежде, чем отправиться с ним на свидание.

Вне зависимости от того, что у нас свои жизни, которые сейчас идут в разных направлениях, я люблю, когда они с Ланой находятся рядом. Мой одинокий дом, в котором мы с Олив чувствовали себя настолько маленькими всего несколько месяцев назад, сейчас наполнился. Это прекрасно.

— Нервничаешь перед судом? — спрашиваю я Шарлотту, нарушая тишину.

— Очень, — вздыхает она. — Мой адвокат считает, что у нас есть достаточно доказательств, чтобы, по крайней мере, завели дело, но мы не знаем наверняка, когда начнутся заседания.

— Рискованное дело, однако.

Я не могу себе даже представить, что она, должно быть, чувствует. У меня в животе образовывается целая дыра, когда я думаю об этой ситуации.

— Почему? Ты ведь хочешь избавиться от меня? — спрашивает она, глядя на меня.

Я беру ее за локоть, останавливая и заставляя повернуться ко мне.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, Шарлотта, — желая лучшего для нее, я хочу поддержать ее. В то же время мысль о ее переезде ужасает меня.

— Как ты можешь говорить так? — спрашивает она, вырывая руку из моей хватки. — Ты находишься в отношениях, или как это у вас там называется, ты не один, и я тоже, — в ее словах есть смысл, и, честно говоря, несмотря на то, что мне трудно жить с ней, когда она встречается с Лэнсом, мне будет гораздо хуже, если она уйдет из моей жизни.

— Я говорю то, что чувствую, — признаю я.

Она делает резкий вдох и прокашливается, затем меняет тему.

— Я купила побольше молока и хлопьев сегодня утром. Олив сказала, что все закончилось. Я пыталась объяснить ей, что тарелку не нужно заполнять до краев, так как она все равно съест не больше половины, — говорит она.

— Желаю удачи в этом деле. Олив любит делать по-своему. В противном случае... — я смеюсь. — Но спасибо тебе за то, что пытаешься. Ты не должна этого делать. Я мог бы сам купить ей хлопьев побольше.

— Какое большое дело, — отвечает Шарлотта. — Мне и так нужно было в магазин, чтобы кое-что купить.

Мы доходим до подножия холма и садимся на лавку.

— Ты будешь возвращаться на работу перед ужином? — спрашивает Шарлотта. — Я заметила, что Эйджей ушел туда еще в шесть утра.

— Да, я должен помочь ему закончить работу после того, как заберу Олив. Я быстро, туда и обратно.

— У него все в порядке? — спрашивает Шарлотта, скрестив ноги и откинувшись на скамейку.

— Я думаю, что да. Уверен, он уже сгонял на несколько свиданий за последний месяц, но никто не зацепил его. Он все еще не пришел в себя после Алексы. Я не могу винить его.

— Может быть, — соглашается она. — Она хорошенько потрепала ему нервы.

Наш разговор заканчивается, когда подъезжает автобус.

— Сегодня, — кричит Олив, выпрыгивая из автобуса. — Сегооооодня.

— Что сегодня? — спрашивает ее Шарлотта с улыбкой. Я уверен, она подозревает, что эйфория Олив ассоциируется с сегодняшним днем рождения Ланы.

Олив перестает кричать и поворачивается ко мне.

— Упс, — говорит она. — Я забыла.

Я обнимаю ее рукой и притягиваю к себе, чтобы оставить быстрый поцелуй на макушке.

— О, — говорит Шарлотта. — Ты взволнована, что увидишь Ари сегодня вечером?

Я не знаю, как Шарлотта сложила дважды два так быстро, но она, определенно, сделала это. Я говорил Олив об Ари перед тем, как спросить Шарлотту, как она отнесется к тому что сегодня по случаю дня рождения Ланы Ари придет на ужин. Я хотел, чтобы они познакомились, но Шарлотта каждый раз придумывала различные отговорки, которые шли наперекор мои планам. Она никогда не призналась бы, что ревнует, тем более она с Лэнсом, поэтому я не понимаю ее поведения.

— Да, — шепчет Олив. — Но только немного. И это просто потому, что она похожа на принцессу, ты же знаешь, — знаю, что Олив пытается сейчас приуменьшить свое свержволнение, но не думаю, что она понимает, что только усложнила ситуацию.

— Ну, не могу дождаться, когда познакомлюсь с этой принцессой, — говорит Шарлотта с непонятным мне взглядом. Я потираю нос и трясую головой, пытаясь сказать ей, что обычно Олив преувеличивает. Но не в этот раз. Ари действительно похожа на какую-то сказочную принцессу. Но я не по этой причине хочу быть так близко к ней.

— А мы сегодня вечером познакомимся с господином Лэнсом тоже, — трубит Лана. Ух ты, мне сразу полегчало, зная, что Шарлотта уже все продумала заранее, только лишь спросив меня, буду ли я себя хорошо вести с ним. Это хуже, что она пригласила его к себе, не поговорив со мной, чем это было для меня, когда я пригласил Ари к себе, не поговорив с нею. Это — мой дом. Мы квиты. Ладно, оставим все как есть.

— Олив, мы должны пойти помочь дяде закончить работу.

— О, — говорит она, топча ногами небольшую кучку грязи. — Я думала, что могу помочь Шарлотте на кухне.

— Она может остаться со мной, — говорит Шарлотта, надевая лямки рюкзака на плечи Ланы.

— Да! — вопит Лана, причем так громко, что ее корона в честь дня рождения слетает с головы и ее уносит порывом ветра. Я бегу, чтобы поймать ее, и хватаю на лету. — Спасибо,

Хантер, — кричит Лана, обвивая ручонками мою ногу. — Ты лучший!

Почему мне кажется, что мы вчетвером превратились уже в настоящую семью? Это чувствуется так нормально и совершенно неправильно одновременно. Я имею в виду, что мы, как бы, не пара, но, тем не менее, я думаю, что мы даже ближе, чем некоторые пары. Так странно. И все-таки неправильно.

Просто чтобы подтвердить свои мысли, я иду позади Шарлотты и девочек, любуясь тем, как Шарлотта обнимает их обеих, каждую по обе стороны своего тела, как если бы они обе были ее дочерьми. Может быть, мы нашли друг друга, чтобы стать опорой и поддержкой друг для друга, в которых мы оба отчаянно нуждаемся в нашей жизни прямо сейчас. Может, поэтому мы и познакомились?

Время от времени я уступаю и позволяю Олив остаться с Шарлоттой после школы, отчасти потому, что у нее будет шанс сделать домашнюю работу. К тому же, ей очень нравится проводить время с Шарлоттой и Ланой. Это было трудно — отпустить и принять решение поступать так, как правильно для Олив, а не так, как кажется правильным мне.

Эми — мой слушатель, как я называю ее, — помогла мне перешагнуть через мои эгоистичные желания, которые перемешались с любовью к Олив. Выходит, что кто-то на самом деле может быть задушен любовью, даже моя дочь. Как папе, мне еще учиться и учиться.

Мы шагаем в дом, и девочки быстро бегут наверх. Шарлотта стоит передо мной с выражением, которое я не могу разгадать. Может быть, она знает, о чем я думаю. «*Я скучаю по тебе*», хочу сказать я ей. Даже если мы живем вместе, я скучаю по ней. Я скучаю по «нам», пусть это и длилось недолго. Такое ощущение, что наши отношения продолжают развиваться, даже если она порвала со мной. Но этого не может быть. Я делаю шаг к ней и обнимаю за шею.

— Ты выглядишь так, будто хочешь обнимашек.

— Так и есть, — шепчет она.

Выруливая к рабочей стройке, я еду до подъездной дорожке, где ЭйДжей загружает грузовик инструментами. Я успеваю сделать только шаг, а он уже кричит мне:

— Я только что закончил. Хотел успеть вовремя на ужин, поэтому использовал сетевой аккумулятор и провернул все это достаточно быстро.

— Ты весь в предвкушении сегодняшнего ужина, я смотрю, — утверждаю я, хотя мои слова больше похожи на вопрос.

— Э-э, — смеется он, протерев лоб рукавом. — Есть ли у тебя идеи, сколько драм произойдет за сегодняшний вечер? И у меня ведь забронировано место в первом ряду! Да я не пропущу этого за все дары мира.

— Драма?

— Да, у вас обоих свидание и не друг с другом, — он смеется в полный голос.

— Какого черта ты?..

— Вы двое так чертовски громко говорите по телефону. Думаешь, что стены

звуконепроницаемые? Чего ты ожидал, когда заставил меня переехать в комнату между вами двумя? — спрашивает он, продолжая смеяться. *Такой осел.*

— Ты переезжаешь в подвал, — говорю я ему, залезая в грузовик. — Плюс ко всему, с Ари — это не свидание. Я говорил тебе, что все так...

— Чертовски странно, — заканчивает он предложение вместо меня. — Ты хочешь быть с женщиной, которую не трахаешь, но зато находишься ближе к ее сердцу. Это ведь странно звучит из моих уст? Между вами происходит какая-то хрень. Знаешь, это самая странная вещь, которую я когда-либо слышал, веришь ли ты или нет.

— Я и не ожидал, что ты меня поймешь, — говорю я ему. — Ари и я просто понимаем друг друга, и наши отношения — это то, в чем мы оба отчаянно нуждаемся. Это исцеление.

— Допустим. Но почему ты не с Шарлоттой, если вы с Ари просто друзья? — добавляет Эйджей.

— Не я расстался с ней, и к тому же теперь она не одна, так что дела обстоят именно так. Я думаю, что каждый остался доволен в итоге, и я не говорил никогда, что мы с Ари друзья, — по правде говоря, я не знаю, кто мы с Ари друг другу.

— Ни один из вас не там, где должен быть, — говорит он, залезая в свой грузовик. — Ты можешь думать, что я ничего не знаю, но ты и Шарлотта должны быть вместе. Я в этом уверен. Никто не говорит, что ты не можешь быть с человеком, которого любишь, и при этом иметь друга, который владеет сердцем твоей жены одновременно! — Эйджей заканчивает свою мысль, а затем залезает обратно в грузовик. — Черт возьми, в твоей жизни все так сложно. Чувак, я даже и не знаю... — сказав это, он качает головой и заводит двигатель.

Спасибо за разговор, Эйджей.

Шарлотта накладывает гарнир к индейке, а я помешиваю соус, когда Олив и Лана орут во все горло, что кто-то приехал.

— Ооо! — кричит Эйджей и несется по коридору в гостиную. Иногда, клянусь, такое ощущение, что в теле мужика спрятан восьмилетний паренек. Я знаю, что он просто играет вместе с девочками, но это его ребячество раздражает и меня, и Шарлотту. Мою грудь стягивает, а ладони становятся липкими. Кто бы там ни был — Лэнс или Ари — я все равно чувствую себя неловко сейчас. Это была не очень хорошая идея, ни для кого из нас.

Плюс к этому, если Эйджей не понимает всю сложность данной ситуации, то, вероятно, и для девочек это не совсем понятно. Мы выждали некоторое время, прежде чем решится пригласить кого-нибудь из этих двоих в наш дом, но у нас нетипичная ситуация. Честно говоря, мне очень интересно, что знает Лэнс о жилищной ситуации Шарлотты.

— Кто-то еще подошел! — вопит Олив. Отлично, они оба здесь. Более того, они оба собираются подняться вверх по подъездной дорожке и наверняка поинтересуются, кто к кому пришел.

Я откидываюсь на спинку кресла, чтобы выглянуть в гостиную, и вижу Эйджея у входной двери. Он открывает ее и жестом приглашает их войти.

— Всем привет! Заходите, вечеринка только начинается! — почему его голос сейчас

больше похож на голос из рупора, чем на его собственный? Разговаривая так официально, он должен быть одет в кардиган, докеры (*Примеч. имеются в виду брюки торговой марки «Докерс»*) и пенни лоферы (*Примеч. плоский школьный ботинок, на носу которого есть отверстие или прорезь, где можно было спрятать монетку в один пенни*), а не в полупрозрачной белой футболке с пятнами краски и рваных джинсах.

— Привет, — доносится до меня голос Ари. — Я — Ари, а ты, должно быть, ЭйДжей! — спрашивает она, не зная наверняка.

— Да, это я, — говорит он. — Ты, должно быть, Ари, — говорит он насмешливым голосом с сарказмом.

Я вытираю руки о кухонное полотенце и кладу деревянную ложку на салфетку.

— Эй, дорогая, — говорю я, идя к Ари. — Я вижу, ты познакомилась с ЭйДжеем. Не стесняйся игнорировать его, он сегодня немного в паршивом настроении.

— Дорогая, — слышу я тихий голос Шарлотты, как эхо на кухне. Не думаю, что это предназначалось для моих ушей, но я услышал. И заметил раздражение в ее голосе.

— Как прошел день? — спрашиваю я Ари.

— Хорошо, мы сегодня поработали на славу. Знаешь, скоро же День Матери, поэтому в магазине был полный дурдом.

День Матери — тот день, когда я прятался с Олив в темной комнате, где мы смотрели фильмы с момента пробуждения и до самого сна. Я делал все возможное, чтобы она не знала слишком много о Дне Матери. (*Примеч. В Соединенных Штатах Америки во второе воскресенье мая отмечают День Матери. У жителей Америки этот праздник очень популярен и находится на 5-м месте после Дня Святого Валентина, Дня отцов, Пасхи и Рождества*). Не думаю, что это необходимо, так как, возможно, вызовет только ненужную грусть. Она знает, что это — праздник, но знает это как день, когда мы смотрим кино вместе весь день. Фильмы без рекламы, должен добавить я.

Ари отводит руку из-за своей спины и протягивает небольшой букет из голубых жасминов.

— Олив, я слышала, что это твои любимые, — говорит она, наклоняясь, чтобы передать их ей.

Олив подбегает к Ари и осторожно берет цветы из ее рук.

— Да, мои любимые. Моя мама тоже любила их. Теперь я поняла, почему вы их рисовали на обратной стороне писем для папы, — хихикает она.

— Именно поэтому, — отвечает Ари мягким голосом.

Олив смотрит сначала на меня, а затем обратно на Ари.

— Папа сказал, что вы знали ее?

На плотно сжатых губах Ари появляется милая улыбка, показывая всем глубокие ямочки по бокам:

— Я знала ее. Она была красивой и невероятной женщиной, и ты выглядишь точно так же, как и она, — Ари легонько касается кончиком пальца носика Олив.

— Папа говорит то же самое, — хихикает Олив.

— Привет, я — Шарлотта, — Шарлотта выходит из-за моей спины и протягивает руку Ари. — Я... я так много слышало о... вас. Вы... — нервно смеется она. — Приятно с вами... в общем, добро пожаловать, — ее голос звучит достаточно дружелюбно, хотя я не уверен в этом судя по ее голосу.

— Боже мой, — восклицает Ари радостно, — я... я, — заикается она, прям как

Шарлотта. — Я тоже так много слышала о вас. Хантер все время так восторгается вами.

Восторгается? Вот черт. Не знал, что я зашел так далеко. Щеки Шарлотты сразу же приобретают алый оттенок, и она пятится, двигаясь по направлению к входной двери, где теперь стоит Лэнс. *Ничего себе, как неудобно получилось.*

— Привет, детка, — говорит он Шарлотте.

Детка. Что за отстой. Он чмокает ее в щеку и проводит рукой вниз по ее спине. Я не должен смотреть, но смотрю, и теперь вижу, что Ари ловит меня, пока я наблюдаю за этой парочкой, потому что толкает меня в плечо прежде, чем ухватиться за рукав моей рубашки и повести меня на кухню. Это была явно плохая идея, хуже, это была реально ужасная идея.

— Все хорошо? — спрашивает меня Ари, схватив деревянную ложку и помешивая томящийся на плите соус. — Ты не был знаком с Лэнсом до сегодняшнего дня?

— Да, это оказалось сложнее, чем я думал. Я просто рад, что ты пришла, — говорю я ей, пытаюсь добавить юмора своему голосу.

— Почему? Потому что твоя бывшая девушка пригласила своего нового парня к себе в твой дом, чтобы отпраздновать день рождения своей дочери? — Ари щурит на меня глаза, зажав зубами нижнюю губу. Я не могу понять, она подшучивает надо мной или спрашивает на полном серьезе. — Поэтому ты решил разбавить этот вечер моим присутствием, женщиной, которая носит сердце твоей жены, чтобы вечер был еще более странным, — ее смех снимает часть моего стресса. — Расслабься. Все нормально. Всегда есть причина, но только инструкции для жизни нет.

— Ох, — да, это единственное, что я могу сказать прямо сейчас, потому что все, что она только что сказала, правда.

— Хант, я не хочу ничего усложнять, но у меня есть один вопрос.

Только секунду назад я мог свободно дышать, как мою грудь снова сдавило.

— Да?

— Я более чем уверена, что Шарлотта замужем за заведующим хирургическим отделением больницы «Брукхилл». Или, должна сказать, он был... Я имею в виду, он раньше был заведующим хирургическим отделением.

— Что? Она разведена.

— О, ну, в общем, это имеет смысл тогда, — заключает Ари.

— Но я не знал, что он был хирургом, — говорю я. Хотя, помню, как дежурный врач в больнице узнал Шарлотту в тот день, когда Олив упала в школе. Я никогда даже не думал о том, чтобы поинтересоваться у нее, откуда она знает его, потому что был полностью занят Олив. Я всегда так занят, что не задаю самые важные вопросы. Я также никогда не задумывался о том, чтобы узнать больше о ее бывшем муже. Кроме того, что каждодневно слушал, что он полный мудака, я не видел потребности знать о нем больше.

— Был заведующим хирургическим отделением? — переспрашиваю я.

— Да, — отвечает Ари. Она рассматривает кухню, избегая встречаться со мной взглядом.

— Так ты знаешь Шарлотту? — спрашиваю я, намертво сфокусировавшись на ее блуждающих глазах. Я понимаю, что жены хирургов, как правило, не ходят по больнице, но не могу не спросить об этом после их странного приветствия в гостинной.

Ари смотрит вниз, где пальцами теребит подол своей черной рубашки.

— Да, то есть доктор Дон Дрейк был моим врачом в течение многих лет. Он был лучшим из всех, когда я была при смерти. Я практически жила в больнице, проходя

огромное количество различных исследований и экспериментов, и доктор Дрейк, казалось, всегда работал круглые сутки напролет, поэтому Шарлотта иногда навещала его на работе. На самом деле, она несколько раз приносила мне цветы. Я просто не уверена, что она помнит меня. Да что уж там, она навещала многих его пациентов.

Похоже, я ничего не знал об этой стороне Шарлотты. Как может кардиохирург такого уровня теперь работать в какой-то конторе?

— Шарлотта! — кричу я в сторону гостиной. Вот сейчас я точно все выясню.

— Хантер, что ты делаешь? — спрашивает Ари, прижав руки к моей груди. — Остановись!

Проходит несколько секунд, а затем я слышу мягко ступающие по полу шаги Шарлотты, в которых улавливаю какое-то сомнение, судя по тому, как медленно она приближается к кухне.

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашивает она, подходя к индейке.

— Хантер, — снова повторяет Ари.

— Посмотри на нее, Шарлотта, — говорю я ей.

Шарлотта поворачивается на пятках к Ари и засовывает руки в задние карманы джинсов. Спустя минуту она поднимает подбородок, с трудом заставляя себя посмотреть в глаза Ари, которая теперь чувствует себя крайне неудобно.

— Ариэлла, — говорит Шарлотта. — Как я могла тебя забыть? — Шарлотта осторожно кладет руку на плечо Ари. — Как твое сердце?

— Ты знала об Элли? — спрашиваю я Шарлотту. — Твой муж, он главный хирург в «Брукхилл». Дон Дрейк, это же его имя? Тот хирург, который удалил сердце Элли, — мои слова, наверно, звучат сейчас немного жестко, учитывая, что Элли умерла от аневризмы, но в течение пяти лет у меня не было никого, чтобы обвинить в случившемся, и сейчас на меня накатило огромное желание, наконец, сделать это.

— Бывший муж, — огрызается она. — И я не думаю, что Элли была пациенткой Дона, — тихо говорит Шарлотта, так тихо, что я не уверен, что она сказала это. — Он был кардиохирургом, а у Элли ведь не было проблем с сердцем, верно?

— Нет, не было, — кто-то в этой комнате точно может мне все объяснить, но я не знаю, у кого спросить. — Ты что-то знаешь, не так ли? — я хватаю деревянную ложку со стола и бросаю ее через всю кухню. — Ты знала, что именно я — причина, по которой умерла Элли? Да? Да, Шарлотта? Боже, — я смеюсь. Должна была знать. — Ты все знала об Элли, не так ли? Очевидно, дома для вас не писаны законы о конфиденциальности. (*Примеч. Имеется в виду закон об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан — Health Insurance Portability and Accountability Act*). Ты знаешь все, всю эту конфиденциальную хрень между врачом и пациентом. Поэтому он больше не работает в больнице? Потому что он безнравственно переступил через этот закон? — весь этот необдуманный поток льется из моего потерявшего фильтр рта, а в голове громко звучит голос отца. *Ты знаешь, к чему могут привести твои предположения.*

Теперь из глаз Шарлотты льются слезы, но она быстро берет себя в руки, потому что на кухню заходит Лэнс, причем сначала в дверном проеме появляется его перекачанная выпяченная грудь. *Чувак, ты ни хрена не крут. Ты выглядишь так, будто целыми днями позируешь сам же себе перед зеркалом.*

— Что здесь происходит? Все в порядке, детка? — *пошел ты нахрен вместе со своим «детка».*

— Да, — говорит она, всхлипывая. Положив руку ему на плечо, она выдавливает из себя фальшивую маленькую улыбку и сжимает его плечо немного сильнее. — Просто произошло недоразумение. Почему бы тебе не пойти поговорить с ЭйДжеем еще минутку? Обещаю, я скоро приду.

Без большого беспокойства с его стороны, он оставляет легкий поцелуй на ее макушке и берет пиво со стола, прежде чем отправиться обратно в гостиную.

— У тебя хватает наглости обвинять меня в этом, — произносит Шарлотта, лоя судорожно ртом воздух. — Более того, у тебя хватает наглости расстроить Ари, которая находится в этом доме только пять минут. Она не заслужила такого отношения.

Я смотрю на Ари, которая, неловко вжавшись в стену, обхватывает себя крепко руками. Она стоит, закусив нижнюю губу и уставившись на кафельный пол. Я обхватываю ее локти руками и притягиваю к себе.

— Прости.

Она неохотно ослабляет хватку своих рук, чтобы принять более удобную позу, но не смотрит на меня и ничего не отвечает.

— Я не знаю историю Элли, и, честно говоря, не знаю много о ее смерти. Что я знаю, так только то, что Дон потерял работу после громких судебных исков, предъявленных больнице после операции Ариэллы. Ты, наверное, слышал об этом деле, все в округе слышали. Это было во всех новостях, как и Ари!

Вот почему она показалась знакомой папе. Невероятно.

Теперь я окончательно запутался. Я не слышал об этом враче.

— Я точно не смотрел новости после смерти Элли. Я занимался новорожденным младенцем в период траура.

На лбу Шарлотты появляется испарина, когда она запускает пальцы в свои волосы и сжимает их.

— Никто не знал об этом, пока не стали рыть глубже, но СМИ было известно только то, что он участвовал в махинациях с документами по пересадке органов. Это все, что я знаю, потому что сразу после операции у него отобрали лицензию и уволили. В это же время он потребовал развод. Я просила его тысячу раз рассказать мне, что произошло на самом деле, но он сказал только, что это какое-то недоразумение, и обвинения в его адрес беспочвенны. Как и наш брак. Это все, что мне нужно было понять тогда.

— Махинации с документами? Что, блядь, это значит? — я кричу на нее, расхаживая взад и вперед, упершись руками в бока. Он что-то сделал Элли? Я знаю, это звучит абсурдно, но какие могут быть махинации с документами на пересадку органов?

Она пожимает плечами.

— Ты можешь только гадать, как и я. Несмотря на это, сейчас он подпольно продает рецепты разным заказчикам, зарабатывая больше денег, чем в больнице, будучи хирургом. Кроме того, ему не нужно отчитываться перед налоговой, потому что, по сути, он не работает. Вот почему я здесь, живу с тобой, если ты забыл.

Ошеломленный и растерянный, я пытаюсь собрать всю эту искаженную информацию воедино, пока Шарлотта проносится мимо меня, хватая блюдо с индейкой и несет его в столовую.

— Я знаю, о чем она говорит, — произносит Ари после того, как Шарлотта оказывается вне зоны слышимости.

Я выпускаю мягкий смешок.

— Что?

— Я не знала, что его уволили из-за меня.

— О чем ты говоришь? — снова спрашиваю я.

— Я не должна была получить сердце Элли, Хантер.

— Разве ты не говорила, что она сама хотела, чтобы его пересадили тебе? — кислород все труднее и сложнее поступает в мои легкие. — Скажи мне, о чем ты говоришь.

— Она хотела, но я думаю, что живой донор не может обещать свое сердце конкретному человеку. Это против медицинской этики или что-то в этом роде.

Я пытаюсь продумать свои слова, прежде чем они сорвутся с кончика моего языка, загнав Ари в угол и ранив ее беспричинно и эмоционально.

— Тогда как ты в итоге получила ее сердце? — этот вопрос звучит намного лучше, чем многие другие мысли, беспорядочно крутящиеся в моей голове.

— У доктора Дрейка были чувства ко мне...

Я чувствую, как мое лицо начинает гореть изнутри. Знаю, что уже красный, как рак. Я представляю, что из моих ушей, наверно, уже пар валит. И не уверен, что смогу справиться с тем, что вылетит из моего рта дальше:

— Ты же говоришь это несерьезно...

— Я никогда не давала повода, Хантер, но он озвучил свои чувства предельно ясно, — говорит она, отводя свой взгляд.

— Ты никому не сказала? — спрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие независимо от того, насколько зол сейчас.

— Он хотел спасти меня больше, чем любой другой врач. Я...

— Я понимаю, — перебиваю я ее.

— Когда мы с Элли узнали, что у нас одинаковые группа и резус-фактор крови, она пошла со мной, чтобы встретиться с ним и сказать ему, что станет донором только в том случае, если ее сердце пересадят именно мне. Она играла с ним, зная, что может легко шантажировать его тем, что я рассказала ей о докторе Дрейке — тех вещах, в которых он признался мне, моментах, когда он пытался... — она вздыхает и с трудом сглатывает. — В любом случае, это сработало. Не было никаких документов. Только соглашение в устной форме.

Я сжимаю рукой свой подбородок, чувствуя, будто в мою голову забивают гвозди. Такое ощущение, что меня просто ударили по голове сковородкой.

— Иисус...

— Не было никаких других доноров, мой шанс на выживание составлял меньше двух процентов. Он даже не сопротивлялся. Я могу только представить, о чем ты думаешь прямо сейчас, но если бы ты был мной, ты бы не пошел на этот риск, чтобы спасти свою собственную жизнь?

Вина. Это то, с чем живет Ари. Владея сердцем моей покойной жены, будучи причиной, по которой врач, проводивший незаконно операцию по трансплантации, впоследствии потерял свою медицинскую лицензию. Он должен был потерять ее в любом случае. *Кусок дерьма*. Интересно, разве можно выбирать между ответами на ее последний вопрос — жить или умереть? Я думаю, что большинство людей выбрали бы жить, независимо от того, какие могут быть последствия.

— Я понимаю, — говорю я ей. Я до сих пор не понимаю, почему Элли не сказала мне об этом. Я бы сказал ей не вмешиваться.

— Я не жду, что ты поймешь. Элли держала все это в секрете от тебя, и ты имеешь полное право злиться и убиваться, но клянусь тебе, что она скрывала это, потому что очень любила тебя.

Неважно, сколько раз она повторит это. Сам факт того, что между нами встал такой большой секрет, причиняет мне сильную боль.

— Мне нужна пауза. Иначе моя голова может взорваться в любую секунду, пытаюсь переварить эту информацию.

Элли была сильной духом женщиной. Если она хотела чего-нибудь добиться, то добивалась этого, и никто не мог остановить ее. Поэтому я совсем не удивлен, что она пошла к заведующему отделением кардиохирургии и поставила свои условия. *Только моя жена* могла контролировать то, что произойдет с ее органами после того, как она умрет. Эта мысль вызывает гордую улыбку на моем лице. Я узнал так много неизвестных подробностей из жизни Элли за последние месяцы. Я знаю, что она хотела подарить Ари возможность жить. И она подарила.

— Мы должны присоединиться к столу. Иначе ужин остынет, — говорит Ари.

Я обнимаю ее и веду в столовую, отодвигая для нее стул.

— Я хочу сидеть рядом с Ари, — говорит Олив с придыханием, забегая в комнату. — А ты, папа, можешь сесть с другой стороны от Ари.

Все молча рассаживаются за столом, кроме Эйджея, неприлично громко жующего хлеб и неторопливо разглядывающего каждого из нас в течение нескольких секунд.

— Итак, — говорит он, указывая ножом для масла. — Вы двое знаете друг друга? — он указывает попеременно на Шарлотту и Ари. — Мир тесен, да?

Наступает идеальная тишина. *О, Боже, ЭЙДЖЕЙ. Заткнись!* Я мысленно кричу, пытаюсь поймать его взгляд.

— Я бы не сказала, что мы знаем друг друга, — отвечает Ари. — Шарлотта просто прекрасный человек, который приносил мне цветы по праздникам.

— Ты знала, что Ари получила сердце Элли? — Эйджей задает вопрос Шарлотте вопрос, который хотел задать я, но отложил на тот момент, когда все уже разойдутся.

— Вы дружили с Элли, верно? — Шарлотта спрашивает Ари, уходя от вопроса Эйджея.

— Мы просто работали вместе, но да, вы могли бы назвать нас друзьями.

Напряги свои мозги. Напряги свои мозги. Я знал всех друзей Элли. Всех, кроме Ари. *Почему ты скрывала это от меня, Элли?*

— И Элли обещала тебе свое сердце, когда умрет? — продолжает Шарлотта.

— Ну... — запинаясь Ари.

— Ах, — говорит Шарлотта. — Все понятно, Дон просто не хотел потерять тебя. Я полагала, что в этой халатности с документами было нечто большее, но не была уверена наверняка, — в ее словах нет ни капли грубости. Вместо этого, на ее губах небольшая ухмылка. — Этот человек был полным кретином по отношению ко мне и никогда ни во что меня не ставил, но что касается его пациентов — некоторых из его пациентов — он никогда не пропускал ни одной красивой девушки.

— Мне жаль, что тебе пришлось так узнать об этом, — осторожно произносит Ари.

— Это действительно уже не имеет значения, — говорит Шарлотта. — На самом деле я рада, что наконец-то узнала, что же произошло тогда.

— Ничего не произошло... — Ари уже на грани слез.

Шарлотта позволяет себе легкую улыбку, как будто благодарна ей за ответы:

— Спасибо.

Тишина накрывает весь стол, и дискомфорт возрастает в десять раз. Лана и Олив смотрят друг на друга с недоумением, а Эйджей с Лэнсом, вероятно, пытаются выяснить, какого черта все говорят о каком-то чуваке. Да уж, я не думал, что этот ужин приобретет такой оборот. Очевидно, мы забыли повод, по которому здесь все собрались, — день рождения Ланы.

— У нас есть именинница сегодня вечером, — говорю я. — Вот почему мы все здесь, так что давайте отложим все остальное в сторону, чтобы начать прекрасный праздник Ланы.

— Ты это начал, — говорит Олив, нахмутив нос и выпятив нижнюю губу.

Шарлотта фыркает и бормочет что-то себе под нос, наверно, опять с сарказмом.

— Итак, — говорит Ари, следуя моему примеру, — сколько тебе исполнилось сегодня, Лана?

Лана поднимает руку, вытянув все пять пальцев, затем еще одну с поднятыми только двумя пальцами, но ничего не говорит. Она расстроена. Лана всегда говорит, если что-то беспокоит ее.

— Милая, что случилось? — спрашивает ее Шарлотта.

— Папа плохой? — спрашивает она, ковыряя дырку в куске хлеба, который держит в руке.

И снова оглушающая тишина. Как правило, мы обычно осторожны относительно того, что говорим вслух, но некоторые вещи тяжело удержать в себе в гневе.

— Нет, Лана, твой папа не плохой, — Шарлотта закрывает глаза и сжимает пальцы вместе. Мое внимание привлекают ее руки, заметив красный лак на ногтях. Я никогда не видел, чтобы она делала маникюр до сегодняшнего дня. Она та девушка, кто всегда ходит только в джинсах и футболках. Я смотрю внимательно на ее лицо и замечаю, что она нанесла больше косметики, чем обычно. Она пытается произвести впечатление на этого засранца?

— Ты врешь? — спрашивает Лана.

— Вру ли я тебе? — задает тот же вопрос Шарлотта.

— Нет, — отвечает Лана.

— Я хочу, чтобы ты напомнила мне, что ты хотела на свой день рождения. Что ты просишь у меня с сентября? — спрашивает ее Шарлотта.

Широкая улыбка расцветает на губах Ланы, а мысли о ее хреновом отце сразу же испаряются.

— Эммм, велосипед? — визжит она.

— Лэнс, ты бы мог принести подарок Ланы?

Шарлотта попросила меня помочь ей с велосипедом, и я, естественно, сказал «да», но когда она больше не спрашивала меня об этом, я подумал, что она решила купить другой подарок. Теперь я понимаю, она просто попросила помочь надувного Лэнса. *Чмо.*

— Конечно, детка.

В его словарном запасе только одно это слово?

Лэнс встает, предварительно снова надув свои мышцы на груди, и стонет, когда отодвигает стул от стола. Он указывает пальцем на Лану и подмигивает:

— Подожди, сейчас ты все увидишь, маленькая девочка.

Совсем не страшно.

Лэнс проскальзывает за входную дверь и возвращается через минуту, неся бирюзовый

велосипед с большой яркой розовой лентой на ручке. Лана издает визг, сравнимый с криком птеродактиля. Олив радостно смотрит на Лану, потому что я уже купил ей велосипед на день рождения, и теперь у этих двух девочек много планов на лето по катанию на велосипеде.

— Какой миленький велосипед, малыш, — говорит ЭйДжей своим басом. — И сколько же там разных скоростей у тебя на этой штуке?

Шарлотта заливается смехом, услышав ЭйДжея.

— Тебе нравится, дорогая?

— Безумно, мамочка! — напевает Лана. Она обнимает Шарлотту за талию, обернув крепко ручонками, и этот момент согревает мое сердце. — Спасибо, спасибо, спасибо! — Лана выпускает Шарлотту из своей хватки и идет к Лэнсу, позволяя ему тоже себя обнять. И это причиняет мне боль. Так не должно быть. Я ей не отец и не бойфренд ее матери, я всего лишь человек, с которым она живет сейчас. Но я люблю ее, несмотря ни на что.

— Олив, ты тоже должна поздравить Лану сейчас, — говорю я ей.

— Ура! — кричит Олив, пока бежит вприпрыжку вверх по лестнице. Я слышу, как она борется с пакетом в своей спальне, прежде чем возвращается в столовую.

— Что это? Что это? — спрашивает Лана радостно.

— Две рации! — сразу же выдает Олив, прежде чем Лана открывает подарок, но она, кажется, без ума от подарка. Они постоянно просили у меня их последние пару месяцев, поэтому я подумал, что это может быть хорошим подарком.

После открытия подарков, девочки уходят играть, а мы остаемся доедать остывший ужин. Все кажутся довольными на данный момент, поэтому я думаю, что оставшийся вечер пройдет спокойно.

Я доедаю первым, глядя на Шарлотту просто потому, что она сидит напротив меня. Я замечаю, что она смотрит на меня с небольшой, почти неузнаваемой ухмылкой. ЭйДжей, Ари и Лэнс заняты обсуждением цветов и магазина Ари, девочки в гостиной играют с рациями, а мы с Шарлоттой играем в гляделки.

— Я никогда не хотела причинить тебе еще больше боли, Хантер, — говорит она тихо. — Когда ты впервые сказал мне про Элли, ее полное имя, я сложила дважды два, но с тем количеством боли, которую увидела в твоих глазах, а ведь столько лет прошло, не видела смысла рассказывать тебе, кто мой бывший муж. Я не скрывала информацию по какой-либо другой причине, просто не хотела расстраивать тебя еще больше.

Я хочу наклониться к ней через весь стол и взять ее за руку, но это было бы неуместно сейчас. Я верю ей:

— Я знаю, — говорю ей.

— Этот город настолько маленький, трудно не встретить кого-то, с кем бы ты не был знаком в той или иной степени.

— О, — я смеюсь, — это уж точно.

Я встаю из-за стола и собираю как можно больше тарелок, которые смогу унести за раз. Шарлотта тут же встает с другой стороны стола, и мы встречаемся на кухне.

— Это все неправильно, — говорит она мне, когда мы оказываемся за стеной между кухней и столовой.

— Что именно?

— Весь этот вечер сегодня. Мне не нравится Лэнс, и думаю, что мне нужно подправить некоторые алгоритмы на моем сайте знакомств, потому что он свел нас вместе, — она выглядит несколько смущенно и смешно одновременно.

— Да, возможно, следует обдумать и кое-что исправить, — говорю я, положив руку на ее плечо. Шарлотта смотрит на мою руку, как будто это странно для меня — прикасаться к ней. Особенно учитывая наш нынешний статус.

— Неужели ваши отношения с Ари все еще в подвешенном состоянии? — спрашивает она.

Я закрываю ненадолго глаза, не зная, что ответить.

— Да, все сложно. Но у нее сердце Элли. Я влюблен в это сердце и не знаю, причастна ли к этому сама Ари, но не могу оттолкнуть ее, так как очень долго жил вдалеке от него.

Шарлотта кладет руки на мои бицепсы и смотрит на меня:

— Я понимаю, — говорит она, слегка прищуриваясь. — Я действительно, действительно понимаю.

— Понимаешь?

— Да, просто будь честен по отношению к своему сердцу тоже, Хант.

ИЮЛЬ

— *Два месяца спустя* —

— Я думаю, что это последняя коробка, Шарлотта.

— Как же будет приятно снова оказаться дома, — говорит она. — Не то чтобы нам плохо жилось с тобой и Олив, но я так скучаю по своему баракхлу.

Арендаторам через дорогу потребовался месяц для освобождения дома, что вынудило Шарлотту повременить с переездом. Единственное, что важно, так это то, что она все-таки выиграла суд, и Дон больше не продает рецепты подпольным консультантам. Это довольно-таки сложно было сделать, но благодаря Лане, подтвердившей, что отец не очень часто ее навещал, ей удалось убедить судью в своем праве. Я не знаю, отпустила ли Шарлотта всю эту ситуацию, но не думаю, что она снова будет ему доверять. Сейчас ее жизнь налаживается, и это самое главное.

— Мам, мы действительно должны вернуться обратно? Мне нравится жить здесь. К тому же мы с Олив уже как сестры, а ты не должна разлучать сестер. Разве ты этого не знаешь? — Лана и Олив были очень расстроены, когда мы сообщили им эту новость две недели назад. Это немного разбивает мне сердце.

— Девочки, вы будете всего лишь в ста метрах друг от друга. Не стоит расстраиваться из-за этого, — говорит им Шарлотта.

— Я не понимаю. Правда, почему вы переезжаете? — спрашивает Олив. — Разве ты и папа не женаты сейчас? Разве женатые люди не живут вместе?

Олив оглушает меня своими вопросами, и в моем животе разворачивается пропасть. Опускаясь на колени, я притягиваю ее к себе.

— Почему ты думаешь, что Шарлотта и я женаты, Олив?

— Вы живете вместе, и ты любишь Лану, — ее причины так просты, невинны и верны, но так далеки от действительности.

— Дорогая, это не значит, что два человека женаты.

— Но, папа, ты же любишь Шарлотту... тоже, — говорит она, достаточно громко, чтобы Шарлотта и Лана слышали. Я чувствую пристальный взгляд Шарлотты, прожигающий дыру в моей спине.

Моя совесть не может больше правильно реагировать на интеллектуальные вопросы

Олив и ее предположения.

— Олли, тебе только шесть. Откуда ты знаешь, что такое любовь?

Маленькая улыбка появляется на ее губах, когда она закрывает глаза и прижимает руки к моим плечам.

— Это — теплота, которую ты чувствуешь, когда ты рядом с кем-то, как будто вы вместе. Разве это не то, что ты чувствуешь, когда Шарлотта и Лана здесь? — ее вопрос пронзает меня насквозь, так как я даже никогда не предполагал, что она сможет почувствовать это. Если бы я только знал, то был бы осторожнее. Я просто не уверен, как можно быть еще более осторожным в этой ситуации.

— Во сколько сегодня приедет Ари? — спрашивает Шарлотта.

— Я не знаю, приедет ли, — отвечаю я.

— Что ты имеешь в виду? Сегодня же пятница. Вы разве не должны пойти в сады сегодня?

— Она в последнее время немного отдалилась, думаю, и я тоже.

— Как так? — выпытывает Шарлотта.

— Не знаю, — я отмахиваюсь от ее вопроса. По правде говоря, я не обратил особого внимания на отсутствие общения Ари со мной, в основном, потому, что у меня было много работы в течение последних двух недель. Я также немного расстроен, что Шарлотта и Лана съезжают, поэтому не чувствовал себя слишком заинтересованным, чтобы заниматься чем-то еще. Эйджей нашел жилье в прошлом месяце, и впервые за долгие месяцы мы с Олив снова остаемся одни в этом доме. Я рад, когда мы остаемся одни, но этот дом будет ощущаться пустым завтра с утра.

— Ох, — говорит Шарлотта, выглядя при этом немного удивленной. Она поднимает небольшую коробочку и несет ее к двери, чтобы заклеить. — Это странно.

Странно.

Я достаю телефон и отправляю Ари сообщение.

Я: Сегодня пятница, ты приедешь?

Проходит десять минут, а ответа так и нет. Я отправил ей несколько сообщений за последние две недели: с предложением встретиться, просил ее пообедать со мной или просто поговорить, по крайней мере.

— Почему бы тебе не пойти и поговорить с Ари в магазине? — предлагает Шарлотта.

Я киваю в ответ, соглашаясь с ее предложением.

— Мне кажется, что ей может это не понравится, но, предполагаю, я должен узнать, что происходит.

— Иди, девочки будут со мной. Мы как раз начнем распаковываться.

— Спасибо, — говорю я, поднимая Олив и крепко обнимая ее. — Я вернусь через пару часов.

Она кладет свои маленькие ручки на мои щеки.

— Сердце мамочки — это не мамочка.

— Олив, — отвечаю я сквозь хриплое дыхание. — Я знаю это.

— Это правда, — говорит она мне на ухо. — Просто помни об этом.

Я опускаю ее вниз и смотрю на Шарлотту, которая держит свою руку у груди, делая глубокий вдох.

— Я надеюсь, что все хорошо, — говорит она мне. — Передай ей привет от меня.

— Ты уверена, что справишься с этими двумя, пока будешь разбирать коробки?

— Да, мы будем в порядке, — Шарлотта подходит ко мне и обнимает руками за шею — жест, который она не использовала с того момента, как переехала ко мне. — Спасибо, что спас нас, когда я нуждалась в этом больше всего. То, что ты сделал — незабываемо, и ты, действительно, самый искренний лучший друг, который у меня когда-либо был.

— Ты так говоришь, будто больше не будешь со мной разговаривать без причины, — отвечаю я взволновано.

— Я не говорила этого, — протестует она. Отстранившись немного, она проводит большим пальцем по моей щеке, прежде чем оставить небольшой поцелуй на том месте, где был ее палец. Прикосновение ее губ посылает приятное тепло по всему телу, хотя она всего лишь поцеловала меня в щеку.

Я хватаю ключи с боковой полки и выхожу на теплый июльский воздух. Солнце сегодня жаркое, а воздух сухой — идеальная летняя погода — любимое время года Элли. Вскоре после того, как мы поженились, мы пошли в сад, нашли скамейку прямо под солнцем и сидели там, пока не стало слишком жарко. Мы опустили наши головы на спинку скамейки навстречу солнцу, которое окутывало нас своим теплом.

Прежде чем отправиться в цветочный магазин, я делаю крюк, заезжая в сад, впервые за пару месяцев. Я шагаю медленно вниз по затененной тропинке по пути к нашему дереву. Вокруг него много жасмина Ари, которые я посадил пару месяцев назад. Я кладу руки на выгравированную запись и прислоняюсь головой к дереву.

— Я делаю все неправильно, Эл? Мне кажется, что это все, о чем я тебя когда-либо спрашиваю. Я просто хочу, чтобы ты ответила мне хотя бы раз... — тяжело вздохнув, я опускаюсь на траву. — Я думал, что уже все выяснил, но ты знаешь, чего я не могу понять? Я никогда не смог бы принять твое решение. Ты, как предполагалось, должна была быть со мной, пока бы мы не стали старыми и седыми, — вцепившись в острую поросль свежей травы, чувствую, что вина снова проникает в меня, как обычно это бывает. — Вместо этого я был ослом, и мы попали в аварию. И ты тоже была хороша, не сказав мне, что эта автокатастрофа сократила твою жизнь на семьдесят лет или около того. Думаю, мы были два дурака, предназначенные друг другу. Теперь я сижу здесь перед выбором между двух дорог и не знаю, какую выбрать... — я делаю глубокий вдох, обдумывая ответ на свой собственный вопрос. — Элл, я следую за твоим сердцем или за своим?

— Ты следуешь за своим сердцем, Хантер, — голос Ари такой мягкий сквозь легкий ветерок. Я не видел, как она спустилась по ступенькам, и не заметил ее машину на парковке, когда приехал, но она пришла вслед за мной, значит, она была здесь все это время.

— Ари, — говорю я, вставая и отряхивая штаны. — Почему ты не отвечала на мои звонки и сообщения?

Она кладет руку на сердце, сердце Элли. Другой рукой берет мою и тянет к скамейке, где мы садимся.

— Ты помнишь, как я сказала тебе, что недостаточно хороша для тебя, что ты, в конечном итоге, будешь страдать из-за меня? — спрашивает она.

— Да, я помню этот разговор, — я кладу руку на ее дрожащее колено.

— Я эгоистка. Я была эгоистичной, Хантер. Но, пожалуйста, помни, чем бы это ни было — общение, дружба, отношения или нечто большее.

Я не понимаю, что она подразумевает под этим. Мои глаза слепит солнце, в то время

как я удивленно смотрю на нее.

— Нет такого понятия, как эгоистичная, учитывая, какой расклад ты получила на руки.

— Все это время я знала, что ты любишь сердце в моем теле, но не могла ничего поделаться и приняла это как должное — ты относишься ко мне так, как никто и никогда. Ты джентльмен и идеальный также во всех других отношениях. Все было так просто, но тебе удалось заставить меня почувствовать то, что, я была уверена, никогда не смогу почувствовать. Ты заставил меня почувствовать себя живой.

— Ты прощаешься со мной? — я смеюсь с тревогой, надеясь, что это всего лишь шутка, но уверен, что это не так.

Она смотрит в небо и закрывает один глаз от яркого солнца.

— Я видела тебя и Шарлотту в продуктовом магазине на прошлой неделе, — она замолкает и улыбается солнцу. — Ты знаешь, что вам предназначено быть вместе, верно?

— Что? Где ты была? Почему не подошла к нам?

— Я... я не могу ответить пока что.

— Я не понимаю. Где ты была все это время, Ари?

— Я знаю, — говорит она. — Хантер, я знаю, ты хочешь быть рядом со мной по большому количеству причин, чем просто сердце Элли. Мы стали действительно близки, но я калечу твою жизнь прямо сейчас. Ты просто не осознаешь этого.

Я наклоняюсь и срываю маленький белый цветок, уставившись на него и переваривая ее слова.

— Как ты могла такое подумать?

— Помимо того, что я чувствую, что препятствую тебе двигаться дальше и строить нормальные отношения с Шарлоттой, единственной, кто, вероятно, проживет с тобой до старости, есть еще один факт, который ты пропустил или никогда не рассматривал...

Порыв ветра уносит маленький цветок из моих безвольных пальцев, с сильно колотящимся сердцем я оглядываюсь на нее. Ари кусает губы, и это говорит мне о том, что она борется изо всех сил, пытаясь сохранить самообладание.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, — говорю я, наклоня голову и глядя на нее в недоумении.

— Некоторым людям невероятно повезло прожить долгую жизнь после пересадки, но один из двух реципиентов не проживает больше десяти лет.

— Ну, у тебя же есть пятьдесят процентов, — говорю я ей, чувствуя злость, потому что так и должно быть. Сердце Элли должно выжить. Я замечаю интересный камешек, которому, как мне кажется, Олив обрадуется. Пытаюсь отвлечь себя от слов Ари, я наклоняюсь, чтобы поднять его, и замечаю, что он по иронии судьбы в форме сердца — не как на день Святого Валентина, а как реальное сердце.

Ари качает головой и откидывает волосы за спину.

— Нет, только не у меня, — говорит она, разочаровано вздыхая.

— Что? О чем ты говоришь? — спрашиваю я, в моем голосе звучит нарастающий гнев, и я бросаю поднятый камень так далеко, как могу. — Ты не можешь этого знать, Ари, ты не должна так говорить. Ты должна верить в лучшее. Посмотри, как далеко ты продвинулась за последние шесть лет.

— Хантер, — спокойно говорит она. — Стоп. Просто остановись.

— Ари, какого черта ты пытаешься сказать мне прямо сейчас?

Она встает со скамейки и трет пальцами запястье, пока ходит взад и вперед.

— В прошлую пятницу после обеда я ездила на обследование, которое проводится два раза в год. Врач обнаружил то, что мы надеялись никогда не найти.

— Что? Ари, скажи мне, пожалуйста, — прошу я.

— Сканирование показало, что у меня ускоренная ишемическая болезнь сердца. *(Примеч.: Ишемическая болезнь сердца — патологическое состояние, характеризующееся нарушением кровоснабжения миокарда вследствие поражения коронарных артерий).*

Я даже не знаю, что это значит, но слово «болезнь» и слово «ишемическая» говорит о многом.

— Ну, это можно вылечить. Они могут дать тебе лекарства или изменить твой рацион питания, верно? Теперь, когда они знают, в чем проблема, они смогут решить ее... — конечно, я знаю, это звучит нелепо, совершенно не понимаю, о чем говорю. — Я уверен, что врачи могут сделать что-то, чтобы помочь тебе. Пожалуйста, не будь такой пессимисткой! — я почти кричу на нее, ругаю ее за то, что она говорит. Почему она говорит все это мне? Почему выглядит так, словно на самом деле больна? Почему я чувствую, что заболеваю? Почему, черт возьми, я чувствую, что расплачусь через минуту, как чертов ребенок?

— Они дали мне год максимум, Хантер, — и она просто так говорит слова, которые я надеялся никогда не услышать. — Я не хотела рассказывать об этом, боясь снова втянуть тебя в то состояние, которое ты уже пережил однажды.

Я встаю и без каких-либо предупреждений хватаю ее и притягиваю к себе. Я сжимаю ее сильнее, чем следует, плачу сильнее, чем когда-нибудь плакал. Я прижимаюсь лицом к ее щеке, покачиваясь вместе с содроганиями моего тела.

— Нет, — кричу я. — Нет, нет, нет...

Она обнимает меня.

— Мне дали шесть лет — подарок от Элли. Это был дар, Хантер. Я не должна была прожить дольше двадцати лет, а сейчас мне почти тридцать. Это подарок. Пожалуйста, пойми, что она сделала это для меня. Ее сердце должно было быть только для нее, но она разделила его так, чтобы я смогла прожить немного нормальной взрослой жизнью. Это все, что я хотела, так как мне диагностировали сердечную недостаточность еще в пятнадцать. Мне не грустно. Я не боюсь. Я так невероятно благодарна за то, что ты и Элли дали мне.

Что я дал ей? Я не давал ей сердце Элли. Я бы боролся с Элли при завещании ее сердца, если бы знал, что она решила сделать. Я бы хотел удержать все ее частицы вместе, единым целым, и все из-за моего собственного эгоизма по сумасшедшим причинам, ведь ее кремировали на миллиард кусочков. Поэтому она была достаточно умна, чтобы не говорить мне. Ари было дано время благодаря Элли. Только Элли.

— Я не оставлю тебя, — говорю я ей.

— Нет, оставишь, — отвечает она. — Ты будешь с женщиной, которую любишь, и это сделает меня счастливой. Я буду знать, что могу покинуть этот мир, чтобы найти Элли и сказать ей, что в благодарность за ее дар я удостоверяюсь, что твое сердце теперь счастливо.

Ее настроение улучшается, но я не могу, сидя здесь, сказать ей, что уйду, потому что она умирает, потому что сердце Элли умирает.

— Я сделаю все, чтобы помочь тебе.

— Со мной все будет хорошо, — говорит она. — Мои родители поедут со мной на следующей неделе.

— Это уже произошло или...

— Я уже проходила через это раньше. Врач сказал, что мое состояние будет ухудшаться

постепенно.

— А что насчет другого донора? Мы можем найти тебе другого донора? — я отбиваюсь от мысли, что она уже рассматривала этот вариант.

— Хантер, — смеется она тихо. — Элли была единственной. Поверь мне. Я уверена, ты знаешь, что у нее была редкая четвертая отрицательная группа крови.

— Да, самая редкая кровь. Я не думал об этом раньше, — говорю я ей.

— Я верю, что судьба свела меня с Элли. Менее одного процента населения имеет такую кровь, и, в конечном итоге, я нашла ее, словно это знак.

Забавно, что мы чувствуем одно и то же к Элли; я так долго считал, что Элли — моя единственная. Хотя недавний процесс восстановления доказал мне, что иногда есть больше, чем один шанс.

— Один процент населения мира составляет семьдесят один миллион, Ари.

Она снова обнимает меня и кладет голову мне на плечо, берет мою руку и подносит ее к своей груди, позволяя мне вновь почувствовать биение сердца Элли.

— Теперь ты понимаешь, почему я сказала тебе, что это не твой путь?

— Да, — выдыхаю я, — но твой путь привел меня туда, где я сейчас. Ты была права насчет того, что Роберт Фрост не прав.

— Отвези меня к Шарлотте, — говорит Ари. — Мне нужно поговорить с ней.

— Что? Зачем? — отстраняясь, спрашиваю я, вопросительно глядя на нее.

— Просто отвези меня к ней.

Пока мы едем от садов до моего дома, я понимаю, что мы застряли в пробке. Я вцепляюсь в руль так, мои суставы белеют, грудь болит, горло стягивает, а голова раскалывается, и я все еще чувствую, что заболеваю. Я пытаюсь понять все, что сказала мне Ари. Хочу найти лазейки и способы, чтобы повернуть всю эту ситуацию, исправить ее. Никто никогда не говорил мне, что умирает, и теперь, когда это произошло, я чувствую себя потерянным в самом центре страшного смерча, который высасывает мои органы через кожу. Она была права, что Роберт Фрост не понимает, о чем пишет. В некоторых сферах жизни нет никаких путей, где можно сделать выбор, все предопределено за нас, и когда человек должен умереть, он умирает. Без шансов.

— Как себя чувствуешь? — спрашиваю я ее.

— Я немного устала, у меня отдышка, и еще меня подташнивает, но это еще цветочки по сравнению с тем, что я уже пережила, — конечно, я даже не сомневаюсь, что она была на волосок от смерти, пока не получила сердце Элли. Теперь она должна пройти через это все снова. Как жестока жизнь для того, чтобы оказаться в шаге от смерти дважды?

— Я хочу помочь тебе, — говорю я ей снова. Я не собираюсь сидеть, сложа руки, и делать вид, что ее не существует, пока однажды не прочитаю некролог в газете.

— Я ценю это, — говорит она, — но, зная, через что мне предстоит пройти в ближайшие несколько месяцев, я не хочу, чтобы кто-нибудь стал свидетелем этого.

— Это несправедливо, — говорю я ей. — Думаешь, меня волнует, как ты выглядишь?

— Хантер, — говорит она твердо. — Я не заставлю тебя пройти через это второй раз. Потеря Элли и так стала для тебя огромной бедой, которую ты должен был пережить в своей жизни.

Я усиливаю хватку на руле, желая сказать так много, но знаю, что все эти слова не возымеют нужного эффекта.

— Что будет с цветочным магазином?

Краем глаза я вижу, как она вздрагивает.

— Я буду продолжать работать, пока у меня будет такая возможность.

— А вдруг ты однажды умрешь, будучи одна в магазине? — я не должен был этого говорить. Ее глаза выстреливают в меня невидимые кинжалы, и она имеет полное право так на меня смотреть.

— Моя мама звонит мне каждый час. Если я не отвечу, она будет знать, что я умерла, — фыркает Ари, в итоге разозлившись на меня. Ее голос сердитый, слова холодный, и в нем так много гребаной боли, той боли, которую она пытается скрыть.

— Можно я буду навещать тебя? — спрашиваю я, пытаюсь говорить помягче. Я чувствую, что уже знаю ответ на этот вопрос.

— Нет, — говорит она без долгих раздумий.

— Но магазин открыт для всех посетителей, не так ли? — теперь я просто говорю, как ребенок, потому что знаю, это не поможет, но от этого я чувствую себя лучше.

— Хантер, — вздыхает она. — Пожалуйста, не делай все сложнее, чем это может быть, — теперь она говорит так, будто она мамочка, читающая мне лекции. — Если ты думаешь, что я захочу умереть достойной смертью рядом с мужчиной, который заполонил каждую частичку моей жизни, тогда ты ошибаешься. Мне нравится, что ты проводил так много времени со мной последние несколько месяцев. Зная человека, который потерял свое сердце в тот день, когда Элли отдала его мне, я чувствую такое умиротворение и спокойствие, которого не было раньше. Это большее, что я могла попросить у Бога. И все равно, это — эгоизм с моей стороны. Я хотела встретиться с тобой, чтобы почувствовать себя лучше, зная, что ты уже не тот сломанный мужчина у таксофона в больнице. Мне нужно было просто знать, что ты выжил. Бог дает, и Бог отбирает. Он дал мне и отнял у тебя, и я должна была лично поблагодарить тебя, потому что это меньшее, что я могла сделать! — Ари шмыгает носом, сделав паузу в своей явно незаконченной мысли. — Ты удивительный человек, Хантер, и я ценю время, которое мы провели вместе. Вина больше не будет душить меня, поскольку я знаю, что ты будешь в порядке. Но помимо этого, мой эгоизм нашел здесь свое окончание. Теперь я хочу защитить тебя, я не хочу, чтобы ты видел, как второй человек в твоей жизни умирает, — Ари преподносит это так, будто она использовала меня, но, прежде всего, я хотел быть рядом с ней по своим собственным эгоистичным причинам. Причина в том, что ничего не длится вечно, и она умрет.

Умрет. Это слово каждый раз бьет меня по больному месту. Оно символизируют конец, конец всему. Этот конец как молчаливый знак препинания; спокойно пробивает себе путь через сердце каждого, кому пришлось стать свидетелем смысла этого глупого слова.

Мы подъезжаем к дому, и я выхожу первым, наблюдая, как Ари бесстрастно смотрит сквозь лобовое стекло. Я хочу знать, что происходит в ее голове. Хочу знать, что все, что она только что сказала мне, вынужденная ложь, и что она действительно хочет, чтобы я был рядом. Но как только я прогоняю эту мысль в своей голове еще раз, то вспоминаю, как видел последний вздох Элли, который она сделала без этого проклятого аппарата искусственного

дыхания. Я стал свидетелем ее бездыханного тела после того, как ее мозг умер. Жизнь, которая была когда-то написана на ее лице, превратилась в гладкое полотно небытия. Я не уверен, что смогу пережить это снова, и не важно, на чем основаны наши отношения, — на эгоизме или нет, но если для нее это еще что-то значит, то я буду с ней до конца.

Я не влюблен в Ари, как обычный мужчина влюблен в женщину. Вместо этого я люблю человека, которому было дано время благодаря сердцу Элли, чтобы убедиться, что о ее сердце заботились, его любили и после смерти. Мне нравится, что кто-то дал жизнь ее сердцу, даже пусть и ненадолго. У Элли было большое сердце — столько любви, заботы и сострадания было в нем, что оно заслуживало жить.

Я открываю дверь Ари и протягиваю ей свою руку.

— Я могу выйти сама, — говорит она скромно. — Спасибо.

Выйдя из машины, Ари идет к моей двери, но я останавливаю ее.

— Шарлотта переехала домой сегодня, — Ари смотрит на меня несколько долгих секунд, глядя то на мой дом, то мне в глаза. — Она была счастлива, когда ей вернули ее дом.

Ари приподнимает брови, пока обдумывает мои слова. Затем поворачивается и проходит мимо меня, направляясь вниз по дороге. Я следую за ней к дому Шарлотты. Я до сих пор не имею понятия, почему она решила приехать сюда и что должна сказать Шарлотте, но мы уже здесь, и я хочу выяснить, зачем она это делает.

Шарлотта открывает дверь и смотрит в замешательстве на Ари.

— Ари? Ты в порядке? — она не сразу видит меня, но теперь недоумение на ее лице становится более заметным. Я возвращаю ей такой же недоуменный взгляд, давая понять, что не в курсе происходящего. — Заходите, — говорит Шарлотта, отступая от двери и позволяя нам войти внутрь. Коробки частично уже разобраны. Половина из них открыта, а другая все еще заклеена. Мебели еще нет, так как транспортная компания приедет только завтра утром. Поэтому дом пока пуст.

Я слышу, как поют и танцуют девчонки в одной из комнат наверху, и эхо их голосов подсказывает мне, что комната также без мебели.

— Сожалею, что побеспокоила тебя, — говорит Ари, заходя в пустой дом. — Я уверена, что у тебя много дел и совсем нет времени на меня, но я почувствовала, что это необходимо, ну, прийти сюда и поговорить с вами. Обоими.

Выражение лица Шарлотты сменяется с недоуменного на беспокойное, и я могу предположить, что она, так же, как и я, не понимает, что это может быть и почему Ари находится здесь, в доме Шарлотты.

— Мне жаль, что у меня нет хотя бы стульев, чтобы предложить вам присесть, — говорит Шарлотта. — Ты выглядишь измотанной. Что происходит? — Шарлотта смотрит на меня, будто на моем лице должен быть написан ответ, или мои глаза сейчас все расскажут, но я не думаю, что мой взгляд способен донести, что человек в этой комнате умирает.

— Хантер любит тебя, — говорит Ари в перерыве между тяжелыми вздохами, словно она только что поднялась по лестнице. — Он говорит о тебе все время. Его глаза загораются, когда я упоминаю твое имя. Он говорит о Лане так же много, как и об Олив. Для него было удовольствием жить с тобой в одном доме последние несколько месяцев, ты была для него не просто соседкой. Он не хотел, чтобы ты съезжала. Ты — та семья, которую он хотел создать в прошлом с Элли. Отношения, которые были между Хантером и мной, это всего лишь добрая дружба, только для меня это было нечто большее. Я всего лишь человек, который носит сердце Элли, и я не должна стоять между вами двумя.

— Ари, — шепчет Шарлотта. — Почему...

— Я говорю это потому, что ты также смотришь на него. Ты всегда говоришь о нем, когда мы с тобой болтаем. Ты любишь Олив. Тебе нравилось жить с ними, и ты съехала только потому, что думаешь, будто он этого хочет.

— Это неправда, — говорит Шарлотта с сомнением в голосе. — Не все из этого правда...

Я не уверен, что это важно, — что из этого правда, а что нет. Смысл от этого не поменяется.

— Хантер поклоняется мне, — продолжает Ари. — Он влюблен в мое сердце. Он был очень хорошим другом, он избавил меня от вины, когда я была в отчаянии... — Ари подходит ближе, беря за руки Шарлотту. — Я счастлива и благодарна, что провела это время, чтобы узнать о нем, услышать счастье в его словах, когда он говорит о тебе. Я видела, как он постепенно обретает счастье, и это вдохновляло меня. Он заставил меня полюбить его, — Ари мягко смеется, розовый румянец заливаает ее щеки. — Мое сердце принадлежит Элли, а сердце Хантера принадлежит тебе, Шарлотта.

Глаза Шарлотты открываются шире, а на ресницах блестят слезы.

— Я не понимаю, почему ты говоришь все это, — произносит Шарлотта.

Чувствую, что должен вмешаться и оградить их обоих от боли, но не знаю как, и не знаю, что сказать. Не думаю, что имею право раскрывать тайну Ари. Она наклоняется к лестнице, по-видимому, чтобы убедиться, что девочки ничего не слышат, затем выпрямляет спину и делает резкий, короткий вдох.

— Никто не давал мне пожизненную гарантию на это сердце, у всех все по-разному. Некоторым повезло прожить долгую жизнь, в то время как другие не могут надеяться на это даже в первые шесть месяцев после операции. Я живу уже почти шесть лет и считаю, что мне повезло.

— Что? — спрашивает Шарлотта сквозь сбившееся дыхание.

— Но ближайший год не сулит мне везенья, — без колебаний заканчивает Ари.

Однако для Шарлотты этого оказывается слишком. Слезы льются по ее щекам, оставляя красные полосы на ее уже разгоряченной коже. Нет слов, чтобы убедить Ари в обратном, как я уже понял. Вместо того, чтобы что-то сказать, Шарлотта быстро подходит к Ари и обнимает ее за шею. Интересно, Шарлотте кто-нибудь говорил раньше, что он умирает, или для нее это тоже впервые. Я думаю, что впервые. Она смотрит на меня сейчас широко раскрытыми глазами, совсем не моргая, будто кто-то сейчас озвучил самые важные новости во всем мире. *Это, безусловно, разрушает наш собственный маленький мир, и все изменится.*

Ари обнимает Шарлотту в ответ и кладет голову ей на плечо.

— Я буду с тобой, — говорит Шарлотта. — Каждый день. Все, что тебе только понадобится. Мы все будем с тобой.

Услышав такие теплые слова, произнесенные устами Шарлотты, во мне пробуждаются все те чувства, которые я испытывал к ней.

— Это не обязательно, но спасибо за любезное предложение, — говорит Ари, высвободившись из крепких объятий Шарлотты.

— Ты должна понять, — спорит Шарлотта. — Мы друзья, и я сделаю все, что могу, все, что тебе нужно.

Я знаю, когда их жизненные пути пересеклись, но я бы не назвал это дружбой в той

неловкой ситуации, в которую всех впутал.

— Я не хочу, чтобы вы проходили со мной через все это, — объясняет Ари. — Особенно Хантер.

— Перестань беспокоиться обо мне, — отвечаю я Ари.

— Пойми, — говорит Ари. — Я пришла сегодня сюда, потому что хочу, чтобы вы двое уже разобрались в себе и поняли, кто вы друг для друга. Я хочу, чтобы Элли знала, что я выполнила свое обещание. Я должна убедиться, что Хантер счастлив. Я дала это обещание много лет назад, когда она поняла, что ее время заканчивается. Я дала это обещание, когда никто из нас не знал, кто кого переживет.

Мы с Шарлоттой смотрим друг на друга, видимо, пытаясь прочесть мысли друг друга.

— Возможно, потребуется время, чтобы вы осознали все, — говорит Ари, глядя на каждого из нас, — но Шарлотта создана для тебя, Хантер, — Ари переводит взгляд на Шарлотту. — А Хантер — для тебя. Я никогда не была в чем-то так уверена за всю свою жизнь.

— Ари, — говорит Шарлотта, но затем замолкает, позволяя тишине поглотить пустую комнату.

Это, наверно, была самая длительная минута в моей жизни, пока шаги Олив не нарушили ее. Она бежит к Ари и обнимает ее за ноги.

— Ты сказала ему? — спрашивает она Ари.

Меня охватывает удивление и жар, когда я начинаю думать над тем, что известно Олив, и что именно ей сказала Ари. Она моя дочь, и я единственный, кто может объяснить ей смысл жизни и смерти. Это моя работа и мое право, никто не должен отнять его у меня. Хотя осознаю, что беру на себя слишком много, я не могу представить жизнь, которую предстоит прожить Оливии. Когда Ари сказала ей?

— Сказала мне что, Олив? — я стараюсь удерживать спокойный тон голоса при помощи размеренных вдохов, но мое лицо горит, и я уверен, что оно уже красное.

— Оливия не в курсе, — говорит Ари.

— У Ари есть подарок для тебя, — говорит Олив.

Ари лезет в сумочку и достает конверт.

— Прочитай это, когда будет уже слишком поздно, чтобы поблагодарить меня, — говорит она, вручая его мне. Этот конверт такой же, какие она раньше отправляла мне. — Обещай мне.

Слова застревают у меня в горле, так что я просто киваю.

— Я знаю, что таким образом ты прощаешься с нами, Ари, но ты нас плохо знаешь, — говорит сурово Шарлотта. — Тебе придется нанять целую армию, чтобы удержать нас подальше.

— 26 Декабря —

Я забираюсь в постель к Оливии и обнимаю, впитывая тепло ее тела. Ее распущенные кудри в беспорядке разметались по подушке, а на щеках идеально розовый румянец. Сегодня ее день рождения, но она — мой подарок. Моей малышке семь лет, а это значит, что я сделал это. Семь лет.

— С днем рождения, Олли, — шепчу я ей на ушко.

Она мотает головой, переворачиваясь на бок ко мне лицом и усыпав мое лицо своими локонами.

— У меня день рождения, — хрипло произносит она. — Я чувствую себя сегодня старушкой, — смеясь, она поднимается к изголовью кровати, натянув одеяло до талии. — Готов?

Я улыбаюсь и встаю, чтобы открыть жалюзи.

— Теперь готов, — говорю я ей.

— С днем рождения, папуля, — произносит она мягким голосом, имитируя успокаивающую колыбельную. Я присоединюсь к ней, и мы поем вместе: — С днем рождения, папуля! С днем рождения, дорогая мамочка! С днем рождения, папуля.

Это наша ежегодная традиция, наконец-то без слез в этом году, но только потому, что сейчас я вижу счастье в глазах Олив, что не дает мне повода для грусти.

— Моя очередь, — говорю я ей. — С днем рождения тебя, — пою я громко. Я наклоняюсь в сторону кровати и достаю подарок, положив его аккуратно на одеяло, прямо Олив на колени.

— Что это? — спрашивает она, хлопая в ладошки и прыгая вверх и вниз.

— Открой его, глупышка.

Олив разрывает оберточную бумагу, раскрывая часть подарочной коробки.

— Ты подарил мне «Лаки Чармс» (*Примеч. Сухой завтрак в виде хлопьев*)? — спрашивает она с кривой улыбкой, не уверенная в том, что я могу подарить ей что-то подобное на день рождения, или это какой-то прикол. Я никогда не сомневался в ее уме, но она бы тоже никогда не задела мое самолюбие.

— Думаешь, что там «Лаки Чармс» в коробке? — спрашиваю я ее.

Она немного трясет коробку и разрывает оставшуюся бумагу. Сначала заглядывает

внутри, потом сует туда руку, прямо по плечо. Она копается рукой внутри коробки в течение минуты, прежде чем вытаскивает ее обратно, держа браслет Элли с тремя маленькими подвесками на нем: одна для Оливии, вторая для меня и третья для Элли.

— Так красиво, — говорит она и примеряет его на запястье.

— Это мамин. Я подарил ей его, когда мы узнали, что ты станешь частью нашей жизни. Я знаю, что это не много, но хочу, чтобы он был у тебя.

— Это лучший подарок на день рождения, который я когда-либо получала, — говорит она, любуясь подарком. — Мне безумно нравится.

— Я приготовил кое-что еще, но не хотел нести это наверх, — я не усердствую с подарками для Олив в день ее рождения, особенно после Рождества, но хочу сделать этот день запоминающимся, благодаря только хорошим воспоминаниям.

— Серьезно? — кричит она, срывая с себя одеяло.

Она выбегает из спальни в коридор, я слышу ее громкие крики восторга, что даже и не разберешь, что она там кричит. Я иду следом за ней в гостиную и вижу Шарлотту и Лану на нижней ступени лестницы, которые держат Жасмин, маленького щенка — нашего нового жителя.

Удивительно, но Олив словно летит на крыльях счастья по ступенькам вниз, абсолютно не падая, замедляя скорость только, когда дотягивается рукой до нашего маленького четвероногого друга.

— Как ее зовут? — спрашивает она.

— Жасмин, — отвечаю я, спускаясь по ступенькам.

— Как любимый цветок мамы? — уточняет она.

— Да, — усмехаюсь я.

Шарлотта сияет, наблюдая с любовью, как Олив шепотом разговаривает со щенком.

— Девочки поиграют пока со щенком, а я закончу завтрак, чтобы мы могли отвезти его. Ари, — говорит Шарлотта, выходя в переднюю дверь. Удивительно, но она как вихрь проносится через дорогу к себе домой. Мне казалось, что она начала готовить здесь, но, возможно, не успела. Я разбудил ее пораньше, хотя наш рождественский семейный ужин вчера закончился в районе полуночи.

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы прибраться на кухне, но успеваю только загрузить посудомоечную машину, когда входная дверь открывается.

— Это я, — Эйджей кричит у двери. — Сегодня моя малышка — именинница!

— Эй, дорогая, с днем рождения, — говорит Оливии Тори, новая девушка Эйджея.

Мне нравится Тори. Мы встретились с ней впервые несколько недель назад, когда Эйджей объявился спустя три месяца молчания, что очень на него не похоже. Мне кажется, он сделал это, потому что у него все было на самом деле хорошо, и он, наверное, боялся испортить это. К тому же, Олив не всегда может помочь своими маленькими тайнами. У нее достаточно компромата на Эйджея, чтобы уничтожить любые будущие отношения.

Закончив дела на кухне, я слышу, что вернулась Шарлотта.

— Все готово! — кричит она. — Поехали!

Мы набиваемся в джип Шарлотты и едем шесть километров до больницы «Бруксайд». Ари ждет нас сегодня, поскольку хочет увидеть Олив в ее день рождения, который одновременно является днем, когда Ари получила второй шанс на жизнь, — короткий второй шанс, но это тоже повод для празднования.

Шарлотта берет меня за руку в лифте, крепко сжимая ее. Никому из нас не нравятся

больницы. Слишком много людей знают Шарлотту и ее неудачный брак с человеком, который мог закрыть это место своими неправомерными действиями; ну а я не люблю эти запахи — они как отравляющий газ атакуют все мои чувства. Мы доходим до ресепшена на десятом этаже и ждем, пока одна из медсестер обратится к нам.

— Эй, ребята, — говорит одна из них. — Как раз вовремя. Она только что проснулась.

— Отлично, спасибо! — говорю я, пропуская Олив и Лану вперед.

— Мистер Коул, — мягко говорит медсестра, привлекая мое внимание, пока остальные проходят вперед по коридору. — Уже скоро. Поэтому сегодня посещение гостей будет недолгим.

Я сжимаю челюсть, чувствуя знакомое жжение в глазах. Ари не хотела, чтобы я проходил через это. Эти слова, такие далекие, но слишком знакомые.

— Спасибо, — говорю я ей.

Я догоняю Шарлотту, Эйджея, Тори и девочек в коридоре.

— Что это было? — спрашивает Эйджей.

Все, что я могу сделать, это просто посмотреть на него таким взглядом, который дает ответы на все вопросы, не произнося вслух. Я уже думал над тем, как поступить: скрыть это от Олив или, наоборот, быть честным с ней. У меня внутри шли настоящие дебаты относительно того, стоит ли позволять ей увидеть ухудшение состояния Ари, но Олив с ее шестым чувством уже все поняла и без меня. Она сказала мне: «Мы должны быть рядом с Ари, как будто мы ее семья. Этого бы хотела мама для ее сердца». На самом деле, Олив восприняла этот факт намного легче. Она дарит счастье Ари, а Ари занимает особое место в сердце Олив — между ними связь, которую сложно понять.

Эйджей прочищает горло, когда понимает смысл моего взгляда, и сжимает руку Тори немного крепче. Шарлотта, которая, должно быть, заметила мой взгляд, подходит ко мне и берет мою руку в свою. По мере приближения к палате Ари, я сжимаю руку Шарлотты. Прошла всего неделя, но ее кожа значительно бледнее, чем была в прошлый раз, а скулы стали более заметными. В темноте ее волосы словно светятся, и она выглядит так... она умирает. В течение последних нескольких недель она выглядела, как умирающая, но сегодня... я не уверен, будет ли возможен следующий визит.

— Привет, — говорит она слабо, волнение сквозит в ее тихом голосе. — Как моя маленькая девочка поживает в свой день рождения?

Олив, как всегда самая бесстрашная из нас, лезет прямо на ее кровать и уютно устраивается у нее под мышкой.

— Я чувствую себя сегодня настолько старой, — снова говорит Олив. — Ты можешь поверить, что мне уже семь лет? Это как, — она считает свои пальцы, — еще три года до десяти. Я имею в виду, что скоро буду уже за рулем, что очень хорошо, потому что смогу навещать тебя, когда захочу, — и вот так, по каждой крупине я понимаю, что Олив всего семь, и она не может понять всю сложность ситуации, как я думал раньше.

Ари борется за то, чтобы хотя бы поднять руку, и проводит своими пальцами через волосы Олив.

— Ты знаешь, как я счастлива, что встретила тебя? — говорит ей Ари.

— Да, я довольно хорошенькая, — шутит Олив.

— У меня есть кое-что для тебя, — говорит Ари, затем тянется к прикроватной тумбочке, чтобы взять небольшой подарок.

— Что это? — взволновано спрашивает Олив, широко открыв глаза.

Ари дарит ей слабую улыбку и наблюдает, как Олив со слезами открывает подарок. Она открывает коробку и вытаскивает старомодный большой толстый золотой ключ. Мне интересно, что это, но уверен, что Ари не просто так дарит его.

— Это действительно круто, — говорит Олив, любуясь им с обеих сторон. — Что он открывает?

— Однажды твой папа покажет тебе, но сейчас это секрет. Так что, сейчас я нуждаюсь в том, чтобы ты взяла этот ключ и хранила его, потому что ты единственная, кому разрешено хранить его.

— Это магия? — спрашивает она, совершенно очарованная словами Ари.

— Возможно, — отвечает Ари, с трудом смеясь. — Это примиряет людей и сохраняет их, навеки окруженными любовью.

Олив бросается с объятиями на шею Ари и целует ее в щеку. Я смотрю на Ари вопросительно, интересно, поделится ли она со мной этим магическим объяснением, поскольку знаю, что Олив будет спрашивать, что ключ открывает, до тех пор, пока я не умру.

— Увидишь, — одними губами отвечает на мой немой вопрос Ари.

Полчаса, наполненные банальным «ты умираешь» в виде шуток, тортом и сочувствующими взглядами, и теперь Шарлотта предлагает дать Ари отдохнуть. Она забирает девочек, а ЭйДжей с Тори уходят за ними после множества прощаний, оставив меня стоять здесь, глядя на Ари.

Теперь мы только вдвоем в палате, и я ничего не могу поделать с болью, пронзающей мою грудь сейчас. Я могу просто сидеть здесь, веря в то, что она на самом деле не умирает, но на самом деле я даже не могу смотреть на нее, ведь ее состояние ухудшается с каждой секундой. Я не могу больше обманываться на этот счет.

Слабая улыбка появляется на сухих губах Ари.

— Это правда? — спрашиваю я.

— Ты никогда не знаешь этого наверняка, — вздыхает она. — Чудеса случаются, — я могу только предположить, что она пытается убедить себя, но так же, как я не могу лгать себе, думаю, что это так же и для нее.

Слезы заполняют ее затуманенные глаза, и она смотрит сквозь меня, как если бы я был окном. Все думают, что она разлетелась на миллионы кусочков, и нет никакого способа собрать их воедино снова. Это первый раз, когда я вижу тень страха на ее лице, она дополняет печаль и грусть.

— Я думаю, теперь можно сказать, что я умираю от разбитого сердца.

Ее слова... это не смешно, это обидно. Я не знаю, может быть, в них заложен двойной смысл, но ощущаю себя виноватым, потому что я должен был поступить по-другому, я просто не уверен, как.

— Я думал, что сердце Элли должно было прожить дольше, когда встретил тебя, — говорю я ей.

— Наши сердца определяют наши пути, расстояния, которые нам нужно преодолеть, направление и продолжительность нашей жизни, — говорит она.

Она тянется ко мне, и я делаю пару шагов к ее постели, протягивая ей свою руку. Она кладет ее на грудь, на ее сердце. Я чувствую его ритм под моей ладонью и толстый шрам, тянущийся по почти голой груди. Оно бьется медленнее, чем я запомнил в последний раз, когда положил руку на ее грудь несколько месяцев назад.

— Мне жаль, — говорю я ей.

— Мы оба знаем, что это сердце Элли, и оба знаем, что именно поэтому мы встретились, но ты так и не понял, что иногда наши сердца могут выходить за границы нашего тела.

Я морщу лоб и наклоняю голову немного в сторону, ожидая продолжения.

— Что ты имеешь в виду?

— Олив — истинное сердце Элли, — объясняет она. — Олив — часть Элли. Она передаст ее своим собственным детям, которые будут иметь своих собственных детей, и сердце Элли будет жить вечно. Олив и есть сердце Элли. Она получила сердце, которое никогда не перестанет биться.

Ее слова похожи на руки, которые касаются моей груди, чтобы забрать всю боль из моего сердца. Все эти годы я следовал за последней живой частицей Элли, даже не понимая, что ее частица навсегда осталась со мной.

— Я понял, — говорю я.

— Хантер, — говорит Ари, закрывая глаза на длительное мгновение. — Я люблю тебя за то, что ты стал частью моей жизни, и за то, что ты до сих пор со мной, хотя я просила тебя не делать этого.

— Я люблю...

— Нет, — перебивает меня она. — Мне не нужно этого слышать. Я не хочу это слышать. У тебя не было шанса влюбиться в меня. Я не дала тебе этот шанс, и я рада этому, потому что не предназначена для тебя.

— Тогда как ты можешь говорить, что любишь меня? — спрашиваю я.

— Когда у тебя нет времени, ты проживаешь его быстро, ты любишь сильнее, ставишь на кон все, зная, что завтра можешь проснуться ни с чем... или не проснуться вообще.

— Ты права, — говорю я, убирая прядь волос с ее лица. — Ари. Спасибо тебе за заботу о ее сердце, ты защищала его и лечила, как будто оно было твоим самым ценным подарком. Твои письма помогли мне пережить те годы... они поддерживали меня, давая осознание того, как повезло сердцу Элли.

— Парень, звучит так, будто ты прощаешься, — говорит она, взяв меня за руку и обвивая свои пальцы вокруг моих, пока ее взгляд прожигает меня. — Меня не волнует, как долго ты будешь стоять здесь. Я все равно не умру перед тобой, — мы оба смеемся, и она отпускает мою руку. — Так я смогу умереть спокойно.

Моя челюсть болит от того, как сильно я сжимаю зубы, чтобы удержать в себе любой намек на эмоции. Я должен быть сильным для нее, по крайней мере, таким же сильным, как она, прощаясь со мной.

— Ари...

— Скажи это, Хантер, — говорит она, ее голос слабее в этот раз.

Я делаю большой глоток воздуха и позволяю словам вырваться наружу подобно забвению:

— До свидания, Ари.

Я слышу ее прерывистое дыхание, когда она крепко вжимает голову в подушку, слегка прикрыв глаза. Я по-прежнему стою возле ее кровати, пристально наблюдая за ней, ожидая чего-то.

— Я все еще не собираюсь умирать у тебя на глазах, — шепчет она сквозь слегка приоткрытые губы.

Я закрываю глаза, выпуская воздух, который задержал в легких, и отпускаю ее руку.

Затем поворачиваюсь и выхожу из палаты. То, что я никогда не увижу ее снова, трудно осознать, и я заставляю себя не оборачиваться. Время, когда ее сердце остановится, станет концом этой главы моей жизни.

ЯНВАРЬ

Я встречался с родителями Ари всего несколько раз. Поначалу они были милыми и приветливыми, но после получения новостей о ее сердечной недостаточности оба изменились.словно темная туча опустилась на них: улыбки пропали, в глазах проступили тонкие красные прожилки, а темные мешки свидетельствовали о количестве пролитых слез. Я уже видел этот взгляд раньше, сразу после того, как умерла Элли. Родители Элли уже никогда не выглядели как прежде. Жизнь, которую они знали, была украдена у них, и не было никакого способа исправить это.

С сердцем, застрявшим в горле, я стою, замыкая группу, и восхищаюсь их внутренней силой. Родители Ари держатся за руки так крепко, что кажется, будто кровь соединяет их через пальцы. Глаза ее матери блестят от слез, но подбородок высоко поднят. Их дыхание синхронно — вдох-выдох — медленно, подавляя свою боль.

Рука Шарлотты скользит по моей спине, вырисовывая ногтями маленькие круги, тем самым облегчая то, что я чувствую внутри. Как только церемония подходит к концу, тихие голоса перерастают в искренние соболезнования и пожелания родителям Ари. В то же время ногти Шарлотты впиваются в мою кожу глубже, когда слышу ее шепот:

— Боже мой!

Повернувшись к ней лицом, я вижу призрачную бедность, покрывшую ее щеки.

— Что случилось?

— Дон, — она указывает на родителей Ари. — Это он.

Мы не можем слышать разговор между ними, но видим, как Дон прижимает руку к груди. Он высокий, сильный и как будто удерживает в своих легких больше воздуха, чем может в себя вместить. Я никогда не встречал этого человека и не видел его фотографий, но он выглядит хорошо сложенным, красивым, интеллигентным парнем. Что еще я мог ожидать от кого-то, кто раньше был женат на Шарлотте? Похоже, его костюм стоит больше, чем один из моих платежей по ипотеке и, судя по всему, сегодня утром кто-то выбрил его лицо. Независимо от внешнего лоска, что-то есть в его глазах, какое-то отчаяние.

Положив руку на плечо мамы Ари, Дон замечает Шарлотту, и на его лице четко вырисовывается шок. Он, определенно, не ожидал столкнуться с ней здесь сегодня. Заметив ее, он извиняется перед родителями Ари и направляется к нам. Я ожидал, что Шарлотта

уберет руку с моей спины и отойдет подальше, но вместо этого она берет меня за руку и крепко сжимает ее, словно нуждается во мне, в моей помощи. Казалось бы, Шарлотта никогда не была женщиной, которая нуждается в защите. Она всегда показывала власть и самостоятельность, всегда понимала, чего хочет. Но я знал, что она обладала мягким характером, и в этот момент ее внешняя защитная оболочка дала трещину. Я рад быть тем, за руку кого она цепляется в момент слабости.

— Шарлотта, — Дон обращается к ней. — Что ты делаешь здесь? Разве ты знала Ариэллу?

Шарлотта непонимающе смотрит на него, как будто не знает, как правильно реагировать.

— Я... эээ.

— Шарлотта здесь со мной. Ари получила сердце от моей жены, — говорю я резко.

Дон поднимает руку к раскрытому рту, блеснув рядом бриллиантов на своем большом золотом кольце нам в лицо.

— Боже мой, — говорит он. — Элеонора Коул.

От звука ее имени, сорвавшегося с его уст, у меня скручивает внутренности. Единственными людьми, которые называли Элли Элеонорой, были врачи. Даже родители не называли ее так. Это имя использовалось только в опасные для жизни моменты: во время аварии, а потом в день ее смерти.

— Да, это моя жена.

Он смотрит то на Шарлотту, то на меня, видимо, пытаюсь понять все это.

— Как мал наш мир, да? — спрашивает он, явно смущенный этой ситуацией.

— Очень, — отвечаю я холодно, не желая облегчать его дискомфорт.

— Я так понимаю, у тебя уже есть ответы, в которых ты так отчаянно нуждалась? — спрашивает он Шарлотту.

— Я все знаю, — говорит Шарлотта. — Ты — кусок дерьма, но я все равно благодарна, что ты подарил Ари несколько дополнительных лет жизни.

Дон смотрит вниз, выглядя пристыженным. Он ковыряет подошвой своих новых ботинок, собирая грязь в небольшую кучу.

— Мне жаль, что из-за меня ты почти потеряла дом, Шарлотта. Я был...

Это все, за что ты извиняешься?

— Не надо никаких объяснений, — говорит она, прервав его. Она казалась такой слабой, когда он шел сюда. Я впечатлен и горд тем, как она ведет себя сейчас.

— Я увяз слишком глубоко и боялся, что меня поймают. Больше я не веду бизнес в этом направлении. Я получил работу в исследовательской фирме по пересадке органов, так что позабочусь о вас с Ланой.

— Просто позаботься о Лане, — рывкаю я. — Она вспоминает и скучает по тебе каждый день больше, чем ты явно того заслуживаешь. О Шарлотте заботиться буду я.

Слова о Лане — это ложь. Я не хочу, чтобы он был рядом с Ланой, но не встану между отцом и дочерью. Я просто заполню эти дыры в жизни Ланы, буду там для нее и сделаю все возможное, чтобы она никогда не почувствовала, что что-то упустила.

Дон кладет руку на мое плечо, и запах одеколона на его коже обжигает мне нос.

— Спасибо за заботу о Лане и Шарлотте, им явно повезло с тобой.

Он, похоже, подавлен. Видимо, правда колет глаза. Все в нем — его голос, его слова, поведение — все говорит о том, что он понял, что потерял. Но он достаточно умен, чтобы

знать, что уже слишком поздно возвращать все обратно. Тем не менее, у меня нет к нему сочувствия, на самом деле он по-прежнему вызывает у меня отвращение.

— Несмотря на то, что я думаю, что ты жалкое подобие человека, спасибо, что спас Ари и исполнил желание Элли, — говорю я прямо. Такая смелость в высказывании удивляет даже меня.

Он делает резкий вздох.

— Я знаю, что Элли хотела сохранить свою просьбу в секрете. Она была сильной женщиной, которая точно знала, чего хотела. На самом деле, это был очень убедительный шантаж. Было трудно отказаться от такого жеста с ее стороны, потому что Ари была моей пациенткой на протяжении многих лет — пациенткой, на которую я потратил половину своей карьеры, пытаюсь помочь.

Помочь? Это то, в чем он сам себя убедил? Помощь — это действие, которое не требует неадекватного поведения в качестве благодарности.

— Элли умела ладить с людьми, — говорю я, почти рыча.

С видимым нарастающим дискомфортом он делает неглубокий вдох:

— Ну, береги себя, Шарлотта, — говорит он, заканчивая разговор. — Может быть, мы сможем обсудить вопросы по опекунству в следующий раз.

Я могу только представить, что происходит в мыслях Шарлотты прямо сейчас. Не уверен, что ей будет легко согласиться на какие-либо варианты совместной опеки после того, как Дон выбрал карьеру, которая оставила его собственную дочь без жилья на долгие месяцы, не говоря уже обо всем остальном его послужном списке.

— Мне нужно больше времени, — говорит Шарлотта. Суд сделает все, что захочет Шарлотта, но это не облегчает ее переживаний.

— Понятно. Скажи Лане, что я скучаю по ней, — Дон протягивает руку, чтобы пожать мою, и я предлагаю свою в ответ, только потому, что я — порядочный человек. Неприличная часть меня хотела бы выбить из него его фальшивую показушность. *Мудак*. — Приятно было познакомиться, и я сожалею о твоей утрате.

Когда он уходит, спиной я чувствую выдох Шарлотты, прижавшейся ко мне грудью и щекой к плечу, явно довольной, что разговор окончен.

— Я ненавижу его, — говорит она. — Несмотря на то, что он спас Ари, я действительно ненавижу его.

— Учитывая обстоятельства, думаю, что это нормально, — отвечаю я ей.

Я лезу в карман пиджака и достаю конверт, который Ари дала мне несколько месяцев назад, попросив меня открыть его только тогда, когда станет слишком поздно, чтобы поблагодарить ее. Держа его сверху на своем письменном столе с того дня, я практически прожигал дыру в нем каждый раз, когда смотрел на него. Я подносил его к солнцу, пытаюсь прочитать то, что написано внутри, но она предвидела мои попытки, прикрыв содержимое чистым листом бумаги.

— О, черт возьми, я почти забыла об этом, — говорит Шарлотта.

Мои руки дрожат, пока я вскрываю его. Я ожидал увидеть типичный напечатанный текст, похожий на те, что Ари писала мне в течение пяти лет, но это не так. Озадаченный тем, на что смотрю, я разворачиваю бумаги, чтобы рассмотреть получше. Солнце ярко освещает бумаги буквально секунду, а потом их мгновенно накрывает тенью.

— Ари приняла это решение шесть лет назад, — говорит голос из-за моего плеча. Я поворачиваюсь, обнаруживая отца Ари, стоящего позади меня. — Продолжай, прочитай, что

там написано.

Я пробегаюсь по строчкам снова и снова, изо всех сил пытаюсь понять, что вижу. Думаю, что прекрасно понимаю, что там написано, но как такое может быть?

— Я не понимаю, — говорю ему.

— Мы с женой владели садами «Хиллвью», — говорит он.

Я качаю головой в недоумении.

— Что? Я...

— Эти сады принадлежали нашей семье в течение некоторого времени, — продолжает он.

— Элли знала?

Он тихо смеется.

— Конечно, она знала. Элли приходила в сад каждый день, с тобой и без тебя. За эти годы я много раз говорил с ней, и она была тем, кто сподвиг Ари на работу по обучению студентов. Элли была благословением в нашей жизни столько, сколько я себя помню

— Почему никто не сказал мне об этом?

— Хороший человек не делает добра, если его причины не имеют ничего общего с душой. Я уверен, ты знаешь, что Элли делала что-то по доброте ее сердца, ничего не желая взамен. — *Это — моя Элли. Так было всегда. Это не должно было быть сюрпризом для меня.* — Когда я рассказал Элли о состоянии Ари и ее мечтах, желаниях и надеждах, тогда Элли, кажется, поняла в чем цель ее жизни. Помимо любви, которую она испытывала к тебе, она хотела оставить свой след в этом мире. И, парень, она сделала это. На самом деле, мы молимся за нее каждый вечер перед сном.

Я опускаю взгляд на бумаги, читая их еще раз.

— Вы хотите сказать?..

— Ты теперь полноправный владелец садов «Хиллвью».

Находясь в шоковом состоянии, с огромной благодарностью я обнимаю его, крепко сжимая кулаки. Никакие слова о том, как много это значит для меня, не передадут того, что на самом деле я чувствую. Я понятия не имел, что семья Ари владела садами, но, похоже, что вся моя жизнь была спланирована, чтобы пройти по этому пути... этому неожиданному пути. Я не понимаю планы жизни и ее дороги с извилистыми поворотами. Я все еще не понимаю Роберта Фроста и его наводящие на размышления слова, но действительно понимаю, что хотя наши сердца могут диктовать время, которое мы проводим на этой земле, они также направляют нас по пути, который мы должны принять, является ли он более-менее проходимым или нет.

Мое сердце привело меня к Элли. Ее сердце привело ее к Ари. Сердце Ари привело Шарлотту ко мне. Жизнь — это не одна прямая дорога; иногда это необычный путь без направления, никаких знаков, никаких предупреждений, и часто без видимой цели. Он практически никогда не преодолевается, потому что нет никакого окончательного результата и никакого определенного окончания, пока человек не прибывает туда.

И вот я здесь, в начале нового поворота на бесконечном пути, который я начал с пяти лет, когда познакомился с Элли. Я никогда не думал о другом направлении, и мне было абсолютно не интересно, куда оно могло бы меня привести.

Мир, который я искал с того момента, когда умерла Элли, нашел меня сегодня здесь с осознанием и принятием пути Элли, который повернул далеко от моего. Однажды наши дороги пересекутся снова, но до того дня я продолжу идти вслепую вокруг новых поворотов

В неизвестность, не подозревая о том, что ждет меня впереди. Я позволю жизни провести меня сквозь каждый поворот этого пути.

Год спустя

— Если мне придется перетаскивать эти коробки еще раз... — в шутку угрожаю я.

Шарлотта просовывает руки под мою рубашку, приподнимая ее на спине, пока покрывает нежными поцелуями мой подбородок.

— Я тебя уже поблагодарила, — шепчет она напротив моих губ. — Чего еще ты от меня хочешь? — добавляет она с намеком.

Я подхватываю ее на руки и поднимаюсь по лестнице в мою... нашу спальню.

— Я уже говорил тебе, как сильно я тебя люблю? — спрашиваю я ее.

— Только двадцать раз за последние два часа, — отвечает она с кривой усмешкой. — Но если ты хочешь еще и показать мне это, то у нас есть на все про все только час до того, как девочки вернутся из школы.

Я сдергиваю простыни с кровати и стягиваю рубашку через голову.

— Тогда не трать время попусту, — говорю я с низким рыком.

Она прыгает назад в центр кровати, сбрасывая с себя рубашку, брюки и все остальное под ними. Я поднимаюсь по ней и опускаю свое тело поверх нее, впитывая ее тепло, позволяя ему успокоить мои ноющие мышцы.

Мгновение я смотрю в глаза Шарлотты, убирая волосы с ее лица.

— Ты знаешь, насколько нам повезло?

— Наши сумасшедшие закрученные жизни привели нас сюда, так что да, — негромко смеется она.

Мой разум проясняется, когда я сосредотачиваюсь на Шарлотте: ее сердцебиении, ее дыхании, ее коже напротив моей, страсти, которую я испытываю только к ней. Я сдерживал себя от этих чувств, но с поддержкой Ари я, наконец, отпустил свою настороженность. Теперь в моей жизни и моем сердце появилось место для страсти, второй шанс для любви — это место, которое мы с Шарлоттой познаем вместе, открываем что-то новое друг к другу, как в первую любовь. Конечно, наша первая любовь не может быть заменена, но она часть того, кем мы оба являемся, и она косвенно сыграла определенную роль в нашем сближении, давая нам обоим, как дар, второй шанс на вечность. Второй шанс — не значит заменить воспоминания, любовь или прошлое. Это повод двигаться дальше и строить новую жизнь вместе, как семья, позволяя нашей взаимной любви исцелить наши разбитые сердца.

Я наблюдаю за эмоциями на лице Шарлотты, во время того, как мы движемся в горячем ритме. Она впирается кончиками пальцев мне в спину и прижимается губами к моей шее, приглушая мягкие стоны, рвущиеся из горла.

— Не останавливайся, — хнычет она.

Ее слова заставляют меня двигаться жестче, отчего ее пальцы еще глубже впираются в мою кожу, причиняя мне сладкую боль.

— Вот так? — рычу я, дразня ее.

Она пытается ответить, но ее дыхание становится слишком быстрым и громким, чтобы сказать что-нибудь вразумительное. Я прижимаю ее крепче к себе, чувствуя насколько скользкими стали наши тела. Напряжение нарастает, наши мышцы натянуты до предела, а потом она замирает. Я присоединяюсь к ней, словно падая вниз в мир, наполненный светом и счастьем, который я уже и не надеялся найти.

Разжав наши сцепленные вместе руки, я падаю рядом с ней, пытаюсь восстановить дыхание.

— Ты готова к завтрашнему дню? — спрашиваю я, обнимая ее за шею.

— Завтра — это просто еще один день, — говорит она. — У меня уже есть все, что я хочу.

Я прижимаюсь губами к ее лбу.

— Наши маленькие девочки наконец-то станут сестрами, — добавляю я.

— И они будут иметь все, что только захотят, — говорит Шарлотта с великолепной довольной улыбкой.

Звонит мой телефон, я нажимаю «ответить» и прижимаю его к уху, готовясь услышать ворчание Эйджея:

— Чувак, я даже наполовину не продвинулся в работе. Так что тащи свою задницу сюда.

— Сейчас, сейчас, — стону я.

— Ты это уже сделал, — бормочет Шарлотта, тихонько хихикая.

— Ты ублюдок, — говорит Эйджей. — Ты сейчас нежишься в постели, не так ли?

— Хм, — смеюсь я.

— Через два дня вы отправитесь в свой гребаный медовый месяц. Разве ты не можешь держать его в штанах до тех пор?

— Я бы хотел ответить утвердительно, но я еще наверстываю потерянное время после пятилетнего добровольного воздержания.

Проведя рукой по моим волосам и поцеловав меня в висок, Шарлотта вылезает из постели. Расслабленно развалившись, я наблюдаю за ней, в то время как Эйджей продолжает нести чушь мне в ухо. Сияние ее обнаженного тела на солнце вырубает все способности моего мозга. Я понятия не имею, о чем там говорит Эйджей... не говоря уже о том, чтобы встать, одеться и проехать два километра до работы.

— Хантер! — орет Эйджей, пытаюсь вернуть мое внимание. Игнорируя его, я сбрасываю звонок и швыряю телефон в изножье кровати.

— Ужин будет готов, когда ты вернешься домой, — говорит Шарлотта, натягивая рубашку через голову.

— Слава Богу, мой план сработал, — говорю я. — Ужин на столе, ожидающий меня в моем собственном доме.

Шарлотта бросает подушку мне в лицо и натягивает свои джинсы:

— У меня все еще есть пятнадцать часов, чтобы навсегда изменить свое мнение насчет

этого.

— Без разницы, — говорю я, ухмыляясь, как дурак.

Она прыгает обратно на кровать и страстно целует, прежде чем покинуть меня, задыхающегося и голого среди смятых простыней.

ЭйДжей следует за мной домой после уборки стройплощадки, и я не уверен, зачем. Я не приглашал его. *Может, он что-то забыл в моей машине?* Я выхожу и жду, пока он выйдет из своего грузовика. Но пока жду, чтобы спросить его, что ему надо, вижу подъезжающий автомобиль родителей.

ЭйДжей наконец открывает дверь с улыбочкой.

— Сюрприз!

— Сюрприз для чего? Что, черт возьми, происходит?

— Я не знаю, — говорит он, пожимая плечами. — Шарлотта хотела собрать всю семью на сегодняшний ужин. Не что-то типа репетиции, а просто хороший ужин.

Мама выходит из машины со сложенными на груди руками и взглядом, который я не видел на ее лице несколько лет. Потом она бежит по дорожке, обхватывает мое лицо ладонями и притягивает мою голову вниз для поцелуя. Слегка отклонившись назад, она смотрит мне в глаза, но ничего не говорит в течение долгого времени.

— Почему ты смотришь на меня так? — спрашиваю я ее.

— Во-первых, кто планирует свадьбу за три дня? — спрашивает она.

— Два человека, которые уже были женаты? — отвечаю я сквозь смех.

— Во-вторых, послушай меня... — начинает она своим назидательным материнским тоном. — Я могу сказать это, потому что я — твоя мать, и неважно, сколько тебе лет... — она замолкает на мгновение, а затем ее лицо озаряет такая широкая улыбка. — Я так горжусь тобой, Хантер. Так чертовски горжусь тобой.

Мне не нужно спрашивать, что она подразумевает под этим. Я знаю, через что я провел свою семью за последние шесть лет. Они столько пережили в те дни — и хорошего, и плохого. Я орал на них. Я просил их уйти. Я умолял их позволить мне умереть. Тем не менее, они все равно оставались на моей стороне с пониманием и терпением. Все они помогли мне вырастить Оливию, находясь достаточно далеко, чтобы не стоять у меня над душой. На протяжении последних нескольких лет мама терпеливо поясняла мне, что я еще слишком молод, чтобы ставить на своей личной жизни крест. Теперь я понимаю, что есть жизнь после смерти, и это нормально. Я отмахивался от ее комментариев и советов, думая, что никогда не смогу смириться с тем, чего она хотела для меня. *Оказывается, она была права.*

Она прижимает пальцы к моей груди, в месте, где бьется сердце.

— Оно твое. Это важно, так было всегда, и я так рада, что ты верен именно ему сейчас. Элли гордилась бы тобой, Хантер. Я уверена в этом.

Я решаю не отвечать ей словами, а просто притягиваю в свои объятия.

— Я люблю тебя, мам. Спасибо, что ты всегда рядом со мной, когда я нуждаюсь в тебе. Даже в те времена, когда я не знал, насколько сильно ты мне была нужна.

Она обхватывает мое лицо и целует в щеку, тихо всхлипывая. Взяв меня за руку, мы направляемся в дом и обнаруживаем там Олив, носящуюся по комнатам, как маленький сумасшедший возбужденный человечек. Она обретет завтра сестренку и собирается надеть красивое платье — это все, что ей нужно для полного счастья.

— Бабуль, хочешь познакомиться с моей новой сестричкой? — говорит Олив.

— Я уверена, что мы уже встречались, глупышка, — говорит мама.

— А знаешь, что еще? — продолжает Олив. — Завтра я собираюсь воспользоваться своим волшебным ключом.

Мама вопросительно смотрит на меня, а я не могу вспомнить, говорил ли я ей когда-либо про этот ключ, что дала Ари.

— Да неужели? — говорит мама.

— Да, увидишь, — отвечает Олив с улыбкой.

— Что за ключ? — спрашивает меня мама.

— Увидишь, — повторяю я вслед за Олив, подмигивая ей.

Мама закатывает глаза и уходит на кухню, чтобы помочь Шарлотте. Папа и Эйджей сидят на диване, болтая о сегодняшней стройке, когда Тори заходит в дом. Эйджей вскакивает и через секунду оказывается возле нее, провожая свою очень беременную жену и помогая устроиться на диване.

— Две свадьбы и малыш всего за год, — восклицает папа с гордым блеском в глазах. — Род Коул продолжается. Замечательный год.

На протяжении всего вечера в счастливой атмосфере в окружении своей семьи, я, определенно, замечаю изменения в поведении моих родных. Возможно, я был раньше слишком закрыт или просто не обращал на это должного внимания. В любом случае, море любви в этой столовой и знание того, что завтра последняя часть моей разрушенной жизни снова станет цельной, возможно, по-другому, с некоторыми трещинками, но все же цельной, приносит мне чувство умиротворения. Весь вечер мама смотрит на меня с тем сияющим блеском в глазах. Думаю, что, увидев меня наконец-то счастливым снова, она перестанет переживать, как раньше.

Облокотившись на стол, она пристально смотрит на меня. Я не спрашиваю ее, почему, но улыбаюсь в ответ открытой сердечной улыбкой. Слезы счастья выступают в ее глазах, и она поднимает их к потолку, молча благодаря тех, кто находится там, наверху.

Так как мы завтра должны будем рано вставать, вскоре после ужина все расходятся. Девочки спят в своей новой двухъярусной кровати, а мы с Шарлоттой устраиваемся на диване перед телевизором.

— Я никогда не думала, что смогу найти что-то настолько правильное, — говорит она, опуская голову мне на грудь.

Мой взгляд падает на фотографию Элли, висящую на стене, и я чувствую умиротворение. Сердце бьется немного сильнее, и я молча благодарю ее за то, что она наблюдает за нами, следя за тем, чтобы в тени ее жизни я был счастлив.

— А я никогда не думал, что есть что-то, что может заставить меня чувствовать снова, — шепчу я у ее ушка, нежно целуя. — Но я ошибался.

Несмотря на то, что нам неплохо было бы хорошенько выспаться ночью, мы с Шарлоттой просыпаемся на диване в объятиях друг друга, когда солнечные лучи уже пробиваются сквозь кроны деревьев. Большинство людей проводят ночь до своей свадьбы вдали друг от друга, но я думаю, что мы с Шарлоттой и так уже провели много времени порознь, поэтому в нашем случае чувствуется абсолютно правильным проснуться так, как сегодня.

Утро уже давно наступило. Я стою в центре гостиной и наблюдаю, как женщины моей жизни бегают вокруг, пытаясь удостовериться, что выглядят идеально в этот день. Я знаю, что мне хватит и двадцати минут, чтобы одеться, так что в данный момент я просто наблюдаю за ажиотажем вокруг меня. До тех пор, пока Эйджей не входит в эту дверь. Он прямо сияет с бутылкой «Джека» в руке.

— Всего по одному глотку, раз мне не дали возможности устроить тебе потрясный мальчишник. Он успокоит твои нервы.

— А я и не нервничаю.

— Ну, ладно, тогда просто так выпей, — говорит он, пихая бутылку мне в грудь.

— Ты, как предполагается, должен быть моим шафером, а не говнюком, спаивающим меня, — смеюсь я.

— Чувак, я мастер быть и тем, и другим, — в этом весь он. Наконец-то мы пришли к согласию.

Несмотря на то, что для Шарлотты было нормальным спать рядом со мной вчера вечером, видеть ее сегодня до церемонии для нее было плохой приметой, поэтому мы с Эйджеем забираем девчонок и направляемся в сады.

— Встретимся там, — выглядывая из-за угла, говорит Шарлотта и посылает мне воздушный поцелуй.

— Без разницы, — подмигивая, отвечаю я.

Сквозь смех, разносящийся по прихожей, я слышу голос мамы, зовущей Шарлотту, чтобы помочь ей закончить приготовления.

— Готовы, леди? — спрашивает Эйджей девочек, одетых в белые платья длиной до колен, их волосы украшены цветами.

Они кружатся вокруг себя, их платья взлетают высоко, и исходящая от них фонтанирующая взволнованность — это то, что я всегда буду помнить о сегодняшнем дне.

Всю дорогу до садов мы веселимся, а подъехав на стоянку, обнаруживаем, что она почти пуста, за исключением одной машины. *Прям, как я люблю.*

Мы с Эйджеем и девочками спускаемся вниз по ступенькам, направляясь к нашему дереву. Олив бежит впереди и обнимает ствол.

— Доброе утро, мамочка, — она прикладывает ладошку ко рту, а затем прижимает ее к коре дерева. — Папа наконец-то счастлив, и это лучший день в моей жизни. Спасибо, что присматривала за ним.

От ее слов моя грудь сжимается, я делаю глубокий вдох и смотрю в ясное голубое небо, повторяя про себя слова Оливии, только уже от себя.

Мы продолжаем идти вниз по незнакомой тропинке. Она не очень хорошо заметна и выглядит нехоженой, но мне сказали, что она приведет нас к тому месту, где Оливия сможет использовать свой ключ. Отец Ари поделился со мной большим секретом — о том, что находится по другую сторону закрытой двери — и именно там мы с Шарлоттой должны

начать нашу совместную жизнь. Поэтому мы сейчас этим и занимаемся.

Тропинка заканчивается, и мы приближаемся к закрытой деревянной двери между плотно посаженных деревьев. Это не похоже ни на что, что я когда-либо видел прежде, и это потрясающе.

— Давай, Олив. Я знаю, что ты ждала этого.

Олив вытаскивает ключ из своего маленького белого клатча, который Шарлотта купила ей, и медленно вставляет его в потускневший замок. Дверь открывается с громким скрипом, и мы оказываемся в большом огороженном саду, полном синих жасминов и белых гортензий, с небольшой узкой мощеной дорожкой по центру, ведущей к белой беседке. На ней мы видим табличку с надписью «Таинственный сад Оливии». Наблюдая за выражением лица Олив, мне хочется, чтобы Ари увидела эту благодарность за ее самый невероятный подарок, который она могла бы подарить. Олив кружится вокруг, заглядывая в каждый уголок, а потом ложится на клумбу цветов.

— Кажется, мама здесь, повсюду, — говорит она. — Это самое удивительное место, наверно, как на небе.

Я ложусь рядом с ней, притягивая ее к себе.

— Она всегда рядом с тобой, Олив. Она всегда с нами.

Мы в парадной одежде и лежим на земле, и это кажется настолько правильным, как никогда.

Нет, стоп. Теперь ничего и никогда не будет чувствоваться настолько правильным. Рядом со мной ложится Шарлотта в своем прекрасном платье, а потом к нам присоединяется и Лана. Со стороны мы выглядим нелепо, но сейчас, глядя в небо, я знаю, что Элли и Ари наблюдают за нами. Полагаю, что они все это и спланировали.

— Должен ли я просто объявить вас мужем и женой? — спрашивает отец Ари, входя через ворота. Когда чуть больше трех дней назад я сказал ему, что мы с Шарлоттой решили пожениться, он просил меня дать ему два месяца и сообщил, что проводит церемонии бракосочетания. Я не знаю, зачем ему понадобилось столько времени, но сад точно нельзя было сделать за один день.

— Пожалуйста, — отвечает Шарлотта, поворачиваясь ко мне, и прижимается своим носом к моему. Цветы, окружающие нас, отражаются в ее мерцающих глазах и блеске губ. Я влюблен в эту женщину. Я люблю ее до безумия, и это так здорово — это ощущение совершенного и цельного.

Отец Ари произносит несколько фраз перед тем, как вступит в силу наш брак и соединится наша новая семья.

Никогда за миллион лет я не мог бы предположить, что моя жизнь повернется в таком направлении, — что я буду с кем-то еще, кроме Элли, и буду лежать на лугу среди голубого жасмина, вступая в новую жизнь с Шарлоттой.

Жизнь подобна сердцевине распускающегося цветка, где каждый лепесток, постепенно приподнимаясь, обнажает наши сердца и души по мере того, как она кружит нас. Я не могу изменить этого и не могу остановить, но могу смотреть и восхищаться этим. Определенно, я выбрал наименее проторенный путь, и, мой Бог, он оказался особенным.

Роберт Фрост, ты прекрасный человек.

Десять лет спустя

В восемь утра субботы я предполагал, что буду единственным в доме, кто уже проснулся. Но внезапные звуки борьбы из подвала заставляют меня задуматься, кто мог уже подняться. Возможно, это Жасмин забрела туда снова. У нее какое-то странное пристрастие к кромешной тьме в столь преклонном возрасте. Я продолжаю ждать, пытаюсь услышать больше подсказок, и вижу полусонную Шарлотту, спускающуюся по лестнице.

— Ты что-то ищешь? — спрашивает она, быстро целуя меня, и выхватывает кружку кофе.

— Ты слышишь это? — спрашиваю я.

Шарлотта останавливается, прислушиваясь.

— Ах да, Олив искала там что-то прошлым вечером и думаю, вероятно, она все еще там и продолжает поиски.

— Что она искала? — спрашиваю я.

— Она не сказала. Ты ведь знаешь ее — когда она пытается что-то выяснить, то лучше не задавать вопросов, — я смеюсь над ее ответом. Это верно. Это то, что мы все хорошо усвоили на протяжении ее подростковых лет. — Эшли проснулась? У нее футбол в одиннадцать, я почти забыла про него, — говорит Шарлотта.

— Черт, нет. Я тоже забыл. Позволь мне спуститься вниз и посмотреть, что происходит с Олив, а потом я отвезу нашу маленькую принцессу на футбол. Ты говорила, что нужно проверить что-то в офисе, верно?

— Да, хочу убедиться, что все обновления были готовы прошлой ночью, — говорит она.

— Точно, мой великий и знаменитый Гендир, — говорю я, потянув ее вниз на свои колени.

— Очень смешно, — усмехается она. — О, и если ты не получал напоминлку, то скажу, что твоей маленькой принцессе сейчас девять и, полагаю, для тебя уже не вариант называть ее принцессой. Можешь поблагодарить меня за предупреждение позже.

Девочки.

— Я просто поблагодарю тебя сейчас, и покончим с этим, — говорю я, прижимаясь губами к ее шее.

— Тьфу, гадость какая, — стонет Эшли, указывая пальцем на свой рот. — Поднимитесь

в комнату.

Да... Я не буду скучать по этому возрасту.

— Извините, принцесса Эшли, — дразню я.

— Боже мой, папа, соберись. Мне уже девять, — говорит Эшли, убирая свои каштановые волосы за плечи.

— И тебе доброе утро, — улыбаюсь ей.

Поставив кружку на кухонный стол, я почти бегом спускаюсь вниз по деревянным ступенькам и замечаю угол света возле задней части лестницы.

— Олив, что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, когда нахожу ее роющейся в старой коробке.

Она бросает все с досадой, опуская руки на бедра.

— Ух, я искала клатч, чтобы пойти с ним сегодня вечером, и подумала, может, у мамы было что-то милое, что можно было бы взять.

Теперь я вижу, что она роется в одной из коробок с одеждой Элли. Интересно, как часто она это делает, учитывая, что я вижу это впервые. Выглядит так, будто она делала это и раньше.

— О, — говорю я. — Честно говоря, я не знаю, есть ли там ее сумочки. Я так и не смог решиться на то, чтобы рассортировать ее вещи. Я просто знал, что не могу избавиться от них.

Она игнорирует мои слова и продолжает копаться.

— Я видела его здесь раньше, — говорит она. Предполагаю, что это и есть ответ на мой вопрос насчет того, перерывала ли она вещи Элли раньше.

— Как он выглядит?

— Не знаю, он черный и... ох, кажется, я его нашла, — она вытаскивает маленькую черную сумочку, расшитую золотым узором. Сейчас я припоминаю, что это было последнее, что Элли схватила по пути к двери, когда мы собирались в роддом. Помню, как спросил, зачем ей нужен клатч во время родов, но предположил, что это один из тех вопросов, которые мужчина просто не должен задавать женщине.

— Я рад, что ты нашла его. Уверен, ей было бы приятно узнать, что ты пойдешь с ним на выпускной бал сегодня вечером.

Олив встает, ее макушка теперь достигает моего плеча. Когда она так выросла? Такая красивая. Ее длинные светлые локоны в беспорядке, и она все еще в пижаме. Она вроде похожа на юного подростка и в то же время на молодую девушку на пороге женственности.

— Ты проснулась так рано, думая о клатче? — спрашиваю я.

— Я просто взволнована предстоящим вечером и немного нервничаю, так как Ланы здесь нет, чтобы пойти со мной.

Весь этот год был трудным для Олив с Ланой, уехавшей учиться в колледж, — это предварительная репетиция того, что ожидает и меня тоже в следующем году, когда моя маленькая девочка покинет меня. Лана приезжает домой раз в месяц или около того, но Олив скучает по ней, как сумасшедшая, и даже не скрывает своих истинных чувств по этому поводу. Подростковые гормоны еще раз напоминают мне, что в одиночку я бы не справился.

— У тебя будет сегодня замечательный вечер. Я обещаю, — говорю я ей.

Олив осматривает сумочку и расстегивает молнию на ней, чтобы заглянуть внутрь. Она запускает руку вовнутрь, и странное выражение мелькает в ее глазах. Там не должно быть ничего, так как я забрал его у Элли, когда мы были в больнице, и я не помню, чтобы что-то оставалось внутри. Олив вытягивает руку из клатча, и я вижу записку, зажатую у нее между

пальцев.

— Что это?

Я выхватываю записку из ее рук и разворачиваю так быстро, как только могу, обнаруживая, что она свернута в шесть раз, прежде чем открывается в полный размер листа тетради.

— Можешь включить большой свет? — прошу я Олив.

Мое сердце уже болит, и я не могу разобрать ни слова в темноте. Но как только фонарь освещает комнату, написанное становится четким.

— Это от мамы? — спрашивает Олив.

— Да, — говорю я, затаив дыхание. После стольких лет эта женщина все еще умеет красть каждый мой вдох.

— Прочитай его вслух, — Олив обнимает меня, и кладет голову мне на плечо, когда я начинаю читать.

Мой Хантер.

Итак, я не знаю, когда ты увидишь эту записку. На самом деле надеюсь, что этого никогда не произойдет, потому что если ты найдешь ее, то это будет означать, что со мной что-то случилось, и меня, вероятно, больше нет с тобой рядом. Это также будет означать, что ты будешь очень расстроен из-за меня, узнав некоторые секреты, которые я скрывала от тебя, учитывая, что я знала, что произойдет что-то ужасное и решила скрыть это от тебя заранее. Это действительно звучит хуже, чем есть. Мне так кажется.

Прежде чем все тебе расскажу, хочу, чтобы ты знал, как сильно я люблю тебя. С первого дня школы, когда ты взял меня за руку, и мы шли к автобусу, а потом ты вытер мои слезы, когда я прощалась с родителями; на второй день, когда тебе пришлось сделать то же самое, и, на самом деле, каждый день весь первый год в школе. К июню того года я уже знала, что ты навсегда останешься моим лучшим другом, и так приятно сознавать, что уже тогда, в свои шесть лет, я была права.

Жизнь без тебя не имела бы смысла. Вырасти с человеком, с которым хотела бы провести всю свою жизнь, — поверь, не каждой девочке повезло в жизни испытать такое. Но мне повезло. Очень повезло оказаться именно той девушкой, которую парень тащил в сад ночью, чтобы вырезать на дереве ее имя рядом со своим.

Полагаю, было бы правильнее и проще рассказать тебе, что шансов прожить до двадцати пяти лет у меня мало. Я могла бы сказать тебе обо всем, что хотела, например, пожалуйста, не переставай жить своей жизнью после моего ухода, и я надеюсь, что ты дашь второй шанс настоящей любви, даже если ты и не знал эту женщину первые двадцать лет.

В тот момент, когда я узнала об аневризме после нашей автомобильной аварии, у меня было только два пути: я могла сказать тебе, что не собираюсь ничего делать, или могла скрыть это от тебя и притвориться, будто все будет хорошо. Большинство людей, возможно, выбрали бы более честный путь, но я не могла даже вообразить, как сказать тебе о том, что меня ожидает. Ты бы проводил каждый свой день, беспокоясь обо мне, ухаживая за мной, как будто я хрустальная ваза. Ты бы женился на мне, я знаю это, но ты никогда бы не захотел завести ребенка, потому что это стало бы, скорее всего, самой вероятной причиной, которая привела бы к разрыву аневризмы.

Ты знаешь меня — я боюсь крови, порезов, ушибов, переломов, болезней и микробов, что стало своего рода иронией, когда доктор сообщил мне мой прогноз. С того момента ничто, казалось, не пугало меня. Если бы я упала и ударилась головой — это был бы конец. Но я преодолела все эти глупые опасения, и мы забеременели, и я собираюсь родить нашу дочь. Знаю, что это звучит ужасно, сам факт обмана, и то, что, возможно, я оставлю тебя заботиться о ней в одиночку, но я все продумала. В течение многих лет, на самом деле. Я хотела оставить тебе часть меня. Ты не можешь провести двадцать пять лет с кем-то и ничего не оставить после себя. Я размышляла о том, что ты можешь не согласиться с этой теорией, но также думаю, что достаточно хорошо тебя знаю, и ты хотел бы, чтобы какая-то часть меня осталась рядом с тобой, потому что я хотела бы того же самого, если бы все было наоборот.

Уверена, что ты будешь удивлен, когда узнаешь, что я решила пожертвовать свое сердце, и не понимаю, почему я не должна этого сделать. Женищина, которую я знаю, умирает, и я сказала ей, что если умру раньше нее, то хотела бы оставить ей ту часть меня, которая все еще жива. Она говорила, что у нее нет шансов найти донора из-за ее редкой группы крови — такой же группы, как у меня. Это и было тем знаком, который подсказал мне, что я все делаю правильно. Я понимаю, что ты не знаешь эту женщину, так как я никогда не упоминала о ней... это потому, что она знала всю правду, а ты — нет. И да, я понимаю, как несправедливо это все звучит, но, опять же, это только потому, что я не хочу причинять тебе еще большую боль, чем ты уже и так вынужден чувствовать. Ты был так счастлив все эти годы, пока мы были вместе, и я не хотела омрачать наши дни беспокойством и страхом, что вдруг со мной что-то случится. Мои родители также не знают, да и незачем. Им было бы слишком обидно, если бы они узнали, что их дочь скрывает от них.

Я оставила заметки для нашей дочери в ее детском альбоме, который, надеюсь, она будет читать, когда станет постарше. Я также надеюсь, что она похожа на меня, но с твоим характером. Надеюсь, что она добрая, как мы с тобой, и любит все и всех. Если у нее мои сумасшедшие, вьющиеся волосы, то скажи ей, что я сожалею. Если у нее твои насыщенные небесно-голубые глаза, скажи, что ей повезло. Если она когда-нибудь спросит обо мне, скажи, что она может говорить со мной, когда захочет, и я услышу. Я всегда буду вашим ангелом-хранителем. Я точно не знаю, как это все работает там, на небесах, но если мое сердце может жить, тогда и душа тоже.

Не позволяй себе вести себя так, как ты обычно делаешь, когда чем-то расстроен. Не закрывайся от людей. Позволь твоим родителям помочь тебе, а Эйджею стать дядей, которым он и должен быть. Игнорируй моих родителей, которые будут винить тебя в моей смерти, потому что, уверена, они будут. Самое главное, не смей винить себя в том, что меня не стало. Я знаю, что ты взял на себя ответственность за ту аварию, хотя там и близко не было твоей вины, поэтому уверена, что Хантер, которого я люблю и знаю, сейчас обвиняет себя в моей смерти. Это не твоя вина. Это был мой путь... он просто закончился раньше, чем твой.

Ты знаешь стихотворение Роберта Фроста «Другая дорога»? Я использовала его, когда преподавала, не потому, что оно было написано известным поэтом, а из-за смысла, заложенного в нем. Смысл, правда, зависит от того, как читатель понимает его. Некоторые скажут — у нас нет выбора в жизни. Другие скажут, что есть. Я лично думаю, что у нас есть и то, и другое. Я не выбирала, когда ты пришел в мою жизнь, будучи

ребенком. У меня не было выбора, когда я влюбилась в тебя. Однако у меня был выбор, когда ты предложил мне выйти замуж, и когда мы решили завести ребенка. Может быть, выбора и не было, другие могли выбрать другой путь, но я выбрала то направление, которое желала больше всего, и, хотя оба пути в конечном итоге привели бы к одной и той же конечной точке, я рада, что выбрала этот путь, и ничего не хотела бы менять.

Помни об этом: иногда у нас есть выбор, а иногда его нет. И в случае, если его нет, ты всегда должен рассматривать путь, который может быть совершенно неизведан и непредсказуем — это может все изменить. Живи, как в последний раз, Хант, живи, словно завтра не наступит, и ты никогда не пожалеешь об этом. Поверь мне.

*Навеки твоя,
Твое Сердце — Элли.*

Роберт Фрост

ДРУГАЯ ДОРОГА

*В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.*

*Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехоженей, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла;
А впрочем, заросшими были обе.*

*И обе манили, радуя глаз
Сухой желтизной листвы сыпучей.
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.*

*Еще я вспомню когда-нибудь
Далекое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть --*

И это решило все остальное.

Стихотворение перевел с английского Григорий КРУЖКОВ
Изд: М.: АРГО-РИСК; Рудомино, 1999.

**** КОНЕЦ ****

Больше книг на сайте - Knigolub.net